

В.Л. ЯНИН

ОЧЕРКИ
КОМПЛЕКСНОГО
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

В.Л. ЯНИН

**ЧЕРКИ
КОМПЛЕКСНОГО
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ**

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ НОВГОРОД

*Допущено Министерством
высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов исторических
факультетов университетов*

МОСКВА. «ВЫСШАЯ ШКОЛА». 1977

902.6

Я 62

Рецензенты: кафедра истории СССР Ростовского государственного университета и профессор С. О. Шмидт.

Янин В. Л.

Я 62 Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. Учебн. пособ. М., «Вышш. школа», 1977.
240 с.

В учебном пособии рассматривается методическая проблема комплексного исследования разнообразных источников и использования достижений специальных и вспомогательных исторических дисциплин на конкретных примерах истории средневекового Новгорода. Книга дает представление о том, что кардинальные проблемы истории могут изучаться только путем освоения всего фонда письменных и материальных источников.

Я $\frac{10604 - 393}{001 (01) - 77}$ 16—77

902.6

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая книга очерков посвящена истории средневекового Новгорода, но ее главная цель иная. Историческая наука на современном этапе, как никогда раньше, испытывает необходимость в комплексном изучении источников, которое в силу их исторической дифференциации затруднено существованием специфических методик многочисленных специальных дисциплин. Язык, на котором говорят эти дисциплины, требует особого изучения, отпугивающего исследователя. Поэтому успех в развитии специальных дисциплин часто приобретает незаслуженно локальный характер, тогда как он призван углублять русло магистральных направлений исторических исследований. Эти мысли в книге развиваются путем изучения конкретных сюжетов источниковедческой критики.

Книга составляет основу специального курса «Источниковедение Новгорода», который читается автором на историческом факультете Московского государственного университета, но во многих своих частях представляет результат занятий в семинаре со студентами, специализирующимися по истории средневекового Новгорода. Собранные здесь источниковедческие очерки содержат известную сумму материалов, позволяющих наметить общеисторическую периодизацию древнего Новгорода, но автор не стремился к систематическому обзору всех видов источников этой темы, избирая те сюжеты, разработка которых наиболее наглядно демонстрирует преимущества комплексного источниковедения. Наиболее емкие сюжеты той же проблемы были предметом других наших книг, к которым мы и отсылаем читателя¹. Перво-

¹ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962; *его же*. Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. 1—2. М., 1970; *его же*. Я послал тебе бересту..., изд. 2. М., 1975.

начальные варианты некоторых очерков были опубликованы в журналах и сборниках ¹.

¹ См.: Янин В. Л. Из истории высших государственных должностей в Новгороде. — Сб.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963; *его же*. Заметки о новгородских берестяных грамотах. — «Советская археология», 1965, № 4; *его же*. Из истории землевладения в Новгороде XII в. — Сб.: Культура древней Руси. М., 1966; *его же*. Новгородские грамоты Ачтония Римлянина и их дата. — «Вестник Московского университета». Серия история, 1966, № 3; Изучение древнерусских вислых печатей. — «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. 1. Л., 1968; *его же*. Грамота Святослава Ольговича 1137 г. — Сб.: Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972; *его же*. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья. — «История СССР», 1973, № 3; *его же*. Возможности археологии в изучении древнего Новгорода. — «Вестник Академии наук СССР», 1973, № 8; *его же*. Патрональные сюжеты и атрибуция древнерусских художественных произведений. — Сб.: Византия. Южные славяне и древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М., 1973; *его же*. Церковь Бориса и Глеба в новгородском Детинце. — Сб.: Культура средневековой Руси. Л., 1974; *его же*. Археологические раскопки в Новгороде. — Наука и человечество. Международный ежегодник. 1976. М., 1975.

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕГРАЦИИ ПИСЬМЕННЫХ И ВЕЩЕСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Оценивая сегодняшнее состояние вспомогательных исторических дисциплин, к числу которых относится и источниковедение, можно говорить как об их значительном успехе, так и о наличии несомненных признаков, способных в будущем породить существенные методические сложности.

Успех проявляется в быстром развитии новых исследовательских методов, которые позволили в решении многих специальных вопросов расстаться с интуитивными догадками и подойти к установлению таких объективных критериев, которые рождают бесспорный вывод. Признаки, ведущие в перспективе к возникновению методических сложностей, заключаются в том, что эти прекрасно решаемые специальные вопросы с развитием вспомогательных дисциплин порой перестают носить характер важных исторических проблем, приобретая все больше самодовлеющее источниковедческое значение.

Воспользуемся примерами, которые можно почерпнуть из современного состояния одной из наиболее успешно разрабатываемых исторических дисциплин — нумизматики.

Возникнув первоначально как область коллекционирования, нумизматика затем превратилась в научную дисциплину, когда комплектование коллекций поставило перед собирателями первые загадки, связанные с определением времени, места изготовления и принадлежности сложных для понимания нумизматических фактов. На первых порах развития нумизматики — практически на протяжении XVI—XIX вв. — главным направлением было формирование классификационных систем и в связи с этим формирование систематических коллекций. Основной целью работы оставалась задача отыскать в системе место для каждого нового факта и, следовательно, решать узкоисточниковедческие вопросы.

В этот период оформилось и популярное до сегодняшнего дня определение нумизматики как исторической дисциплины: «Нумизматика занимается изучением внешних данных монет: именно иконографии и легенд. Но

вопросы, связанные с изучением денежного счета, представляют собой один из разделов отнюдь не нумизматики, а метрологии»¹. Приведенное определение наиболее последовательно отражает существующее представление о границах дисциплины, ограничивая сферу собственно нумизматического исследования. Это определение можно конкретизировать многими способами, подставляя вместо метрологии иные родственные нумизматике аспекты. В частности, чтобы быть вполне последовательным, можно отметить, что иконографический ракурс нумизматики в значительной степени способен составить содержание не нумизматики, а истории искусства; изучение нумизматических легенд является частью эпиграфики.

Придерживаясь определения нумизматики как исторической дисциплины, следовало бы несколько уточнить его. Нумизматика занимается изучением внешних данных монеты с целью определения ее времени, места изготовления и принадлежности. Она опирается на иконографический и эпиграфический методы, но, будучи, наконец, определена, монета переходит из рук решивших свою задачу нумизматов в руки специалистов в области других дисциплин.

Отметив абсолютную правильность такого определения для начальной поры развития нумизматики, нужно, однако, решительно возразить против сохранения этой дефиниции на новом этапе, соответствующем сегодняшнему состоянию нумизматики.

Новый этап развития нумизматики характеризуется резким расширением ее методических приемов. Этот этап определился в первой четверти XX в., хотя отдельные исследователи намечали его и в более раннее время. Существо коренного изменения дисциплины состоит в том, что роль главного источника перестала играть отдельная монета и даже систематическая коллекция монет. Таким источником стали монетный клад и топография монетных находок. Основы нового методического подхода к нумизматике были четко сформулированы в трудах выдающегося русского нумизмата-ориенталиста Р. Р. Фасмера², а забота о собирании сведений о монетных

¹ Черепнин Л. В. Русская метрология. М., 1944, с. 13—14.

² Программное значение имеет статья Р. Р. Фасмера «Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Евро-

находках определила предмет деятельности специально созданного в первые послереволюционные годы научного коллектива, который объединил крупнейших специалистов того времени¹.

Остановимся прежде всего на тех топографических приемах, которые внешне не преобразуют задач нумизматики, укладываясь в рамки традиционного определения этой дисциплины. Во многих случаях привлечение материалов топографии ведет к установлению конкретного места чеканки монетных серий. Именно топографическим методом была решена занимавшая нумизматов (и не только нумизматов) на протяжении столетия проблема выпуска древнейших русских монетных серий с именами Владимира, Святополка и Ярослава². Было выяснено, что чекан Ярослава связан исключительно с Новгородом, а чекан Владимира и Святополка — с Киевом. Тот же пример важен для демонстрации другой возможности топографического метода. Исследование древнейших русских монет в «контексте» сопутствующих им кладовых материалов разрешало другую, еще более острую проблему о времени чеканки этих монет. Прежние определения колебались в широких пределах конца X, XI и всего XII вв. Анализ сопутствующих материалов ограничил эту дату концом X — началом XI в.³

Существуют и более сложные примеры. Известно, что изготовленная из драгоценного металла монета, будучи включена в оборот международной торговли, сбрасывает, по выражению К. Маркса, свой национальный мундир и превращается в частицу мирового денежного хозяйства. В программе нумизматического источниковедения эта проблема порождает особый аспект исследования: каковы даты бытования такой монеты не на ее родине, а там, куда она была занесена потоками мировой торговли, облачившись в иной национальный мундир.

пе». — «Известия АН СССР», серия VII, ООН, 1933, № 6—7, с. 473—484.

¹ См.: Труды Нумизматической комиссии Государственной академии истории материальной культуры, т. 1—6. Пг. — Л., 1921—1927.

² См.: Ильин А. А. Топография кладов древних русских монет X—XI вв. и монет удельного периода. Л., 1924; Лихачев И. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2. Л., 1930, с. 174—192.

³ См.: Бауер Н. П. Древнерусский чекан конца X и начала XI в. — «Известия ГАИМК», т. 5. Л., 1927.

Для русского средневековья эта проблема особенно остра, поскольку на протяжении многих столетий — и до, и после кратковременного опыта чеканки собственной монеты на рубеже X—XI вв. — русское денежное обращение удовлетворялось массовым ввозом иноземного серебра, сначала восточного в виде куфических монет, затем западноевропейского в виде разнообразных денариев. На протяжении второй половины XIX в. и первой половины XX в. дискуссия о хронологических ножницах между датой изготовления и датой русского обращения иноземной монеты была одной из самых острых. В частности, пример с датировкой русских монет древнейшей поры XII веком опирался на предполагаемую обязательность хронологической надбавки к дате младшей иноземной монеты кладов, в которых встречались и древнейшие русские сребреники. Предполагалось, что такая монета, изготовленная где-нибудь в Багдаде или Басре, должна была совершить путешествие длиной в целое столетие, чтобы на месте ее сокрытия в кладе встретиться с только что выпущенной русской монетой¹.

Теперь вопрос о необходимости широких хронологических надбавок решен отрицательно исследованием вновь найденных кладовых комплексов. В ходе археологических раскопок в Новгороде дважды удавалось обнаружить большие клады куфических монет², датировка которых могла быть обоснована не только внутренним анализом самих комплексов, но и независимым от него стратиграфическим анализом условий и обстоятельств находки. Оба клада были перекрыты культурными напластованиями с деревянными остатками хорошей сохранности, что позволило исследовать их средствами дендрохронологии. Выяснилось, что максимальная хронологическая разница между возможной датой сокрытия кладов и образованием этих перестилающих их остатков не превышает 14 лет³.

Можно ли, однако, делать из этого вывод, что даты иноземных монет всегда должны совпадать с датами их

¹ См.: Орешников А. В.: Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936, с. 31.

² См.: Янина С. А. Неревский клад куфических монет X в. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 55, 1956; *её же*. Второй Неревский клад куфических монет X в. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 117, 1963.

³ Самыми поздними монетами этих кладов были дирхемы в первом случае 972 г., во втором — 975 г. Между тем перестилающий

обращения на Руси? Нет. Из многих возможных примеров приведем наиболее яркий.

Исследование комплексов русских кладов куфических монет начала X в. обнаружило наличие в них больших масс дирхемов, чеканенных за сто лет до их сокрытия в земле. Эти монеты составляют подавляющую часть сокровищ начала X в., но не несут на себе никаких следов длительного обращения. Напротив, известны случаи, когда в кладах имеются большие группы монет, чеканенных одними и теми же штемпелями, т. е. составлявшие на протяжении столетия неподвижный комплекс, который, выйдя из-под молотка багдадского чеканщика времен Харуна ар-Рашида, никогда не разобцался, иными словами, не участвовал в обращении. Причины такого странного явления хорошо объяснимы исторически, они отчетливо наблюдаются на протяжении почти всего XI в. В момент становления широких связей Халифата со странами Восточной и Северной Европы в конце VIII в. на восточных монетных дворах было отчеканено громадное число дирхемов, превышающее действительные потребности мировой торговли, и эти дирхемы постепенно вводились в обращение вплоть до того момента, когда центры организации этой торговли перешли в руки Саманидов¹. Указанное обстоятельство предопределило и мизерный, чисто политический характер выпуска монеты халифами середины — второй половины IX в.

Приводя эти примеры, мы остаемся в рамках старого определения задач нумизматической дисциплины и показываем только расширение круга ее источниковедческих приемов.

Еще один важнейший прием был предложен в 40-х годах И. Г. Спасским и является теперь одним из самых существенных инструментов источниковедческой критики. И. Г. Спасский стал рассматривать монету как произведение ремесла и исследовать ее методами анализа производственной технологии. Разработанный им аспект привел к открытию закономерностей в смене штемпелей денежного кружка. Поскольку всякая монета изготавлилась при помощи двух штемпелей, а эти штемпели в про-

их ярус построек датируется 989 годом. См.: *Колчин Б. А.* Дендрохронология Новгорода. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 117, 1963, с. 85.

¹ См.: *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, с. 107.

цессе работы снашивались не одновременно, всякий раз при замене одного из штемпелей новая монетная серия оказывалась родственно связанной с предыдущей. Такую связь между ними можно выразить графической цепочкой последовательно обновляемых штемпелей. Нарастывая эти цепочки, можно решать две труднейшие задачи: проблему относительно хронологической классификации монет, не несущих на себе обозначения даты, и проблему места чеканки монетных серий; очевидно, монеты, чеканенные на разных денежных дворах, составят разные штемпельные цепочки. Блестящим примером применения этой методики было решение И. Г. Спасским вопроса об истории выпуска и порчи монет в эпоху интервенции начала XVII в. Исследователь выявил серии монет, чеканенных Ярославским ополчением Минина и Пожарского, а также шведами в оккупированном ими Новгороде¹. Недавно все выводы И. Г. Спасского, сделанные при помощи чисто нумизматических приемов, подтвердились находкой письменных свидетельств в советском и шведском архивах².

И еще один важнейший метод нуждается в краткой демонстрации. Если раньше исследователи решительно отделяли вопросы истории денежного счета от собственно нумизматики, перенося их целиком в сферу метрологии, то теперь метрологические методы вошли в кровь и плоть нумизматического источниковедения.

Приведем примеры, в равной степени связанные и с историко-техническим, и с топографическим аспектами нумизматического исследования. Открытие И. Г. Спасским шведского чекана в Новгороде 1611—1617 гг. базируется и на исследовании монетных штемпелей, и на метрологических данных. Шведы воспользовались старыми штемпелями копеек с именем Василия Ивановича Шуйского и ставшими теперь анахронистическими датами, но изменили при этом стопу, уменьшив вес монеты. Именно эта весовая разница служит главным критерием отличия шведских монет от подлинных копеек Василия Шуйского. Напомним, какие споры вызвала проблема

¹ См.: Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 44, 1955.

² См.: Спасский И. Г. Новые материалы о Новгородском денежном дворе в 1611—1617 гг. — Сб.: Новое в археологии. М., 1972.

монетной стопы Василия Шуйского в начале века¹. Топографический аспект участвует в общей системе аргументации: выяснено, что чеканенные до 1617 г. новгородские шведские копейки не встречаются в раннихкладах монет Михаила Федоровича до Столбовского мира, ареалы тех и других были рассечены временной границей между Россией и Швецией.

Ранние монеты Ярославского ополчения несут на себе анахроничное имя последнего законного в глазах ополчения царя Федора Ивановича. Вычленив эти монеты из подлинного материала чеканки Федора в равной степени позволили штемпельный анализ и исследование весовых данных, поскольку ополчение воспользовалось не принятой в конце XVI в. монетной стопой, а вынуждено было следовать за московской реформой польских интервентов, понизивших вес копейки.

К середине X в. резко меняется характер чеканки куфических монет, отражая наступление так называемого восточного серебряного кризиса. Дирхем, чеканенный по способу аль-марко (т. е. без юстировки каждого выпускавшегося в обращение экземпляра), приобретает чрезвычайно разбросанный вес, причем пределы колебания веса монет достигают нескольких граммов. Между тем во многих русских кладах этой поры, вопреки исходной пестроте чекана, наблюдается наличие двух четко выраженных весовых групп с нормой около 2,8 и 3,4 г. Это обстоятельство свидетельствует об обработке на Руси поступающего с Востока монетного материала, о сортировке монет, выбраковке не соответствующих местным нормам экземпляров и даже о подгонке какого-то количества монет под эти нормы. На многих экземплярах хорошо видны следы такой подгонки: часть металла на краях монет срезана. Но если это так, то возникает возможность судить и о самих местных нормах, установить в данном случае величину куны и ногаты. Отметим, что современная филология термин «ногата» производит

¹ См.: *Веселовский С. Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1909; *его же.* Понижение веса монеты при царе Василии Шуйском. — *Нумизматический сборник*, т. 2. М., 1913; *Чижов С. И.* О весе копеек царя Василия Шуйского. — *Там же*; *Кауфман И. И.* Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в. СПб., 1910, с. 82—86.

от арабского глагола «нагд», что значит сортировать монету, выбирать лучшие экземпляры¹.

Великолепным примером единства технического и метрологического методов может быть исследование новгородских денежных слитков XIV—XV вв. Достаточно хорошо известно, что рубль XV в. в Новгороде состоял из 216 денег с нормой в 0,79 г, т. е. приравнивался приблизительно к 170 г серебра. Между тем новгородские денежные слитки того времени весят около 196 г. Их технический анализ обнаружил, что слитки изготавливались в два приема, причем качество серебра в обеих отливках не было одинаковым². Расчет действительного количества серебра в таком слитке показывает, что они в самом деле равноценны 216 денгам, вопреки внешней разнице веса серебра в монетах и слитках³.

До сих пор мы ограничивались выводами, свидетельствующими только о совершенствовании исследовательской методики и умножении методических приемов. Однако применение всех этих и многих других внешне более частных, а принципиально не менее значительных приемов, несомненно связано с коренным видоизменением задач нумизматического исследования. Как уже отмечалось, главным источником нумизматических построений становится монетный клад и топография монетных находок. Но это изменение имеет качественный характер. Если прежде практической задачей дисциплины было составление систематических коллекций, то собирательская деятельность демонстрировала пренебрежение к так называемому дублету. Клады всегда были главным источником формирования музейных коллекций, но из кладов для систематической обработки в собраниях извлекались лишь те монеты, которые до их находки отсутствовали в коллекциях или отличались неудовлетворительной сохранностью. Все прочее, т. е. практически подавляющее большинство вновь найденных монет, отправлялись на переплавку.

Теперь нумизматика в большей степени интересуется

¹ См.: Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период, с. 133—136.

² См.: Сотникова М. П. Из истории обращения русских серебряных платежных слитков в XIV—XV вв. (Дело Федора Жеребца, 1447 г.). — «Советская археология», 1957, № 3.

³ См.: Янин В. Л. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. — В сб.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. 3. Л., 1970.

массовыми материалами, предпочитая иметь дело не с единичным — пусть даже очень ярким — фактом, а с сериями одинаковых монет, отыскивая в истории монетного дела явления устойчивые, определяющие характер, состав и тенденции развития монетного хозяйства. Главной задачей исследования кладов стало установление динамики развития состава монетного обращения, а сам клад признается зеркалом, отражающим особенности денежного хозяйства на разных этапах его развития. Открытие этих закономерностей важно для датировки кладов, но еще важнее для характеристики древней экономики. Установление хронологического тождества между временем выпуска куфических монет и временем их сокрытия на Руси, нужно думать, характеризует сильнейшую активность движения товаров на путях мировой торговли того времени, а это, с точки зрения старого определения задач нумизматики, вопрос отнюдь не нумизматический.

На массовость одинаковых нумизматических фактов опирается метрологическая характеристика монет, но эта характеристика, важная для определения даты монеты, еще в большей степени важна для установления динамики развития денежного хозяйства, определения времени и характера денежных реформ и т. д. Исследования И. Г. Спасского, основывавшиеся на анализе штемпельных цепочек, показали, что в истории русского монетного дела не было предполагавшегося ранее постепенного сползания монетной нормы в процессе каждодневной эксплуатации монетной регалии¹. Изменение норм осуществлялось от реформы к реформе, будучи всякий раз вызвано конкретными, поддающимися выявлению причинами.

Изменение предмета нумизматических исследований, расширение круга методических приемов заставляют поставить вопрос: что нумизматика берет от других дисциплин истории и что она дает им или, по крайней мере, должна им давать? Очевидно, что это просто иная формулировка вопроса об определении задач нумизматики на современном этапе ее развития.

Нумизматика сейчас сохраняет характер вспомогательной дисциплины лишь в частных ее проявлениях.

¹ Ср.: Федоров Г. Б. Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I (1359—1425 гг.). — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 12, 1949.

Так, установление нумизматическими методами хронологии иконографических явлений передает искусствоведам препарированный и критически проверенный материал. То же касается эпиграфического аспекта этой дисциплины или исходных нумизматических характеристик явлений геральдики, династической хронологии, исторической географии, истории техники и ремесла, языковедения и т. д. Во всех этих и им подобных случаях нумизматика, выполнив свои источниковедческие задачи, передает материалы специалистам иных профилей.

Однако существует главный аспект нумизматических исследований, который внутри самой дисциплины предполагает ее подразделение на специальное источниковедение и историческое построение. Монета возникает, развивается, меняет свои характеристики, обслуживая товарное обращение. Для многих периодов и территорий она остается порой единственным и почти всегда главным источником изучения денежного обращения и денежного хозяйства. Монета остается монетой даже в том случае, если она лишена изображений или же анепиграфна. Поэтому всякий монетный кружок или денежный слиток практически представляет собой единство двух неразделимых компонентов — качества металла и весовой нормы. Третий компонент, также неизбежный, — место этого кружка (номинала) в системе денежных единиц.

Сочетание этих факторов и определяет главное направление нумизматических исследований, немислимых без выявления состава денежного обращения, установления монетных норм, реконструкции денежных систем, динамики развития этих систем.

Совершенно очевидно, что такое исследование не может не опираться на подробный и квалифицированный анализ многочисленных письменных источников: ведь только они содержат возможность назвать номиналы, коль скоро такие названия на протяжении всего средневековья отсутствуют на европейских монетах. Тем более они отсутствуют там, где бытует иноземная монета, смена национального мундира которой выражается не в изменении внешних признаков, а в перемене имени.

Для изучения русских монетных систем роль письменных источников особенно велика. На XII—XIV века приходится так называемый безмонетный период, на протяжении которого роль мелкой монеты выполняли пока неуловимые разного рода товаро-деньги. Но как раз в

это время происходили сложнейшие процессы распада единой денежной системы Руси на областные системы, которые можно при помощи монет фиксировать только с конца XIV в., когда возобновилась русская монетная чеканка. Таким образом, два разорванных безмонетным периодом этапа русского денежного обращения лишены нумизматической соединительной ткани. Восстановить такую ткань можно только детальным анализом письменных свидетельств, в том числе берестяных грамот¹.

Задача современной нумизматики, таким образом, заключается в исследовании истории денежного хозяйства и денежных систем на основании изучения всех возможных источников этой проблемы, в первую очередь, разумеется, самих монет. Если прежде нумизматические цели ограничивались сферой специального источниковедения, то теперь нумизматика становится специальным направлением исторического исследования. Остается ли она при этом специальной дисциплиной? Нам представляется, что нет. Материалы нумизматики составляют такой же важный для историка источник, как летописи и акты, памятники археологии и предметы древнего художественного творчества. Они формируют направление исследования, т. е. круг важных исторических проблем, связанных с изучением развития денежного хозяйства и экономики в целом. Решение таких проблем немислимо без исследования нумизматических фактов.

Расширив сферу своих интересов, нумизматика не поглощает других дисциплин, но вступает с ними в полезные контакты, во многом деформируя и их традиционные цели. Приведем в качестве примера метрологию. Раздел этой дисциплины, касающийся изучения весовых единиц, неразрывно связан с нумизматикой, поскольку на протяжении целых эпох главным полем применения весов и гирь оставалось взвешивание монетных металлов, которые всегда выражались прежде всего через вес. Очевидно, контакты весовой метрологии с нумизматикой более активны, чем с такими отделами метрологии, как, скажем, история систем линейных измерений. Это очевидно настолько, что в современных исследованиях гривны и

¹ Частный опыт такого восстановления для Новгорода был предложен в статье: *Янин В. Л.* Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. — В сб.: *Вспомогательные исторические дисциплины*, вып. 3.

сажени не встречаются друг с другом. И тем не менее упомянутые разделы остаются частями одной и той же дисциплины, будучи связаны между собой единством математических концепций древности и единством систем сочленения единиц в практике счета.

До сих пор мы останавливались на существенных успехах нумизматики. Каковы же признаки, угрожающие этой дисциплине методическими трудностями? Прежде всего это противоречие между ее возможностями и затянувшимся восприятием существа нумизматики как вспомогательной дисциплины. Став направлением исторического исследования, нумизматика для историков не утратила иллюстративного по преимуществу характера, поскольку ее главные успехи становятся достоянием узкоспециальных публикаций. Ложно понимаемые цели нумизматики у самих нумизматов способны порождать тенденции к источниковедческому практицизму и самоограничению. На путях к решению важных исторических проблем штемпельный анализ, к примеру, дает наиболее значительные выводы там, где он направлен к генерализации явлений, как это блестяще продемонстрировано исследованиями И. Г. Спасского. Но тот же метод способен направить к увлечению несущественными деталями, к потере исторической перспективы, когда результаты многолетней кропотливой работы выражаются только в гигантских простынях штемпельных цепочек, демонстрация которых составляет предмет гордости автора исследования, но ничего не дает для понимания динамики развития монетного чекана. В такой же тупик уводит преувеличение роли хронологических и территориальных отклонений от главных процессов в исследованиях топографии монетных находок, правильное осмысление которых лежит на пути выявления главного, направляющего.

Нумизматике здесь уделено много внимания, поскольку ее пример ближе всего знакомит с главными тенденциями развития специальных исторических дисциплин. Но такие тенденции характерны и для других областей специального исторического знания, где так же отчетливо видны процессы переосмысления их первоначальной задачи.

На протяжении полутора столетий исследователи привычно усматривали в сфрагистике отдел дипломатики, называя задачей сфрагистики датировку и определение

места составления акта по сохранившейся на нем печати. Обстоятельства сложились так, что сфрагистика накопила больше таких материалов, которые давно и навсегда отделились от актов, чем печатей, сохранившихся при грамотах. Еще существеннее то, что ископаемые материалы — будь то месопотамские цилиндры, византийские или русские средневековые буллы — тяготеют к периодам, от которых не сохранилось или почти не сохранилось скрепленных такими печатями документов. С точки зрения традиционного определения задач сфрагистики, все это бросовые материалы, не имеющие значения. И тем не менее наиболее заметны успехи сфрагистики там, где такое определение не могло быть применено. Совокупность византийских или русских ископаемых булл образует первоклассный источник по истории государственных учреждений соответствующих обществ, отражая конкретную историю почти не зафиксированных в других источниках государственных административных реформ. Наблюдения над ними дают возможность установить ход важнейших для истории процессов перераспределения юрисдикции по мере развития государства.

Именно ископаемые сфрагистические памятники позволяют предложить подробную периодизацию республиканского развития Новгорода от момента становления республиканской государственности в конце XI в. до ее падения в 1478 г. Анализом этих материалов установлен особый характер государственного творчества в конце XIII в., когда Новгородская республика трансформируется в свою классическую форму. Эти же материалы бросают яркий свет на существо республиканских преобразований 1136 г., которые оказались совсем не такими, какими их представляли себе историки на протяжении многих десятилетий¹.

Однако и здесь мы видим перерастание вспомогательной дисциплины в направление исторического исследования, ибо очевидно, что собственно сфрагистическое исследование немислимо без синтеза специфических памятников сфрагистики с детальным анализом разнообразных письменных источников — летописей, актов, синодиков, — а также археологических предметов.

Остановимся еще на одном комплексе источниковед-

¹ См.: Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. 1—2.

ческих идей, внешне сохраняющих форму исторической проблемы, но уже обладающих всеми атрибутами вспомогательной дисциплины. Имеется в виду историческая топография средневекового города. Вспомогательная функция топографических исследований города относительно археологии и демографии очевидна. Цель этих исследований, на первый взгляд, не отличается сложностью: требуется положить на план города древние магистрали, переулки, общественные здания, площади, локализовать на нем схемы восстаний и военных действий. Долгое время лишь два вида источников служили основой таких построений: сохранившиеся до наших дней древние постройки и соотносимая с ними схема древней номенклатуры городских урочищ, заключенная в актах и летописных повествованиях. Самостоятельность такой темы от собственно истории неоднократно продемонстрирована в большинстве старых работ, которые в совокупности составляют специфическую отрасль геодезии, но отнюдь не ставят перед собой намерения разрешить проблемы, стоящие перед историческим исследованием. Такое направление развивается и в наши дни, например, в публикациях по исторической топографии Новгорода, активно включающих в арсенал методики археологические данные, полученные при наблюдениях над строительными работами. Здесь явно присутствует обязательная для вспомогательной дисциплины специфика методических приемов и ограниченность целей, однако результатом такой работы оказывается не динамическая картина истории городской застройки, а собирательный вариант старинного плана города, в котором стерты различия между столетиями и дана лишь корректировка ситуации, зафиксированной планами XVIII в.

Между тем любой город развивается прежде всего как социально-политический организм. На разных этапах своего развития он порождает специфические формы администрации. От взаимодействия и видоизменения его частей зависят конкретные системы организации городских властей, церковное устройство, формы сословного представительства. В формировании городской территории немаловажную роль играет разница между первоначально освоенными районами и районами, освоенными позднее. В применении к такому городу, как Новгород, вопрос о концах и сотнях является едва ли не основным для понимания хода формирования городской

застройки. Поэтому низведение исследовательской методики до простейших операций над двумя-тремя группами источников, равно как и возможное отпочкование на этой основе особой дисциплины, представляется занятием искусственным и уводящим в сторону от насущной исторической проблематики.

Логика и практика развития вспомогательных исторических дисциплин приводят постепенно к тому, что каждая из них трансформируется в замкнутую область знания. Каждая из таких дисциплин приобретает двухступенчатую структуру, включая в себя активно совершенствуемую и обрастающую специфическими приемами источниковедческую ступень и ступень исторического построения. В то же время и на стадии первоначального источниковедческого осмысления материала, и на стадии исторического построения эти дисциплины уже не могут существовать замкнуто, не вырываясь из тесных клеток, отведенных им традиционной классификацией источников. Они склонны расширять свою исходную базу в любых направлениях, особо обогащаясь за счет нетрадиционных для них категорий источников, в результате чего специфическое исследование нумизмата о хронологии монетного чекана начала XVII в. превращается в блестящую историю борьбы Русского государства с экономической и политической интервенцией, свод древнерусских печатей оборачивается исследованием развития средневековой государственности, а работа по эпиграфике денежных слитков открывает секреты производственной технологии литейного дела.

И в то же время традиция, порождающая неправильное понимание источниковедения как специфической области исследования только письменных источников, свято охраняет границы между традиционными дисциплинами. Она охотно отдает нумизматике историю денежного обращения, сфрагистике — историю государственных институтов, эпиграфике — проблему возникновения русской письменности, искусствоведению — комплекс эстетических проблем, генеалогии — историю целых сословий, геодезии и истории архитектуры — историю градостроительства. Взаимы или насовсем? И до каких пределов? И не превращается ли уже сейчас нерозданный пока остаток в новую вспомогательную дисциплину истории?

Нам представляется, что магистральным направлени-

ем развития специальных исторических дисциплин является не их дифференциация, которая, естественно, будет продолжаться и в дальнейшем путем совершенствования специфических для разных видов источников методических приемов, а их интеграция. Иными словами, правильное исследование любой проблемы истории должно опираться не на специфически ограниченную группу источников (летописи или акты, археологические памятники или письменные документы, монеты или надписи), а на исчерпывающую совокупность этих источников или же на достаточно репрезентативное их сочетание. Источниковедение обязано быть комплексным. В этой связи и научно-организационная деятельность должна учитывать такую потребность исследования и стремиться к объединению в единых рабочих и авторских коллективах специалистов разных профилей.

Что касается дифференциации, то она нужна только там, где вызвана особыми условиями исследования, и вредна в тех случаях, когда к ней стремятся искусственно. Несколько лет тому назад Д. С. Лихачев писал о возникновении новой исторической дисциплины — берестологии¹. Нам приходилось несколько раз цитировать это положение. Думается, однако, что пользы в создании такой дисциплины быть не может.

Мысль о берестологии как особой дисциплине опирается на сравнение с папиурологией. У берестяных грамот много общего с папирусами, прежде всего в существовании самих текстов. Однако то, что различает их, представляется более существенным. Отличие же их состоит в том, что папирусы в силу самих условий их находки с самого начала составили отдел письменных источников, ограничивая исследовательскую критику их текстов пределами самих текстов. Что касается берестяных грамот, то они, будучи по преимуществу письменными источниками, не перестают оставаться и памятниками археологии. Как археологический предмет они сохраняют все те преимущества, каких лишены папирусы. Берестяные грамоты находят в окружении многочисленных археологических предметов в точно фиксированных прослойках культурного слоя, в составе комплексов, локально привязанных к определенным усадьбам и постройкам. Поэтому

¹ См.: Лихачев Д. С. Новая наука — берестология. — «Новый мир», 1966, № 2.

они могут быть подвергнуты принципиальной группировке по этим комплексам, отражая всякий раз принадлежность к определенной семье, которая оставила не только грамоты, но и многочисленные предметы обихода. Связи между разными категориями археологических предметов и грамотами опосредствованы самой стратиграфией. Это касается и связей между самими грамотами.

Следовательно, анализ текстов этих документов требует постоянного их соотнесения со всем комплексом археологических находок, который и сам осмысливается через показания берестяных грамот, помогая в то же время правильно понять их тексты. Между грамотами, найденными в разных концах Новгорода, меньше связей, чем, к примеру, между грамотой Онцифора Лукинича и найденной здесь же деревянной ложкой с именем его дяди Ивана Варфоломеевича.

Изолированное исследование берестяных грамот может быть полезно в определенных аспектах, как это показано Л. В. Черепниным в его прекрасном исследовании¹, но оно же лишает источник множества не менее существенных возможностей. В качестве примера приведем топографическое изучение берестяных грамот Онцифоровичей, приведшее к открытию боярской патронимии как главной ячейки городской организации средневекового Новгорода.

Синтез источников в едином исследовании — главное средство развития исторической науки сегодня, а нашей главной задачей должно стать совершенствование приемов этого синтеза и преподавание таких приемов в высшей школе. Что касается исторического источниковедения, то именно ему следовало бы усвоить в качестве главной цели заботу о синтезировании всех видов источников и разработку новых плодотворных методов, возникающих при взаимодействии слишком далеко разошедшихся дочерних дисциплин истории. Цельное здание истории может твердо стоять только на цельном фундаменте источниковедения.

¹ См.: *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.

ПАМЯТНИКИ СФРАГИСТИКИ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ НОВГОРОДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Вряд ли нуждается в особом обосновании важность сфрагистики, которая давно уже стала неотъемлемой частью актового источниковедения. С ее помощью успешно решаются постоянно встающие перед исследователями задачи установления подлинности, авторства и времени написания древних документов. Примеры удачного использования сфрагистических возможностей для решения практических вопросов дипломатики многочисленны. Однако содержание сфрагистики отнюдь не сводится, вопреки распространенному представлению, к участию в дипломатической критике. Свидетельство этому — огромный материал русской сфрагистики X—XV вв., в котором вислые печати, сохранившиеся при документах, составляют каких-нибудь 7% от общего числа зарегистрированных памятников. Настаивая на вспомогательной функции сфрагистики, мы вынуждены были бы признать не имеющей научной ценности всю массу печатей, обнаруженных не при документах, а в земле, или же видеть в ней некий мощный фундамент для двух-трех десятков далеко не первостепенных дипломатических определений сравнительно поздних актов. Добавим к этому, что древнерусских ископаемых печатей известно свыше 2 тыс., что ни одна из булл домонгольского времени (а их зарегистрировано свыше 700) не сохранилась при документе, и нам станет ясной искусственная ограниченность привычного определения содержания и задач сфрагистики.

Небольшие свинцовые кружки, много веков тому назад утратившие связь с безвозвратно погибшими документами, некогда ими удостоверенными, содержат в своих изображениях и надписях первоклассный познавательный материал, введение которого в исторические построения способно прояснить многие важные проблемы и дать начало новым исследованиям. Предваряя обзор главнейших из этих проблем, мы можем характеризовать основной итог развития сфрагистических знаний в советское время как постоянное и успешное обоснование этой мысли.

Особенностью того раздела русской сфрагистики, о котором идет речь, является его историографическая молодость. Если интерес к средневековым буллам возник еще в XVIII в., то на протяжении целого столетия он поддерживался исключительно на печатах, сохранившихся при подлинных актах. Таких печатей известно всего лишь 163. В подавляющем большинстве они были введены в научный оборот в прошлом столетии, но их малочисленность и случайность подбора, определяемая случайностью сохранения до нашего времени подлинных средневековых актов, были непреодолимым препятствием для создания их научной классификации, что, в свою очередь, вело к неизбежному ограничению задач уже возникшей дисциплины, к превращению ее во второстепенный раздел дипломатики.

Сведения о первых находках ископаемых булл появляются лишь в конце XIX в., однако поворотным пунктом в развитии русской сфрагистики является открытие в самом начале нынешнего века главной сфрагистической сокровищницы древней Руси — новгородского Городища, которое можно сравнить по своему значению лишь с открытием главной сокровищницы византийских булл — стамбульского Сераскиерата. За 70 лет на отмелях Городища было собрано свыше тысячи древнерусских свинцовых булл. Воды Волхова, возвращающегося после паводков в свои берега, ежегодно оставляют на городищенском песке до двух десятков древних моливдвулов.

Обилие печатей на Городище нуждается в объяснении. Общеизвестно, что Городище на протяжении всего периода существования Новгородской республики было главной резиденцией князя и его аппарата. Комплекс построек княжеского двора включал в свой состав и архив, единственным материальным остатком которого оказываются многочисленные буллы. Топография княжеского Городища не исследована и, по-видимому, не восстанавливаема. Обращение к планам XVIII в. показывает, что современный рельеф этого памятника — результат грандиозных в его масштабе земляных работ, нарушивших стратиграфию древних слоев на самом важном участке княжеского поселка.

Первоначально Городище занимало большую площадь, ограниченную на западе берегом Волхова, а на юге — истоком Волховца. В 1797—1802 гг. мыс Городища был прорезан Сиверсовым (Мстинским) каналом,

русло которого уничтожило сохранявшиеся в земле остатки архива. Выброс из канала образовал мощный вал по его южному берегу. Этот вал и является теперь «сфрагистической кладовой», хотя отдельные буллы встречаются и на северном берегу канала. В 1965 г. Новгородская археологическая экспедиция провела шурфовку на обоих берегах Сиверсова канала в надежде обнаружить непо потревоженные слои с остатками архива, однако попытка была неудачной: все городищенские печати, по видимому, происходят из слоев вторичного залегания. Любопытно, что сборы печатей демонстрируют существование определенных закономерностей расположения булл даже во вторичном залегании. Как правило, подряд обнаруживаются одинаковые или очень близкие по времени печати. Очевидно, что лопаты строителей канала переносили с одного места на другое группы систематизированных булл. Иными словами, до прорытия канала остатки архива в земле сохраняли известный порядок архивного расположения документов.

Основные существующие сейчас сфрагистические коллекции включают в себя большое количество городищенских материалов, но не только их. Древнерусские свинцовые печати происходят из десятков пунктов. Одной из самых значительных находок, в частности, было обнаружение в Пскове при раскопках Довмонтова города в 1961—1962 гг. комплекса, состоявшего более чем из 500 булл и являющегося остатком какого-то местного архива. К сожалению, эта находка, датируемая началом XVI в., до сих пор остается неизданной. Представление об общем состоянии известного к настоящему времени фонда древнерусских сфрагистических материалов (за исключением печатей Москвы, Пскова, поздних Смоленска и Полоцка) дает изданный нами свод этих материалов¹. В нем зафиксированы 1542 буллы, оттиснутые 804 парами матриц. Из 804 разновидностей 372 (746 экз.) относятся к домонгольскому времени и 432 (796 экз.) — ко второй трети XIII—XV в. Внутри этих двух больших хронологических разделов материал распределяется на классификационные разряды:

¹ См.: Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. I; Печати X—начала XIII в., т. 2; Новгородские печати XIII—XV вв. М., 1970.

ДОМОНГОЛЬСКИЕ БУЛЛЫ	Кол-во матриц	Кол-во экз.
Княжеские печати архаической традиции X—XI вв.	13	16
Княжеские печати с греческими строчными надписями	27	37
Печати киевских митрополитов	13	18
Именные епископские печати	14	21
Печати Ратибора	5	7
Печати протопроедра Евстафия	2	14
Печати с формулой «Господи, помози»	38	50
Печати с формулой «Дьнеслово»	23	35
Печати с изображением двух святых	151	423
Печати с изображением княжеской тамги	30	59
Анонимные печати с изображением Богоматери	12	19
Печати с изображением Христа или его символов	24	27
Прочие	20	20
БУЛЛЫ ВТОРОЙ ТРЕТИ XIII—XV вв.		
Княжеские печати XIII—I-й четверти XIV в.	38	137
Княжеские печати 2-й четверти XIV—XV в.	31	62
Печати княжеских тиунов	19	39
Именные архиепископские печати	24	46
Печати владычных наместников	101	188
Посадничьи печати	15	22
Печати тысяцких	20	25
Печать соцкого	1	1
Печати новгородских тиунов	58	106
Печати без обозначения должности	40	45
Печати Совета господ	53	81
Кончанские и монастырские печати	14	25
Неопределенные печати	18	19

Перечисленные здесь сфрагистические разряды выделены по формальному признаку, на основе типовых особенностей оформления булл. В то же время классификационные разряды всякий раз оказываются принадлежащими определенным институтам государственной власти. Это обстоятельство позволяет вернуться к началу

очерка и сформулировать главную цель древнерусской сфрагистики как научной дисциплины. Поскольку типические особенности русских средневековых булл являются индикатором их принадлежности определенным государственным институтам, изучение совокупности печатей и определение их хронологии и принадлежности дают первостепенный источник для выявления истории институтов государственной власти на Руси, эволюция которых отражается в изменении типа печатей, в исчезновении и появлении новых типов и разрядов официальных булл и т. д. В самом деле, вислая печать, которая на Руси на всем протяжении своего существования была атрибутом власти, сохраняет на себе свидетельство принадлежности государственной юрисдикции (или ее части) тому или иному политическому институту. Следовательно, классификация вислых печатей оказывается как бы зеркалом, отразившим состав и эволюцию тех органов власти, которым в разные столетия средневековой истории принадлежало исключительное право удостоверения официальных документов.

Последний тезис нуждается, однако, в некоторых объяснениях. Чисто умозрительный подход к проблеме функционального назначения древнерусских булл дает только альтернативное решение. Эти печати являются памятниками актовой сфрагистики, а их обилие свидетельствует о появлении частного акта на Руси в сравнительно раннее время. Но они также могут быть памятниками переписки. К последнему мнению, как можно судить по некоторым очень кратким высказываниям, примыкает точка зрения Б. А. Рыбакова. Это мнение в целом также совпадает и с развитыми еще до войны мыслями С. Н. Валка об исключительно позднем появлении на Руси частного акта¹.

Для нас отношение к последнему предположению является несомненно отрицательным. Если бы печати служили целям переписки, мы наблюдали бы тогда постоянное противопоставление топографии их находок и топографии употребления. Иными словами, новгородские печати обнаруживались бы, например, в Киеве, Смоленске или Чернигове. Киевские буллы следовало бы искать в Новгороде или на Волыни и т. д. В действительности этого

¹ См.: Валк С. Н. Начальная история древнерусского частного акта. — Вспомогательные исторические дисциплины. Сборник статей. М. — Л., 1937, с. 285—318.

нет. Напротив, место находки печатей в подавляющем большинстве совпадает с местом их применения при документе. Печати новгородских князей и посадников найдены в 99 случаях из 100 на Городище или в культурном слое Новгорода. Смоленские печати обнаружены в самом Смоленске. Галицкие и волынские городища содержат сфрагистические материалы местного происхождения и т. д. Не исключая возможности эпизодического употребления буллы князя или епископа при письме, мы приходим к выводу, что основным назначением вислых печатей было употребление их при официальных документах, скрепление актов.

Какие же акты утверждались этими печатями? Если бы мы располагали только материалами новгородского Городища и случайными сфрагистическими находками с других древнерусских городищ, на подобный вопрос ответить было бы нелегко. На Городище под Новгородом в древности находился княжеский архив, и допустимо было бы догадываться, что этот архив составляли важнейшие государственные документы междукняжеских и международных отношений. В таком случае найденные там печати можно было бы воспринять как остатки безвозвратно погибших dokonчаний, договоров, уставных грамот и прочих документов, связанных с политической жизнью древней Руси.

Однако свинцовые печати были многократно найдены при раскопках домонгольских и послемонгольских слоев обычного городского квартала Новгорода. Это их обилие говорит, что документ, снабженный вислой печатью, не был диковинкой в жилище новгородского дворовладельца. И не государственные документы, нужно думать, хранились за иконой или в ларце такого горожанина. Не только эти наблюдения, но и само обилие булл XI в. и особенно XII в. свидетельствует о том, что в своем большинстве дошедшие до нас вислые печати являются остатками многочисленных частных актов (купчих, отдельных, жалованных, духовных грамот и т. д.), утвержденных теми государственными институтами, которым принадлежало право скрепления таких грамот.

Существенное значение имеет еще одна общая проблема. Подавляющее большинство древнерусских печатей связано с Новгородом не только местом их находки, но и местом употребления при документах. В какой мере этот тезис является абсолютным? И не вызвано ли преобла-

дание новгородских материалов наличием мощного сфрагистического комплекса, собранного на новгородском Городище? В цифрах преобладание новгородских материалов выражается следующим образом: из 372 разновидностей домонгольских булл 240 разновидностей, т. е. больше половины, связаны с администрацией Новгорода; из 472 послемонгольских разновидностей с новгородской администрацией связана 431. Еще нагляднее сравнение числа экземпляров: из 746 зарегистрированных русских булл домонгольского периода 435, т. е. почти две трети, имеют отношение к новгородской практике оформления актов; из 899 послемонгольских булл 794 связаны с Новгородом.

Разумеется, наличие столь обширного сфрагистического комплекса в Новгороде в какой-то степени смещает правильные акценты, лишая статистику должной объективности. Будь подобный комплекс обнаружен в дополнение к Городищу где-нибудь еще, например в Киеве, наши представления оказались бы более точными. Однако нельзя не обратить внимания на один важный факт, позволяющий воспользоваться для определенных общих выводов и ныне существующим состоянием накопленного материала. Находки вислых печатей достаточно многочисленны и вне Новгорода, особенно на Киевщине. Между тем подавляющее большинство таких находок тяготеет к раннему времени, датируясь XI или началом XII в. Более поздние южные печати исключительны, послемонгольских булл на юге нет вообще. Это обстоятельство настолько характерно, что, даже имея дело не с самой печатью, а только с первым известием об ее обнаружении в южнорусских областях, можно быть почти уверенным в том, что речь идет о булле XI или начала XII в.

Было бы по меньшей мере странным, если бы допущенное выше смещение акцентов коснулось булл только одного определенного времени и не затронуло печатей иного времени. Иными словами, наличие городищенского комплекса не объясняет, почему буллы XI — начала XII в. встречаются на Руси повсеместно, в том числе и в Новгороде, а более поздние буллы — почти исключительно в Новгороде. Отсюда следует важный вывод о том, что в какой-то момент развитие института вислой печати в большинстве русских областей прекращается, тогда как в Новгороде наблюдается расцвет буллы, продолжав-

шийся несколько столетий. Вопрос о дате этого изменения имеет первостепенное значение, и для ее установления необходимо познакомиться с теми результатами изучения ранних русских печатей, которыми располагает сфрагистика.

Хронологический момент, с которым можно было бы связать начало употребления буллы на Руси, в настоящее время не определяется с точностью, поскольку древнейшие русские печати пока единичны. Во всяком случае можно с полной уверенностью говорить об очень древних корнях обычая вислой печати. Этот обычай зарождается еще в языческое время, когда формируются и первоначальные традиции оформления сфрагистического типа. Лишенный характерных для более позднего времени христианских эмблем первоначальный русский сфрагистический тип строит свои композиции на основе сочетания княжеского знака и условного портрета князя, владельца печати. Традиции архаической буллы в большой степени сохраняются и в первые десятилетия после принятия христианства. Они становятся основой оформления монетного типа времени Владимира Святославича и Святополка.

С принятием христианства и организационным оформлением киевской церковной иерархии наряду с княжеской буллой употребляется печать главы русской церкви — киевского митрополита. Митрополичьи печати по началу, нужно думать, изготовлялись в Византии. Их тип сформирован на основе чисто византийской традиции и характеризуется сочетанием патрональных изображений (сначала патриарха, а затем и самого митрополита) с греческой строчной надписью, содержащей имя и титул владельца буллы.

Уже к середине XI в. этот сфрагистический тип оказал воздействие и на княжескую печать. В княжеской сфрагистике второй половины XI в. утверждается сходный с ним тип буллы, несущей патрональное изображение владельца печати и греческую многострочную надпись сначала самоуничижительного характера, а затем с включением княжеского титула.

До конца XI в. княжеские и митрополичьи буллы, принадлежащие практически к единому сфрагистическому типу, остаются единственными разрядами древнерусской печати. Лишь в последние два десятилетия XI в. состав памятников сфрагистики несколько разнообразится по-

явлением двух небольших групп, имеющих преходящий характер. В Новгороде в результате успехов боярства в борьбе с князем появляется булла протопроедра Евстафия, которого мы отождествляем с первым посадником Завидом. Эта печать фактически повторяет внешний тип княжеской или митрополичьей буллы, будучи снабжена многострочной греческой надписью и изображением святого. На юге появляется печать Ратибора, крупного савонника не княжеского происхождения. На ней впервые употребляется для надписей русский язык.

В 90-х годах XI в. в Киеве и административно с ним связанных центрах была предпринята реформа по унификации типа буллы. В княжение Святополка Изяславича для скрепления актов была введена печать с надписью «Дьнеслово» и патрональным изображением владельца буллы или же с изображением символа принадлежности к церковному управлению. Этот тип использован в княжеской сфрагистике Киева и подчиненных ему Новгорода и Волыни, а также в сфрагистике митрополитов и епископов.

Что касается церковных печатей, то на последние годы XI в. приходится важное новшество. На них вместо патронального изображения владельцев появляется общецерковная эмблема — изображение Богоматери, которое в дальнейшем становится неизменным атрибутом церковных булл.

Киевская инициатива по унификации печати не была принята и поддержана князьями, находившимися в фактической независимости от Святополка. Владимир Мономах уже в конце XI в. пользуется иным типом буллы — печатью с русской благопожелательной надписью. Этот тип широко представлен и после прихода Владимира Мономаха на киевский стол в 1113 г. Тогда же перестает употребляться предшествующий тип «Дьнеслово». 1113 год оказывается этапной датой в истории русских печатей.

До нее наиболее характерной особенностью было смешение и чересполосица типов. Княжеские печати архаической традиции сосуществовали с княжескими буллами, несущими греческие строчные надписи; княжеские печати с формулой «Дьнеслово» сосуществовали с буллами, несущими русские благопожелательные надписи, а на других территориях в это время употреблялся «грекорусский» тип. С другой стороны, сфрагистические типы

церковной и светской булл не включали в свое оформление каких-либо явных, бросающихся в глаза признаков, которые позволили бы элементарно распознать их. На первых порах и в той, и в другой сфере одинаково употреблялся «греко-русский» тип, затем и там, и здесь употребляется тип «Дьнеслово».

После 1113 г. такого смешения нет. С этого момента типические особенности печати превращаются в руководящий признак определения принадлежности буллы к определенному политическому институту. В сфрагистике Владимира Мономаха и его ближайших преемников печать оформлена патрональным изображением князя и русской благопожелательной надписью. В церковной сфрагистике обязательным стало изображение Богоматери.

Однако за столь блестящим началом сразу же следует конец. Если буллы киевских митрополитов продолжают существовать на всем протяжении домонгольского периода, то ни одной явной печати киевских князей до первой трети XII в. неизвестно. Эпизодически встречаются исключительно редкие буллы южных (главным образом волынских) князей середины и второй половины XII в., но в целом деградация княжеской печати на юге в 30-х годах XII в. не вызывает сомнений.

До 1117 г. преобладания новгородских печатей незаметно. Лишь в конце XI в. возникает и тут же исчезает известная во многих экземплярах булла Евстафия. В остальном картина новгородской сфрагистики та же, что и в остальной Руси. Расцвет новгородской буллы начинается со времени князя Всеволода Мстиславича (1117—1136), от которого дошло 15 посадничьих печатей, узурпировавших тип южной княжеской буллы с русской благопожелательной надписью, и 38 княжеских печатей нового типа с патрональным обозначением имени и отчества владельца (буллы с изображением двух святых). Чтобы дать представление о характере этих цифр, отметим, что они только в два раза меньше общего количества печатей X—начала XII в., обнаруженных в южнорусских областях. Расцвет княжеской буллы в Новгороде во времена Всеволода Мстиславича не был простым эпизодом. К периоду с 1136 г. до конца первой четверти XIII в. относится около 400 новгородских печатей княжеского круга.

Общий вывод, который может быть сделан из этого

сопоставления, сводится к тому, что в Новгороде на протяжении XII — начала XIII в. существовала тенденция к поддержанию вислой буллы, тогда как на юге Руси действовала, по всей вероятности, противоположная тенденция, ведшая к угасанию обычая княжеской вислой буллы.

Однако обнаружение этих двух противоположных тенденций приводит к открытию видимого парадокса. В Южной Руси, где княжеская власть в XII—XIII вв. сохраняла первоначальные общественные позиции, где государство имело ярко выраженные монархические черты, княжеская булла клонится к упадку. В Новгороде же, где княжеская администрация в ходе борьбы с местным боярством утратила былую самостоятельность, печать князя, напротив, переживает свой расцвет. Это наблюдение ведет к постановке старого вопроса о сущности республиканских преобразований в Новгороде XII в.

В литературе по истории древнего Новгорода широко бытует концепция, согласно которой республиканские преобразования связаны главным образом с результатами антикняжеского восстания 1136 г. Нам уже приходилось критиковать эту концепцию, доказывая, что возникновение новых форм новгородской государственности было следствием длительного процесса общественного развития Новгорода. Первые результаты этого процесса прослеживаются еще в конце XI в., тогда как окончательное формирование боярских органов власти принадлежит будущему, достаточно далеко отстоящему от 1136 г., который, однако, в самом деле сыграл громадную роль в этом процессе¹. Имея дело исключительно со сфрагистическими материалами, мы вновь приходим к подтверждению правильности этой мысли.

С точки зрения изложенной выше и ныне критикуемой концепции, новгородский князь после восстания 1136 г. был превращен в почти фиктивную фигуру, во второстепенное или даже третьестепенное лицо государственной администрации, назначением которого было то ли руководство войском, то ли олицетворение политического и военного союза с наиболее могущественными русскими княжествами. Между тем материалы сфрагистики дают основу для несколько иного вывода.

Прежде всего они подтверждают правомерность вы-

¹ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.

вода о раннем начале формирования боярских республиканских органов в княжеском Новгороде. Первым этапом республиканских преобразований, зафиксированным буллами, является вокняжение в Новгороде в 1088 г. Мстислава Владимировича, когда (в малолетстве этого князя) возникает известная во многих экземплярах булла протопроедра Евстафия, отождествляемого с первым посадником Завидом. Первый посадник на печати титулуется себя советником князя и действует его именем. Затем власть князя вновь окрепла, и, хотя институт посадничества остается, право скрепления актов возвращается к князю.

С уходом Мстислава из Новгорода и принятием на стол его сына Всеволода в 1117 г. происходит новый подъем боярского органа государственности — посадничества. На протяжении всего княжения Всеволода Мстиславича рядом с княжеской буллой существует печать новгородских посадников. В одной из работ мы характеризовали время Всеволода как период определенного двоевластия, равновесия политических институтов княжеской и боярской власти.

Казалось бы, успешное восстание 1136 г., приведшее к торжеству антикняжеской коалиции, должно было отменить княжескую печать и привести к максимальному развитию буллы республиканской власти. Но в действительности наблюдается как раз противоположное явление. Посадничья булла после 1136 г. становится почти неупотребительной, если признать посадничьими редкие печати XII в. с изображением креста. Напротив, княжеская булла с этого момента получает широчайшее развитие, оттесняя на задний план другие категории печатей. Более того, одна из этих менее значительных категорий — печати с княжескими знаками XII в. — также входит в круг булл княжеской администрации. В период с 1136 г. до конца первой четверти XIII в. в Новгороде примерно 400 печатям княжеского круга противостоит 14 епископских булл и около десятка проблематичных посадничьих печатей.

Сопоставление различных сфрагистических разрядов домонгольского Новгорода позволяет сделать только один вывод. В результате восстания 1136 г. было достигнуто определенное размежевание государственных функций между республиканскими и княжескими органами власти. Однако князь отнюдь не превратился во второ-

степенную фигуру. В его руках была сосредоточена та часть государственной деятельности, которую мы сейчас назвали бы исполнительной властью. Князь руководил судом и, следовательно, законодательным оформлением всех официальных документов, фиксирующих движение в Новгороде частной собственности. Однако расцвет буллы, равно как и организация на Городище архива, хронологически совпадающая с первыми успехами боярских органов, говорит о том, что деятельность князя была подконтрольной, что она регламентировалась вечевыми органами. И печать в Новгороде, бывшая прежде одной из регалий высшей власти, превратилась в средство контроля, в средство ограничения княжеского самовластия республиканскими боярскими органами.

Связывая эти наблюдения с наблюдениями над более поздними сфрагистическими материалами, мы получаем возможность конкретизировать этот вывод. В новгородской сфрагистике XIII в. нет каких-либо кардинальных перемен по сравнению с XII в. По-прежнему в этот период господствует княжеская булла. От второй четверти — конца XIII в. сохранилось больше сотни княжеских печатей и не больше десятка булл других новгородских сановников (главным образом архиепископов). Между тем докончания XIII в. достаточно четко обозначают степень участия князя в новгородском суде. Уже в формуляре договорной грамоты Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем содержится со ссылкой на «старину и пошлину» конституционное требование: «А без посадника ти, княже, суда не судити, ни волостии раздавати, ни грамот ти даяти»¹. Это требование повторяется затем во всех докончаниях вплоть до потери Новгородом независимости. Поскольку буллы новгородских посадников возникают снова только в XIV в., очевидно, княжеская печать является главным атрибутом смешанного суда князя и посадника, и эта характеристика может быть приложена к ней на всем протяжении ее существования с момента конституирования княжеской буллы как безраздельно господствующего в Новгороде сфрагистического явления, т. е. со времени Всеволода Мстиславича. Таким образом, материалы сфрагистики дают возможность относить к числу мероприятий 1136 г. установ-

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М. — Л., 1949, с. 12, № 13.

ление одной из важнейших конституционных основ Новгородской боярской республики — организацию смешанного суда князя и посадника, подконтрольного республиканской власти.

Существует одно немаловажное обстоятельство, которое служит подкреплением такой характеристики. Уже давно замечено, что самым поздним новгородским документам свойственно существенное видоизменение приведенной выше конституционной формулы. Если первоначально эта формула гласила: «А без посадника ти, княже, суда не судити», то в Новгородской судной грамоте 70-х годов XV в. она как бы вывернута наизнанку: «А без намесников великого князя посаднику суда не кончати»¹. На наш взгляд, именно это изменение, свидетельствующее о переходе приоритета в смешанном суде от наместника к посаднику, лучше всего согласуется с московскими требованиями, сформулированными в Яжелбицкой грамоте 1456 г. и в Коростынской грамоте 1471 г.: «А печати быти князеи великих»².

Обыкновенно это требование сопоставляют с другим пунктом названных договоров: «А вечным грамотам не быти». «Это, несомненно, — пишет Л. В. Черепнин, — нововведение, чуждое той «старине», на которой, как гласил текст dokonчания, пытались строить свои отношения обе стороны, и фактически не выполнявшееся новгородцами. Новгородцы, утверждавшие грамоты на вече до Яжелбицкого dokonчания, продолжали делать это и после 1456 г.»³. Между тем оба условия не связаны между собой. Они отстоят в тексте dokonчаний далеко одно от другого, и если требование, касающееся вечевых грамот, действительно можно трактовать как нововведение, то смысл условия относительно печати, думается, заключен в попытке Москвы возродить именно «старину и пошлину».

Обращение к печатям подтверждает такое понимание цитированного тезиса. Наблюдения над массой новгородских княжеских булл обнаруживают, что их количество резко сокращается в княжение Василия Дмитриевича

¹ Памятники русского права, вып. 2. Составитель А. А. Зимин. М., 1953, с. 212.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 41—42, № 23; с. 49, № 27.

³ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., т. 1. М. — Л., 1948, с. 363.

(1389—1425). Буллы Василия Темного и Ивана III чрезвычайно редки. Напротив, с 10-х годов XV в. в Новгороде получает массовое распространение так называемая «Новгородская печать» или «Печать Великого Новгорода», которая прикладывалась от имени Совета господ степенными посадником и тысяцким. Взаимосвязь этих двух явлений (деградация княжеской и торжество посадничьей буллы) дает верный ответ о тех изменениях смешанного суда князя и посадника, которые становятся для него характерными в последний период существования новгородской независимости.

Мы видим, что вислые печати, изученные в их совокупности, оказались красноречивым источником при установлении важнейших дат в истории государственных преобразований Новгорода. Эта их возможность была проиллюстрирована наблюдениями над памятниками княжеской сфрагистики. Однако и другие разряды новгородских печатей дают не менее интересные отправные точки для решения подобных проблем.

Выше неоднократно упоминалось о безраздельном господстве княжеской буллы в XII—XIII вв. Теперь нам предстоит обратить внимание на коренное изменение картины новгородской сфрагистики в XIV—XV вв. В эпоху расцвета новгородской боярской государственности о господстве княжеской буллы говорить уже не приходится. Рядом с княжеской буллой вырастают разряды других новгородских политических институтов. На место прежде единичных архиепископских булл приходит громадный отдел печатей владычного круга, насчитывающий в общей сложности свыше 200 экз. Вновь образуется обширный отдел печатей новгородских тысяцких и новгородских тиунов, отождествляемых с купеческими старостами. Этот отдел содержит свыше 130 печатей. Уже упоминались печати Совета господ; таких булл зафиксировано свыше 80. Эти новые явления свидетельствуют о важных переменах в Новгороде. Если прежнее безраздельное господство княжеских булл указывало на существование в Новгороде одного судебного органа — смешанного суда князя и посадника, то возникновение разветвленной сфрагистической системы может быть воспринято как показатель перераспределения юрисдикции между разными государственными институтами развитой республики. Косвенное указание именно на такой смысл сфрагистического разнообразия XIV—XV вв. дают

немногочисленные печати новгородских посадников XIV — начала XV в. До преобразования смесного суда князя и посадника в 10-х годах XV в., в период, когда конституционный приоритет князя еще не был нарушен, необходимости в массовой посадничьей булле и не могло возникнуть. Действительно, те немногие печати посадников XIV в., которые нам известны, происходят главным образом из архивов, где они сохранились при окончаниях или же при документах международных отношений.

Обращение к главному юридическому памятнику Новгорода — Судной грамоте — позволяет говорить о существовании в Новгороде третьей четверти XV в. трех судов: посадничьего (т. е. смесного суда князя и посадника), тысяцкого (торгового) и владычного. Вопрос о времени создания такого порядка или, иными словами, вопрос о хронологических этапах сложения дошедшего до нас формуляра Новгородской Судной грамоты давно обсуждается в исторической литературе. Однако роль сфрагистического источника в решении этой проблемы не могла быть оценена исследователями до тех пор, пока этот источник не был систематизирован. Между тем именно печати дают исключительно интересные материалы для изучения этой проблемы.

Прежде всего они позволяют уточнить схему распределения функций между названными в Судной грамоте тремя судебными учреждениями. Уже в Уставе и Рукописании Всеволода сфера деятельности суда тысяцкого ограничена решением «всяких дел торговых Иваньских и гостиных»¹. С судом тысяцкого возможно связать кроме собственно печатей тысяцких многочисленные буллы новгородских тиунов, называвшихся в других источниках купеческими старостами, и, следовательно, подтвердить именно купеческий характер этого суда. Сложнее вопрос о размежевании юрисдикции между смесным и владычным судами. Однако здесь приходят на помощь буллы владычных наместников, сохранившиеся при подлинных актах. Из 16 дошедших до нас при подлинных документах анонимных владычных булл XIV—XV вв. 5 привешены к купчим, 7 — к данным грамотам и 2 — к духовным. 44 такого же характера акта скреплены именными бул-

¹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М. — Л., 1950, с. 508.

лами владычных наместников. Очевидно, на каком-то этапе своего развития владычный суд кроме вопросов, связанных с преступлениями против церкви и морали, включил в сферу своего действия многообразные имущественные отношения новгородцев, изъяв эти дела из-под юрисдикции смесного суда князя и посадника и оставив на долю последнего, по-видимому, только уголовное судопроизводство.

Этапные даты формирования суда тысяцкого и владычного суда с теми их функциями, которые несомненны для XV в., выясняются при обращении к печатям новгородских тиунов и владычных наместников. Тиунские печати образуют группу, сравнительно компактную в хронологическом отношении. Ранний рубеж ее существования определяется последней четвертью XIII в. Самые древние печати этой группы были обнаружены при археологических раскопках в слое, датированном с помощью данных дендрохронологии. Таким образом, формирование суда тысяцкого возможно отнести к самому концу XIII в., что совпадает с нашими наблюдениями о важнейших преобразованиях новгородской государственности как раз в эти годы и с выводом об особом интересе, который был проявлен новгородцами к организации торгового суда в 90-х годах XIII в.¹

История владычного суда, как она реконструируется по показаниям печатей владычного круга, начинается с организации должности владычного наместника в конце XIII в. Первоначальное перераспределение юрисдикции в пользу владыки и за счет смесного суда не коснулось собственно Новгорода. Оно отдало во власть архиепископа центры на границах Новгородской земли, сначала Ладогу, а затем вместо нее Новый Торг. Древнейшие печати ладожских наместников новгородского владыки датируются временем Климента (1276—1299), древнейшие буллы новоторжских владычных наместников относятся ко времени Давида (1309—1325). Лишь при Моисее (1326—1330; 1352—1359) анонимная владычная печать, которой пользовались наместники архиепископа в Новгороде, приобретает массовый характер, а именная архиепископская булла практически выходит из употребления. Мы склонны связывать это отраженное сфрагистикой преобразование владычного суда с событиями

¹ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 93, 165—175.

1352—1354 гг., последовавшими после возвращения Моисея на новгородскую кафедру. В 1352 г. «послаша послы свои архиепископ Моиси в Цесарьгород к цесарю и патриарху, прося от них благословения и исправления о неподобных вещах, приходящих с насилием от митрополита». В 1354 г. «приидоша послове архиепископа новгородчкого Моисиа из Цесаряграда, и привезоша ему ризы крестьцаты и грамоту с великим пожалованием от цесаря и от патриарха, и златую печать»¹. Снова обратим внимание на то, что 1354 год был одной из важнейших вех в общих преобразованиях новгородской государственности².

Таким образом, наблюдения над массой новгородских печатей позволяют обозначить следующие рубежи в формировании республиканской боярской государственности Новгорода:

Конец 80-х годов XI в. — возникновение посадничества в форме боярского представительства.

1117 г. — активное двоевластие князя и посадника.

1136 г. — организация смесного суда князя и посадника.

Конец XIII в. — введение института новгородских тиунов и перераспределение юрисдикции в пользу торгового суда за счет смесного суда.

1354 г. — перераспределение юрисдикции в пользу владычного суда за счет смесного суда.

Конец 10-х годов XV в. — переход приоритета в смесном суде к посаднику.

¹ Новгородская Первая летопись, с. 363—364.

² См.: Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 185—209.

ГРАМОТЫ АНТОНИЯ РИМЛЯНИНА И ИХ ДАТИРОВАНИЕ

Вопрос о подлинности документов, связанных с именем новгородского игумена XII в. Антония Римлянина, не нов. Однако и сейчас, спустя полтора столетия со дня их первой публикации¹, споры не становятся менее острыми, а противоположные точки зрения не только не сближаются, а все больше отстоят друг от друга. Если добавить, что грамоты Антония Римлянина все это время активно привлекались к характеристике древнерусских социально-экономических отношений и юридических норм XII в., станет очевидной особая важность этих грамот. Именно она и является главной основой той дискуссии, которая давно уже сделалась неотъемлемой частью историографической судьбы названных актов.

Обе грамоты Антония Римлянина — так называемые «купчая» и «духовная» — сохранились не в подлинниках, а в списках XVI в., составленных в 1573 г.² Повод к возникновению этих копий достаточно полно освещен в литературе: они входят в состав комплекса документов, связанных с тяжбой новгородского Антониева монастыря и посадских людей из-за пашенной земли и луга в ближайших окрестностях монастыря. В изданной Амвросием правой грамоте 1573 г. описываются обстоятельства тяжбы и содержится первая ссылка на интересующие нас акты: антониевский игумен Мисаил с братией «с духовной список Онтонья чудотворца клали, что деи была чудотворцева купля Онтоньева, пашенная земля и луг под монастырем, и ту де землю и луг отняли ноугородцы при прежних диаках без моего царева и великого князя ведома насильством, а не ведомо почему припустили к пасьбе; а купил деи ту землю Онтонии чудотворец Пречистые в дом у Семена да у Прокша у Ивановых детей посадничь, а дал на той земле и на лугу сто рублей»³.

В дальнейшем списки с антониевых грамот постоянно

¹ См.: *Амвросий*. История российской иерархии, ч. III. М., 1811, с. 123—126.

² См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М. — Л., 1949, с. 159—161, № 102, 103.

³ *Амвросий*. Указ. соч., с. 144—149.

фигурировали в юридическом обиходе монастыря, когда конфликт, решенный в 1573 г. в пользу монахов, вспыхивал вновь. Кроме подтвердительной записи «на свое имя», сделанной по распоряжению Ивана IV в 1573 г., копии грамот имеют также подтвердительные записи на имя Федора Ивановича 1584 г., Василия Ивановича 1606 г. и Михаила Федоровича 1617 г.¹ Подтверждалась копия и Лжедмитрием, однако эта запись изъята из общего текста подтверждений².

Важные эпизоды этого затяжного конфликта отражены грамотой царя Федора Ивановича 1591 г. В ней сообщается о жалобе антониевского игумена Кирилла на посадских людей, которые завладели «старою их пашенною землею и лугом релью, что им тое земли купил у Смехна да у Прохна у Ивановских детей посаднича Антоний чудотворец». В ходе разбирательства пятиконецкие старосты, называвшие спорную землю «городовым пастбищем», положили «правые грамоты, что им дали судьи Григорий Волынский да Иван Соколов в 68 (т. е. в 1560 г. — В. Я.) году», а монахи дали свои документы, в том числе правую грамоту 1573 г. При решении дела в пользу монастыря было отмечено, что «правая у новгородских людей драна, верх у ней отодран» и что в этой грамоте «на ту землю и рель ничего не было написано кроме обысков посадских людей»³.

Таким образом, начало конфликта восходит еще к 1560 г. Сошлемся также на грамоту великого князя Василия Ивановича, данную им в 1524 г. Антониеву монастырю, с перечислением монастырских земель в разных пятинах и с упоминанием владений «вокруг монастыря на посаде»⁴. Особое состояние этих владений отмечено грамотой 1591 г.: «В том же обODE, что Антоний чудотворец в своей духовной грамоте обод написал, живут изстари новгородские посадские черные тяглые люди, солodoжники и кузнецы и котельники», которые подати платили вместе со всем новгородским посадом, а поземом и судом тянули к монастырю.

Наиболее решительные сомнения в подлинности анто-

¹ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 160—161.

² См.: Валк С. Н. Начальная история древнерусского частного акта. — Вспомогательные исторические дисциплины. Сборник статей. М. — Л., 1937, с. 298.

³ *Амвросий*. Указ. соч., с. 154—175.

⁴ Там же, с. 136—141.

ниевых грамот, выставленных монастырем в обоснование своих прав, были высказаны С. Н. Валком, который опирался на то, что до 1573 г. эти грамоты нигде не упоминаются. Исследователь полагал, что оба документа являются фальсификатами, составленными на одном из этапов описанного выше конфликта. Рассматривая списки «чудотворцевых грамот» в связи с другими источниками, отразившими почитание в Новгороде Антония Римлянина, С. Н. Валк настаивал на отсутствии как общего, так и местного почитания Антония ко времени Макарьевских соборов 1547 и 1549 гг. Лишь с «обретения» в 1550 г. камня, на котором, согласно легенде, Антоний приплыл из Рима, по мнению С. Н. Валка, начинается литературная работа над оформлением жития. Составной частью этой работы становится «обнаружение» «чудотворцевых грамот» около 1573 г.; последние оказались несомненным источником составленного в 1598 г. иноком Нифонтом жития Антония Римлянина¹.

Противоположная точка зрения обоснована М. Н. Тихомировым, наглядно продемонстрировавшим уязвимость концепции С. Н. Валка в одном из ее основных звеньев. М. Н. Тихомиров доказывал, что история составления жития Антония более сложна, чем это казалось Е. Е. Голубинскому², а вслед за ним и С. Н. Валку. Если объединяемое с житием «Похвальное слово Антонию» действительно возникло в конце XVI в. под пером чернеца Нифонта, то собственно «Житие» содержит следы обработки в более раннее время. Оно существовало уже в 1558 г., а одна из его первоначальных редакций составлена в конце XV в., по-видимому, антониевским игуменом Андреем, который упоминается под 1499 г.³ В подтверждение существования местного культа Антония Римлянина в Новгороде еще до Макарьевских соборов М. Н. Тихомиров ссылается на возведение в Антониевом монастыре в 1537 г. церкви Сретения с престолом «преподобного Антония»⁴ и на сохранившееся в Антониевом монастыре еще в XIX в. Евангелие того же 1537 г. с при-

¹ См.: Валк С. Н. Указ. соч., с. 295—300.

² См.: Голубинский Е. История русской церкви, т. 1, 2-я половина. М., 1904, с. 590—595.

³ См.: Тихомиров М. Н. О частных актах в древней Руси. — «Исторические записки», т. 17, 1945, с. 233—241.

⁴ ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, с. 291, 300.

пиской: «Лета 7045 евангелие сие дал в дом Рождества Пречистой и к преподобному отцу Антонию»¹.

Подытоживая результаты этой дискуссии, следует отметить, что предметом споров между М. Н. Тихомировым и С. Н. Валком был другой, более общий вопрос, нежели датировка рассматриваемых нами актов. Существо полемики состояло в определении времени возникновения на Руси института частного акта. С. Н. Валк придерживался мнения, что до середины XIV в. частного акта на Руси еще не было, тогда как М. Н. Тихомиров настаивал на глубокой древности этого явления. Наличие громадного числа свинцовых вислых печатей XII—XIII вв., большинство которых, по-видимому, является остатками именно частных актов², показывает, что в этом споре был прав М. Н. Тихомиров.

Однако проблема датирования грамот Антония Римлянина остается все же нерешенной. Если касающееся этих грамот построение С. Н. Валка в свете критики М. Н. Тихомирова выглядит довольно шатким, то и аргументация М. Н. Тихомирова полностью не опровергает этого построения. Мы не знаем, как выглядела андреевская редакция «Жития» Антония Римлянина, которая пока не может быть вычленена из сохранившейся более поздней редакции, и в принципе не исключено введение «чудотворцевых грамот» в число источников «Жития» в позднейшее время, например, Нифонтом. С другой стороны, если М. Н. Тихомиров прав и «чудотворцевы грамоты» легли в основу андреевского «Жития» Антония, сам по себе этот факт может привести лишь к частному выводу о том, что грамоты существовали к концу XV в. Для обоснования их более древней даты нужны иные аргументы.

Нам представляется, что вопрос о времени составления грамот Антония Римлянина может быть решен путем исследования их текстов. Переходя к такому исследованию, отметим, что оба документа с точки зрения занимавшихся ими исследователей неравноценны. Е. Е. Го-

¹ *Филарет*. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Опыт описания жизни их. Август. Чернигов, 1863, с. 19. Впрочем, упоминаемый в 1537 г. престол мог быть посвящен и преподобному Антонию Великому; церковь с таким названием существовала в Антониевом монастыре под колокольней (см.: *Макарий*. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. 1. М., 1860, с. 468).

² См.: *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. 1.

лубинский, В. О. Ключевский и Ю. Г. Алексеев поддельной считали только купчую, признавая духовную подлинной, но подновленной¹. Этот подход дал С. Н. Валку повод написать: «В литературе была сделана попытка выйти из затруднений, представляемых этими грамотами, или тем путем, чтобы, признав древнейший их источник, допустить в них только наличие позднейших переделок, или чтобы ценой признания поддельности одной грамоты спасти другую грамоту»².

В противовес такому раздельному изучению актов Антония С. Н. Валк рассматривал их как равноценные с точки зрения источниковедческой критики документы, как безусловно единовременный комплекс, что, на наш взгляд, в известной степени повлияло и на подход М. Н. Тихомирова, который также исходил из представления о них как о безусловно единовременном комплексе, только на четыре с половиной столетия более раннем. В ходе дискуссии проблема приобрела альтернативный характер: грамоты подлинны и одновременны, они относятся к XII в., или же грамоты поддельны и одновременны, они относятся к XVI в.

Между тем как раз этот тезис, в каком бы хронологическом выражении он ни представал перед нами, оказывается менее всего правомерным. В самом деле, единственное указание на хронологическую однозначность купчей и духовной заключается в предпосланных тому и другому документу словах: «Список с чудотворцовы Антония Римлянина грамоты». Но эти слова написаны в XVI в. и отражают существовавшую во времена Ивана Грозного версию об исконной связи обоих актов с Антонием Римлянином. Никаких других точек соприкосновения между ними нет. Если авторство Антония называется в самом тексте духовной, то купчая — документ анонимный, и не будь над ней заголовка XVI в., никому не пришло бы в голову подозревать в качестве ее автора ни Антония, ни какое-либо другое лицо XII в. Духовная считает на гривны, а купчая — на рубли, что само по себе является признаком разновременности документов.

¹ См.: Голубинский Е. Указ. соч., с. 593; Ключевский В. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 307—308; Алексеев Ю. Г. Частный земельный акт средневековой Руси (от Русской правды до Псковской Судной грамоты). — Сб.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. VI. Л., 1974, с. 127.

² Валк С. Н. Указ. соч., с. 295—296.

Иногда ссылаются на возможное поновление денежной терминологии, допуская, что первоначальные гривны оригинала в позднейшем списке заменены на рубли¹. Однако, даже согласившись с таким предположением, мы будем вынуждены отступить перед другим противоречием: в купчей и в духовной речь идет о разных участках земли.

Особо подчеркиваем это обстоятельство, которое имеет решающее значение для дальнейшей работы с грамотами. Границы участка, приобретенного по купчей, точно обозначены в документе и в общих чертах могут быть прослежены на современной местности: «А обвод той земли от реке от Волхова Виткою ручьем вверх, да на лющик, да лющиком ко кресту, а от креста на коровеи прогон, а коровеи прогоном на олху, а от олхи на еловый куст, от елового куста на верховье на Донцовое, а Донцовым вниз, а Донец впал в Деревяницу, а Деревяница впала в Волхов»². Разумеется, нет возможности установить местонахождение таких древних ориентиров, как крест, коровий прогон, ольха или еловый куст, однако остальные ориентиры постоянны.

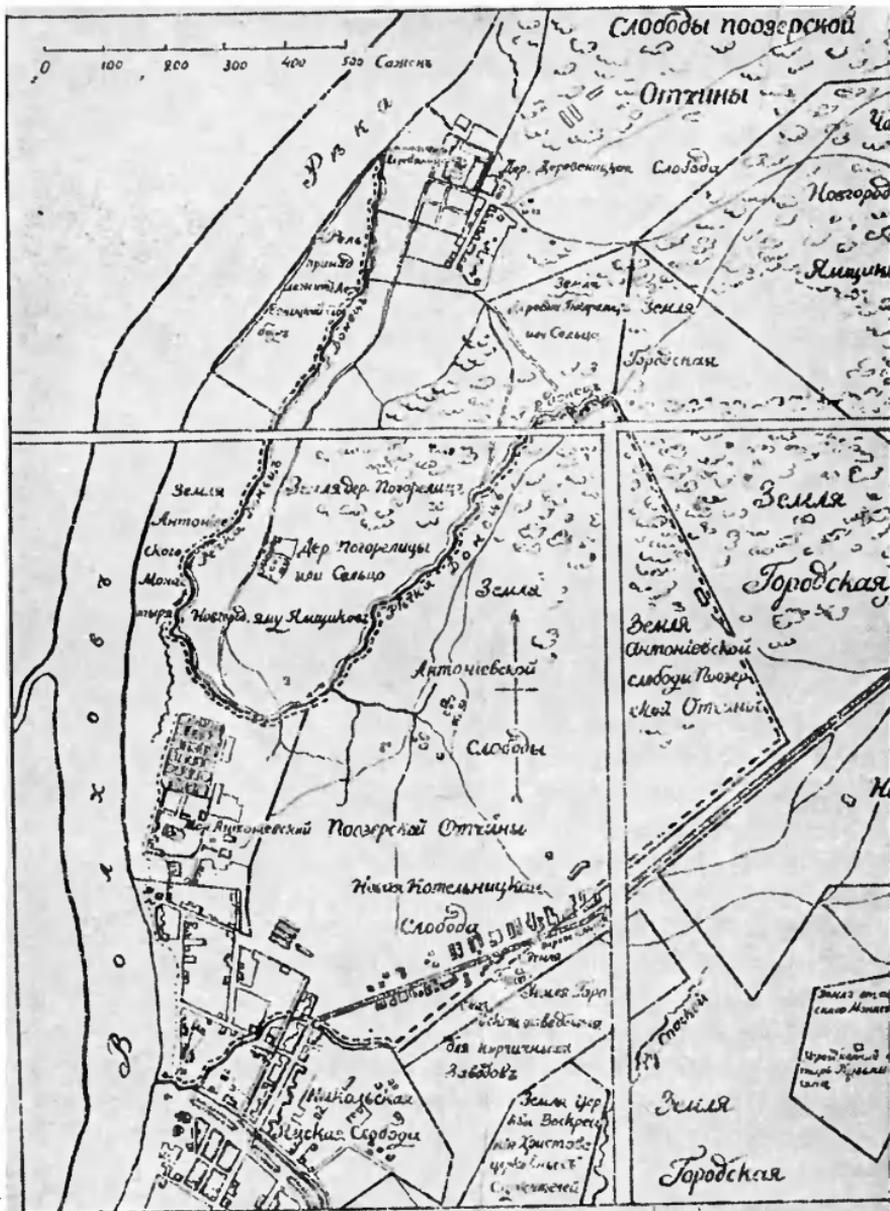
Граница купленной земли начинается от Волхова при впадении в него ручья Витки, т. е. практически от самой границы города, поскольку вал новгородского Окольного города на Плотницком конце упирается в берег Волхова у самого устья Витки³. Ручей Витка, пересыхающий сразу же после спада внешних вод, в настоящее время различим на территории городского парка имени 30-летия Октября лишь в нижней части его течения. Однако еще на планах прошлого века он показан весь от верховья до устья⁴. Его исток находился примерно в 300 м к востоку от современного проспекта В. И. Ленина на участке между Старым Московским и Хутынским шоссе. «Лю-

¹ См.: Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 239.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 159.

³ Городская застройка достигла этой линии не позднее второй половины XIV в., так как в 1377 г. по другую сторону Витки (в пределах ныне существующего вала Окольного города) была сооружена приходская церковь Бориса и Глеба (см.: Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ). М. — Л., 1950, с. 375).

⁴ См., например, план в кн.: Толстой М. Указатель Великого Новгорода. М., 1862. Этот план переиздан в кн.: Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства, вып. 6. Памятники Владимира, Новгорода и Пскова. СПб., 1899, с. 96.

Выкопировка с плана окрестностей Новгорода 1819 г.
Пунктиром обозначена линия владений Антониева монастыря
по «Купчей Антония»

щик», по которому проложена граница участка от верховьев Витки, — это людщик; так в древности называлась большая дорога¹. В данном случае она может быть

¹ О термине «людщик» см.: Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963, с. 94.

идентифицирована с проходившей здесь древней дорогой на Хутынь, ставшей потом на этом участке дорогой из Петербурга в Москву. Неподалеку от верховьев Витки находится и исток другого ручья — Донца, название которого запечатлелось в современном наименовании Донецкой улицы и Донецкого района. Далее граница идет по Донцу от его верховьев до впадения в речку Деревяницу и по Деревянице до ее впадения в Волхов¹. Любопытно, что на неизданном плане Новгорода с окрестностями, снятом в 1819 г., показана граница, идущая по линии. верховье Витки — Московская дорога — верховье Донца — и ограничивающая с востока массив владений Антоновской слободы². Древние границы оставались устойчивыми на протяжении столетий, и это обстоятельство необходимо учитывать при анализе даже сравнительно поздних планов.

По купчей грамоте Антониев монастырь получал значительный земельный участок, который с трех сторон облегал древнюю территорию монастырских строений (с четвертой стороны протекал Волхов). Это был участок земли, лишенный монументальных построек, к которой приложимы позднейшие обозначения XVI в. — «пашенная земля и луг рель». Приобретен этот участок за 100 рублей.

Что касается духовной, то в ней «возвещается» о покупке «на месте сем», т. е. непосредственно на месте монастыря «земли и тони» за 70 гривен и «Волховского села» за 100 гривен³.

Какую бы трансформацию денежных терминов ни предполагать при сравнении купчей и духовной, невозможно объяснить превращение 170 гривен в 100 рублей и исчезновение из текста купчей села, на приобретение которого ссылается духовная. Сравнение этих грамот приводит к более закономерному выводу. Духовная фиксирует изначальную земельную покупку, приобретение того участка, на котором расположились первые постройки монастыря, и небольших примыкающих к нему участков пахотной земли и рыбной ловли на берегу Волхова. Отсутствие среди позднейших новгородских топонимов

¹ На позднейших планах Донцом называется речка от истока Донца до впадения в Волхов, т. е. это название распространено и на Деревяницу.

² ЦГВИА, ВУА, № 22253.

³ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 160.

Волховского села говорит о том, что именно оно стало местом монастырского строения, Антониев монастырь стер его своими постройками¹. В купчей же грамоте запечатлена существенная прикупка земли, заметно округлившая монастырские владения. Таким образом, разновременность грамот заложена в самом их содержании.

Изучение этих документов может оказаться успешным, если не связывать их в единый комплекс, отказаться от гипноза подозрительных заголовков XVI в. и подойти к анализу их содержания непредвзято.

Рассмотрим прежде всего духовную Антония, которая у большинства исследователей не вызывала подозрений. По существу, лишь одно место этого документа кажется анахронистическим, что и было справедливо подмечено С. Н. Валком. Духовная, писал он, «заставляет Антония получать благословение от успешшего умереть к тому времени епископа Никиты².

Действительно, обращаясь к древнейшему Синодальному списку Новгородской Первой летописи, мы обнаруживаем, что самые ранние свидетельства существования Антониева монастыря, связанные с возведением в нем первых каменных построек, относятся к 1117 г.³, т. е. ко времени епископа Иоанна (1110—1130), а не Никиты; последний умер еще 30 января 1109 г.⁴ Между тем духовная Антония начинается словами: «Се яз Антонии, хужши во мнисех, изыдох на место сее, не приях и имения ото князя ни от епискупа, но токмо благословение от Никиты епискупа»⁵. Это противоречие не может быть простейшим образом ликвидировано ссылками на показание Новгородской Третьей летописи о прибытии Антония в Новгород в 1106 г.⁶, или на житийное сообщение, относящее это событие ко времени Никиты, или же на «Похвальное слово Антонию», в котором названа «точ-

¹ Судьбу Волховского села разделило село Витославлицы, на месте которого в 1134 г. был основан Пантелеймонов монастырь.

² Валк С. Н. Указ. соч., т. 299—300; см. также: Памятники русского права, вып. 2; Памятники права феодально раздробленной Руси XII—XV вв. Составитель А. А. Зимин. М., 1952, с. 112.

³ См.: НПЛ, с. 20, 204. Постройка каменной церкви Рождества была закончена в 1119 г. (см. там же с. 21, 205), в 1125 г. ее расписали, в 1127 г. построена каменная трапезная (см. там же, с. 21, 206).

⁴ См.: НПЛ, с. 19, 203.

⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 160.

⁶ См.: Новгородские летописи. СПб., 1879, с. 187.

ная дата» 5 сентября 1106 г.¹ Все перечисленные здесь случаи отмечены в памятниках позднейшего времени, и их усвоение этими памятниками может быть объяснено восхождением последних к показаниям той же духовной грамоты Антония. Это тем более вероятно, что легендарен сам эпизод прибытия Антония в Новгород из мифического Рима.

Однако какой бы парадоксальной ни показалась наша мысль, именно упоминание Никиты в духовной оказывается важнейшим аргументом в защиту ее древности. Антоний предстает в документе монастырским строителем, не утвержденным от епископа. Он не получал поставления и ссылается лишь на благословение Никиты. Более того, он враждебен князю и епископу: «А которой брат наш да от места сего начнет хотети игуменства или мздою, или насильем, да будет проклят; или ото князя начнет по насилью деяти кому или по мзде, да будет проклят; или епискуп по мзде начнет кого ставити, или ин станет насильством творить на месте сем, да будет проклят»². Можно было бы думать, что эта формула традиционна и составляет как бы необходимую часть формуляра игуменской духовной, если бы не некоторые обстоятельства, связанные с церковной карьерой Антония Римлянина.

Новгородская Первая летопись с момента первого упоминания Антония под 1117 г. называет его игуменом, однако это не официальный титул, потому что только под 1131 г., на пятнадцатом году существования каменного монастырского собора, состоялось его официальное поставление: «В лето 6639... Тьгда же Антона игуменомъ Нифонт архепископ постави»³. В «Житии Антония» его составитель даже произвел соответствующие выкладки: «До игуменства лет 14, в игуменстве же бысть лет 16 и всех лет поживе во обители 30»⁴. Чем же объяснить столь затянувшееся поставление?

Ответ на этот вопрос, как нам кажется, кроется в одном событии, непосредственно предшествовавшем поставлению: в Новгороде произошли перемены на епи-

¹ См.: Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 236—237.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 160.

³ НПЛ, с. 22, 207.

⁴ Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 236. Обратим внимание на то, что исходной точкой приведенного расчета служит 1117 год, а не 1106 г., что лишний раз говорит о вторичности ранней даты.

скопской кафедре. В 1130 г. епископ Иоанн, который занимал кафедру на протяжении 20 лет, как сообщает летописец, «отвержеса Новагорода»¹. На смену ему 1 января 1131 г. на владычную кафедру пришел епископ Нифонт. Трудно не связать эту перемену с судьбой Антония. На протяжении 14 лет он возводил в своем монастыре каменные постройки, привлекавшие к себе внимание летописцев, но не получал поставления, хотя и возглавлял один из двух существовавших тогда новгородских монастырей. Однако стоило уйти Иоанну и прийти Нифонту, как это поставление тотчас состоялось.

Заметим, что вряд ли «отвержение» Иоанна было добровольным, иначе непонятым останется беспрецедентное исключение этого епископа из списка новгородских владык, имена которых возглашались во время церковной службы в последующие столетия. В составленном около 1423 г. списке новгородских владык об этом епископе написано следующее: «Иван Попьян, седев 20 лет, отвержеса архиепископья; сего не поминают»².

Буквальное толкование духовной Антония приводит к заключению, что она датируется не последними годами жизни ее автора (Антоний умер в 1147 г.³), а более ранним временем — до 1131 г. После этой даты Антоний уже не мог бы сослаться только на благословение Никиты. По всей вероятности, до присылки в Новгород Нифонта между Антонием Римлянином и епископской кафедрой существовали натянутые отношения, причиной чему могли служить какие-то неизвестные нам отступления епископа Иоанна от основной линии церковной политики. Ведь он получил осуждение не только от Антония, но и от всех последующих новгородских владык. Как знать, может быть именно духовная Антония приоткрывает отчасти завесу, поскольку в ней содержатся намеки на возможные (или имевшие место) покушения со стороны князя и епископа на иммунитет только что основанного без их участия монастыря. Допустимо предположить также, что возможной причиной конфликта было соперничество с другим — Юрьевым — монастырем, который в отличие от Антониева был княжеским.

Отраженное духовной грамотой состояние конфликта

¹ НПЛ, с. 22, 207.

² Там же, с. 473.

³ См. там же, с. 27, 214.

между Антонием и епископом Иоанном было в XV—XVI вв. забыто и не стало достоянием агиографии, чего не могло бы случиться, если духовную подделали в XVI в. В этой связи небезынтересно, что «Житие» и «Похвальное слово» никак не объясняют известный по Новгородской Первой и другим летописям факт затянувшегося на долгие годы официального поставления Антония в игумены.

Понимая изложенные показания духовной грамоты таким образом, а не иначе, мы представляем себе, что начало деятельности Антония действительно восходит ко времени Никиты, т. е. до 1109 г. Возможно, что к тем же временам относится возведение первых, еще деревянных построек Антониева монастыря. Что касается запечатленных духовной грамотой покупок Антония, то они, действительно, описаны как изначальное земельное приобретение монастыря. Антоний «изыдох на место сее, не приях и имения ото князя ни от епискупа», сначала «пашет по чужей земле», а затем приобретает землю для монастырского строения: «И се возвещаю: да егда седох на месте сем, дал есмь на земле и на тони семдесят гривен, на селе есмь дал гривен сто на Волховском»¹.

Переходя к так называемой «купчей Антония», мы прежде всего должны отметить ее анахронизмы относительно XII в. и духовной Антония. Если духовная фиксирует изначальную покупку земельного участка, то земли, приобретенные по купчей, стали монастырским достоянием уже тогда, когда Антониев монастырь существовал: они покупаются «пречистые в дом». Известное подозрение внушает термин «посадничьи дети», в других источниках встречающийся только с XIV в. М. Н. Тихомиров полагал, что в более раннее время он «мог просто обозначать родство»². Обращение к текстам показывает, что и в позднейшее время этот термин служил для обозначения родства и не использовался как признак социальной группы (подобно, скажем, «детям боярским»). Поэтому упомянутый термин формально не является анахронистическим, тем более что во времена Антония существовал посадник Иван — Иванко Павлович, убитый в 1135 г.

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 160.

² Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 239.

Главнейшим анахронизмом документа является счет на рубли, употребление которого в Новгороде возникает только в самом конце XIII в.¹ Выше уже отмечено, что счет на рубли в «купчей Антония» не является результатом поновления первоначального счета на гривны под пером переписчика грамоты. Такое распространенное объяснение исходило из признания тождества земельных участков, названных в духовной и купчей, тогда как в действительности это разные участки.

Перечисленные обстоятельства оказываются противоречивыми лишь тогда, когда «купчую Антония» датируют XII в., но они перестают носить характер анахронизмов, если, основываясь на применении в купчей рублевого счета, мы предположим, что документ относится к позднему времени, например к XIV или XV в. В этот период покупка монастырем земельного участка у посадничьих детей за рубли вполне закономерна. Более того, не будь у списка с «купчей Антония» заголовка XVI в. о принадлежности документа «чудотворцу», для дискусионности не осталось бы места, и любой его исследователь, не задумываясь, поместил бы этот акт в число документов XIV—XV вв.

Главным датирующим признаком в нем является упоминание рублей, свидетельствующее о том, что акт был составлен не ранее конца XIII в., и посадничьих детей. Последнее обстоятельство, естественно, ограничивает позднюю дату документа 1478 годом или, по крайней мере, началом 80-х годов XV в., поскольку после предпринятых Иваном III боярских «выводов» из Новгорода ни о каких посадничьих детях уже не могло быть речи. Для более точной датировки акта можно было бы использовать упоминание посадника Ивана — отца названных в грамоте продавцов земли. Однако на данном этапе исследования реализовать этот факт невозможно, так как в XIV—XV вв. в Новгороде было 23 посадника с таким именем².

И все же датировка купчей может быть уточнена. Для этого нам следует познакомиться с некоторыми фактами из истории того земельного участка, который был

¹ См.: Янин В. Л. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. — Сб.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. III.

² См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 379—380.

приобретен Антониевым монастырем по рассматриваемой нами купчей. Выше мы познакомились только с его границами, бегло прошли по описанной в грамоте меже. Теперь нам предстоит заглянуть внутрь участка.

Как явствует из купчей, приобретаемая по ней земля лишена построек. Ее составляли лишь пашни и луга. Однако уже в республиканское время в пределах обозначенных документом границ такие постройки существовали, а одна из них сохраняется до сегодняшнего дня. Мы имеем в виду два монастыря — Богословский на Витке и Успенский Радоковицкий¹. Оба монастыря были расположены на берегу Волхова: первый — в устье Витки, на правом берегу ручья, т. е. на описанном в грамоте участке; второй — в 50 саженях к северу от него, по дороге в Антониев², т. е. опять же внутри этого участка. Естественно, что, поскольку наличие этих монастырей в купчей не обозначено, они появились в более позднее время, нежели время покупки Антониевым монастырем земли у посадничьих детей. Поэтому нам следует познакомиться с историей этих монастырей.

Успенский девичий Радоковицкий монастырь был основан архиепископом Моисеем (1326—1330; 1352—1359), о чем имеется запись в его летописном житии: «И в Радоговицех церковь постави святую Богородицу и монастырь постави, и иконами украси и книгами умножи»³. Новгородская Первая летопись называет точную дату этой постройки — 1357 г.: «Того же лета постави владыка Моиси Богородицу святую в Радоковицах»⁴. В дальнейшем Радоковицкий монастырь упоминается в источниках неоднократно. В 1385 г. в нем была сооружена каменная церковь Богородицы⁵. В 1386 г. монастырь был сожжен при приближении московской рати Дмитрия Донского⁶. В 1421 г. во время разлива Волхова в монастырской церкви служили только на полатах⁷. В 1541 г.

¹ В источниках и литературе имеется и другое написание — Радоговицкий, но, по-видимому, правильное Радоковицкий. Ср. имя «Радоковая»: *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, с. 50.

² См. план в статье: *Воробьев А. В.* План Новгорода 1762 года. — Новгородский исторический сборник, вып. 9. Новгород, 1959.

³ Новгородские летописи, с. 136.

⁴ НПЛ, с. 364.

⁵ См.: ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, с. 138.

⁶ См.: ПСРЛ, т. IV, с. 94; т. V. СПб., 1851, с. 241; т. 26. М.—Л., 1959, с. 154 («Богородицын»).

⁷ См.: НПЛ, с. 413.

в монастыре был большой пожар: «Да того же лета бысть пожар в Онътоновском конци, месяца октября в 6 день, на память святого апостола Фомы: выгорело 100 дворов да полманастыря у Пречистой в Радоговицах, по самой ручей, да 3 человеки згорело»¹. Владения монастыря названы в писцовых книгах XVI в.² К 1598 г. относится чаша из ризницы Борисоглебской в Плотниках церкви с надписью: «Лета 7106 месяца мая день подписана бысть чаша при благоверном и великом князе Борисе Феодоровичи и при игуменьи Варсонофии Радоговижского монастыря Пречистые Богородицы Успение»³. Монастырь упомянут также в известной описи новгородских храмов 1615 г.⁴ В 1684 г. Радоковицкому монастырю было дано пустое дворовое место Соловецкого монастыря на Торговой стороне⁵. В 1764 г. при уложении штатов монастырь был упразднен, превращен в приходскую церковь и приписан к церкви Бориса и Глеба в Плотниках⁶. Его здание было разрушено, видимо, еще в XVIII в.⁷

Богословский на Витке девичий монастырь упоминается с 1383 г.: «Того же лета заложиха две церкви камены: святого Филипа на Нутной улице и святого Иоанна в Радоговицах»⁸. Однако возникновение монастыря нужно отнести к несколько более раннему времени, когда в нем, по-видимому, была построена первая деревянная церковь. В летописном житии архиепископа Моисея сообщается: «Постави святого Иоанна Богослова деревяну»⁹. Эта деревянная церковь не может быть идентифи-

¹ Новгородские летописи, с. 70.

² См.: НПК, т. IV. Переписные оброчные книги Шелонской пятины. СПб., 1885, с. 137; т. V. Книги Шелонской пятины. СПб., 1905, с. 22, 36, 37, 40, 165, 168.

³ *Макарий*. Указ. соч., ч. 2. М., 1860, с. 239.

⁴ См.: Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808, с. 86.

⁵ См.: Дополнения к актам историческим, т. I. СПб., 1846, ч. XI, № 90.

⁶ См.: *Макарий*. Указ. соч., ч. 1, с. 346; *Никольский А. И.* Заметки о прошлом упраздненных монастырей Новгородской епархии. — Сборник Новгородского общества любителей древности, вып. V. Новгород, 1911, с. 3.

⁷ Косвенно на это указывает тот факт, что в 1799 г. колокольною соседней Ивано-Богословской церкви строят на Успенском приделе, который, по-видимому, возник после ликвидации Успенской церкви Радоковицкого монастыря (см.: *Макарий*. Указ. соч., ч. 1, с. 352).

⁸ НПЛ, с. 379.

⁹ Новгородские летописи, с. 136.

пирована ни с одной одноименной новгородской постройкой, кроме церкви Иоанна Богослова на Витке¹. Дата основания Богословского монастыря поэтому может быть обозначена временем не позднее кончины Моисея, а он умер в январе 1363 г. В дальнейшем Богословский монастырь также часто упоминается в источниках. В 1384 г. в нем была окончена постройка каменной церкви². В 1386 г. он был выжжен при наступлении на Новгород Дмитрия Донского³. Под 1528 г. говорится об его игумене⁴. В 1575 г. при Богословской церкви был Троицкий придел, о чем говорит надпись на блюде из ризницы Борисоглебской в Плотниках церкви: «Сие блюдо Троицы Живоначальныи и Ивана Богослова, лета 7083, Игнат Григорьев сын»⁵. Монастырь упомянут в описи 1615 г.⁶. В 1687 г. он был приписан к Тихвинскому Введенскому монастырю, но через год отписан и оставлен в прежнем состоянии⁷. До 1764 г. он был приписан к Радоковицкому Успенскому монастырю, а в указанном году упразднен и превращен в приходскую церковь, приписанную к церкви Бориса и Глеба в Плотниках⁸. Прекрасное здание монастырской церкви Иоанна Богослова существует до сегодняшнего дня⁹.

В описи 1615 г., придерживающейся топографической последовательности описаний, названа еще одна древняя, несуществующая ныне церковь Николы «в Моховожниках», помещенная между Радоковицким и Антониевым монастырями¹⁰. Эта церковь, называемая в Новгородской

¹ Еще одна Богословская церковь была в Николаевском Вяжицком монастыре, однако последний основан лишь в начале XV в.

² См.: НПЛ, с. 380; ср. Новгородские летописи, с. 244 («в Радоговицах, на Витки реке»).

³ См.: ПСРЛ, т. IV, с. 94; т. V, с. 241; т. 26, с. 154.

⁴ См.: ПСРЛ, т. VI, с. 285.

⁵ Макарий. Указ. соч., ч. 2, с. 251.

⁶ См.: Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода, ч. 85.

⁷ См.: Макарий. Указ. соч., ч. 1, с. 394.

⁸ См.: там же, с. 346; Никольский А. И. Указ. соч., с. 3.

⁹ Новейшие работы об архитектуре Богословской церкви: Шуляк Л. М. Церковь Иоанна Богослова на р. Витке XIV в. Новгород, 1959; Гладенко Т. В., Красноречев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований. — Новгород. К 1100-летию города. Сборник статей. М., 1964, с. 236—238.

¹⁰ См.: Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода, с. 86.

Третьей летописи храмом Николая чудотворца «в Плотницах, в Никольском конци, на Торговой стране, на поли», была поставлена в 1406 г.¹ Можно было бы предполагать, что она также находилась внутри очерченного купчей грамотой участка, однако это не так. «Никольский конец», или Никольская ямская слобода, существовавшая в виде отдельной административной единицы еще в XIX в., располагался между валом Окольного города и ручьем Виткой, к юго-востоку от показанного в купчей участка².

Таким образом, уже в середине XIV в., не позднее 1357 г., на принадлежащем Антониеву монастырю участке появляются новые владельцы, которых еще не могло быть в момент свершения обозначенной в документе покупки. Это обстоятельство ограничивает поздний рубеж составления грамоты 50-ми годами XIV в. Ее хронологические рамки, следовательно, замыкаются между концом XIII и серединой XIV в.

В свете этого вывода рассмотрим упоминание в грамоте посадничьих детей, сыновей посадника Ивана. На протяжении всего XIII в. существовал только один посадник Иван — Иванко Дмитриевич, убитый в 1238 г. С его детьми грамоту связывать невозможно, поскольку к концу XIII в. может относиться только деятельность его внуков. Следующие по времени посадники Иваны — Иван Федорович Смятанка, пришедший на посадничество в 1354 г. и занимавший эту должность на протяжении ряда лет, в последний раз не позднее 1371 г., и Иван Семенович Мутурица (или Мотурица), также избранный впервые в 1354 г. и остававшийся на должности, по всей вероятности, до 1382 г., во всяком случае — не позднее этой даты³. Деятельность более поздних посадников Иванов относится уже к XV в. Следовательно, купчую Антониева монастыря невозможно датировать временем ранее 1354 г. Но, с другой стороны, она не может быть отне-

¹ См.: Новгородские летописи, с. 251. Вероятно, издатель описи 1615 г. Евгений Болховитинов неверно прочел слово «Молодожники». Ср.: «В Онтоновском конци, в Молодожниках, на самом ручьи, згорел двор один Савы молодожника, своим со всем запасом» (Новгородские летописи, с. 78, под 1549 г.). Напомним, что грамота 1591 г. упоминает живущих на участке Антониева монастыря солодожников (молодожников?).

² ЦГВИА, ВУА, № 22253.

³ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 379—380.

сена и ко времени позднее 1357 г. Отсюда ее окончательная датировка: 1354—1357 гг.

Таким образом, конечный вывод может быть сформулирован следующим образом. Духовная Антония действительно является списком с подлинного документа XII в., вышедшего из рук Антония Римлянина и датированного временем до 1131 г. Купчая — документ более поздний, однако это не фальсификат, а список с подлинной грамоты 1354—1357 гг. В XVI в. обе грамоты были объединены в своеобразный конволют, в целом приписанный Антонию Римлянину и использованный в дальнейшем в качестве одного из источников его «Жития».

Можно высказать некоторые предположения относительно авторства купчей и попытаться установить, какое реальное лицо заключало сделку с детьми посадника Ивана. К сожалению, список антониевских игуменов имеет много пробелов, один из которых приходится как раз на интересующие нас годы. Однако имя игумена конца 50-х годов XIV в. хорошо известно. Уже в 1359 г. монастырь возглавлял Савва — личность, вне всякого сомнения, незаурядная. После отказа Моисея остаться на владычной кафедре антониевский игумен Савва оказался в числе трех кандидатов в архиепископы, но не прошел по жребию¹. К 1375 г. он был избран на должность новгородского архимандрита, заняв один из крупнейших магистратских постов в республике. В этой должности он возглавлял новгородское посольство, отправленное к митрополиту в связи с отказом архиепископа Алексея оставаться на кафедре. В следующем году он снова едет в Москву, теперь уже с владыкой Алексеем, вернувшимся «на сени». 29 мая 1377 г. архимандрит Савва умирает, и его торжественно погребают в Антониевом монастыре². Поскольку уже первое упоминание Саввы связывает его с такими обстоятельствами, в которых хорошо видны как его авторитет, так и признанный новгородцами опыт, можно предполагать, что в 1359 г. он игуменствовал не первый год. Это позволяет нам видеть в Савве вероятного участника земельной сделки 1354—1357 гг.

Допустимо предполагать, что продажа земельного участка монастырю посадничьими детьми была не вполне законной. Иначе трудно объяснить начавшееся сразу же

¹ См.: НПЛ, с. 365.

² См. там же, с. 373—375.

после совершения покупки освоение этого участка другими владельцами, в том числе и распространение на него городского посада, население которого вступило в сложные юридические отношения с Антониевым монастырем. Впрочем, то обстоятельство, что освоение посадом антониевских земель сопровождалось уплатой поезда монастырю, служит свидетельством юридической законности внедрения посадских людей на эти земли. Как раз во второй половине XIV в. городская территория Новгорода достигла естественных рубежей, за которыми пригодных для жилья участков практически не оставалось. Лишь по берегам Волхова, вниз по его течению, продолжалось развитие застройки, искусственно сдерживаемое землевладельческими правами монастырей — Зверина, Духова, Николо-Бельского на левом берегу и Антониева на правом. Насколько успешным было это противодействие, показывает судьба купленного Антониевым монастырем в середине XIV в. участка. Даже в XIX в., как свидетельствует план 1819 г., монастырь сохранял за собой этот участок практически в полном объеме, за вычетом рели в устье Деревяницы, перешедшей к Деревяницкому монастырю, и участков Богословского и Радоковицкого монастырей¹.

Приложение

ДУХОВНАЯ АНТОНИЯ РИМЛЯНИНА, ДО 1131 г.

Се язъ Антонии, хужши во мнисехъ, изыдохъ на место сее, не прияхъ и имения ото князя ни от епискупа, но токмо благословение от Никиты епискупа. И паша по чюжеи земле ни вдвое ни воедино, ни себе покоя не дахъ, и братъи и сиротамъ и zde крестьяномъ досажая. Да то все управить мати божия, что есмь беды принять о месте семъ. А се поручаю богу и святеи богородицы и крестьяномъ, и даю в свободу, и се поручаю место се на игуменство. Хто мое слово худое преступить, судить ему бог и святая богородица или богъ отведеть. А кого изберуть братъя, но от братъи, и иже кто в месте семъ терпитъ. А которой братъ нашъ да от места сего начнетъ хотети игуменства или мздою или насильемъ, да будетъ проклятъ; или ото князя начнетъ по насилью деяги кому или по мзде, да будетъ проклятъ; или епискупъ по мзде начнетъ кого ставити, или инъ станетъ насильствомъ творить на месте семъ, да будетъ проклятъ. И се возвещаю: да егда сдохъ на месте семъ, даль есмь на земле и на тони семдесятъ гривенъ, на селе есмь даль гривенъ сто на Волховскомъ, Тудоре з женою и з детми одерень, Волось з женою и з детми оде-

¹ ЦГВИА, ВУА, № 22253.

рень, Василии з женою и з детми одерень. Аще сию грамоту хто преступитъ, да будетъ проклятъ тремъ сты святыхъ отецъ и осмьюнадесять и буди ему со Июдою причастье.

КУПЧАЯ АНТОНИЕВА МОНАСТЫРЯ, 1354—1357 гг.

Се трудъ, госпоже моя пречистая богородица, имъ же трудихся на месте семь. Купил есми землю пречистые в домъ у Смехна да у Прохна у Ивановыхъ детеи у посадничихъ. А даль есми сто рублевъ. А обводъ той земли от реке от Волхова Виткою ручьемъ вверхъ, да на лющик, да лющиком ко кресту, а от креста на коровей прогонъ, а коровемъ прогономъ на олху, а от олхи на еловой кустъ, от елового куста на верховье на Донцовое, а Донцовымъ внишь, а Донецъ впалъ в Деревяницу, а Деревяница впала в Волховъ. А той земле и межа. А хто на сию землю наступитъ, а то управитъ мати божия.

ИЗ ИСТОРИИ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В НОВГОРОДЕ XII в.

Проблема происхождения Новгородской боярской республики остается в центре внимания исследователей средневекового Новгорода. Эта проблема рассматривается во многих аспектах, однако в любом случае точность выводов и решений определяется правильностью источниковедческой характеристики исходных данных.

Между тем интересующая нас проблема опирается на такие характеристики своих главных источников, которые, будучи выработаны еще в начале XIX в., с тех пор не подвергались источниковедческому уточнению. Развитие исследовательской мысли осуществлялось главным образом в форме историографической, а не источниковедческой критики.

Нам уже приходилось касаться этой проблемы, рассматривая вопрос о времени и путях сложения политической организации новгородского боярства¹. Полученные выводы вступили в противоречие с давно уже ставшим традиционным в исторической литературе преувеличением результатов новгородского восстания 1136 г., которое большинством исследователей вслед за Б. Д. Грековым признается поворотным пунктом новгородской истории, датой возникновения республиканской боярской администрации и низведения князя до положения второстепенного государственного чиновника. В оказавшей сильнейшее влияние на последующую историографию статье Б. Д. Грекова эта мысль резюмируется следующим образом: «Во второй половине 30-х годов XII в. Новгород пережил настоящую революцию, в результате которой явились новые формы политического строя (республика), уцелевшие, по крайней мере внешне, до самого конца самостоятельности Новгорода, и новое положение общественных классов, принимавших активное участие в этом движении»². В изложенной историографической схеме 1136 год отделяет время развитой и разветвленной боярской организации от предшествующего

¹ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 45—93.

² Греков Б. Д. Революция в Новгороде Великом в XII в. — Ученые записки Института истории РАН ИОН, т. IV. М., 1929, с. 21.

времени, когда новгородское боярство якобы не располагало организационными формами участия в управлении Новгородом.

Анализ посадничьих списков в сочетании с другими источниками политической истории Новгорода позволил противопоставить этой точке зрения представление о более сложной картине становления республиканских порядков. Мы пытались показать, что восстание 1136 г., действительно являющееся одним из значительных событий новгородской истории, было подготовлено длительным ходом предшествующей ему политической и классовой борьбы, которая достигла существенных успехов уже в конце XI в. В процессе этой борьбы ростки республиканской государственности пробивали почву княжеского самовластия задолго до событий 1136 г. На протяжении всего периода новгородского княжения Всеволода Мстиславича (1117—1136) уже сформировавшиеся республиканские органы существуют параллельно с пока еще сильной княжеской властью. С другой стороны, восстание 1136 г. отнюдь не формирует еще той классической структуры боярского государства, которая известна нам в XIV—XV вв. Потребовался длительный процесс исторических преобразований, чтобы республика в Новгороде максимально усилилась за счет княжеской власти.

В настоящем очерке мы рассматриваем популярный в современной литературе тезис о якобы связанной непосредственно с событиями 1136 г. эволюции княжеского права на распоряжение в Новгороде землей. В системе построений Б. Д. Грекова этот тезис играл немаловажную роль и практически служил главным аргументом в пользу основного цитированного выше вывода. Б. Д. Греков полагал, что одним из главных результатов восстания 1136 г. было лишение новгородского князя права землевладения в Новгороде, которое перешло к сформированным в ходе восстания республиканским органам¹.

Этот тезис был обоснован путем противопоставления группы жалованных княжеских грамот, выданных при Всеволоде Мстиславиче, т. е. до 1136 г., грамоте Изяслава Мстиславича, составленной в более поздний период. В грамотах Мстислава и Всеволода на село Буйцы, Всеволода на княжескую рель под Новгородом и на Терпужский погост Ляховичи на Ловати, пожалованных Юрье-

¹ См.: Греков Б. Д. Указ. соч., с. 19—20.

ву монастырю¹, князь выступает самовластным распорядителем земельного фонда Новгорода, тогда как в грамоте Изяслава Мстиславича на земли, данные им Пантелеймонову монастырю², это пожалование стало возможным лишь после благословения новгородским епископом Нифонтом и вечевого решения. Вслед за Б. Д. Грековым изложенный тезис использовался многими исследователями³.

Очевидно, важность показаний, извлеченных из этих грамот, требует внимательного рассмотрения с источниковедческой точки зрения. Такого исследования до сих пор не существует, хотя с момента введения перечисленных грамот в научный оборот прошло свыше полутора веков. Между тем, как мы это постараемся показать, именно их источниковедческая характеристика нуждается в первоочередном рассмотрении.

* *
*

Грамота Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю была впервые издана Амвросием в 1813 г. по списку, позднее утраченному⁴. Исследователи пользовались текстом этой публикации вплоть до 1955 г., когда В. И. Корецкий обнаружил и издал новый, неизвестный ранее список грамоты Изяслава, который в конце XVI в. был изготовлен для нужд судебного разбирательства, ущемившего иммунитетные права Пантелеймонова монастыря⁵. В 1959 г. А. И. Семенов издал

¹ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 139—141, № 79—81.

² См. там же, с. 141, № 82.

³ См., например: *Кочин Г. Е.* Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. Сборник документов. Л.—М., 1935, с. 10—11; *Строков А., Богусевич В.* Новгород Великий. Новгород, 1939, с. 8—9; *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, с. 33—34.

⁴ См.: *Амвросий.* История российской иерархии, ч. V. М., 1813, с. 454—455; *Срезневский И. И.* Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю (1130 г.). — ИОРЯС, т. X. СПб., 1861—1863, с. 354; Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 141, № 82; Памятники русского права, вып. 2; Памятники права феодально раздробленной Руси XII—XV вв., с. 104—105.

⁵ См.: *Корецкий В. И.* Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю. — «Исторический архив», 1955, № 5, с. 204—207.

еще один список грамоты Изяслава Мстиславича, обнаруженный им в рукописном реестре грамот Юрьева монастыря 1746 г.¹ Вновь найденные списки тождественны и отличаются большей полнотой, нежели список Амвросия. Воспроизводим текст этой грамоты по списку, опубликованному В. И. Корецким².

«Се аз князь великий Изеслав Мстиславич, по благословению епискупа Нифонта, испрошал есмь у Новагорода святому Пантелемону землю село Витославицы и смерды и поля Ушково и до Прости. А завод той земли: от Юрьевской орамыцы Простью вверх, и с Прости возли Ушковскую орамыцу по верхней стороне да направо в лог, логом по верховью Мячина, и Мячином вниз по вешную воду к Добрыне улицы к Образу святому; и от Добрыне улицы Мячином вверх подли рель да налево в Великий ручей, ручьем вверх подли княжую рель до Юрьевского межника логом подле Юрьевскую рель да подле Юрьевскую орамыцу логом да по конец логу промеж орамыцы Юрьевской и Ушкова поля да в Прость. *И устроил святому Пантелемону монастырь и посадил есми в нем игумена Аркадия.* А боле в тую землю, ни в пожни ни в тони не вступатися ни князю, ни епискупу, ни болярину, ни кому. *А хто ловит рыбу, доложя игумена. А смердам витославицам не потянути им ни ко князю, ни к епископу, ни в городцкии потуги, ни к смердам ни в какие потуги ни иноу виврицою, а потянути им ко святому Пантелемону в монастырь к игумену и к братьи.* А хто почнет вступатися в тую землю, и в воду, и в пожни, или князь, или епискуп, или кто имет силу деяти и он во второе пришествие станет тяжатися со святым Пантелемоном».

В. И. Корецкий отметил существенную важность избыточных текстов опубликованного им списка грамоты, которые подтвердили правоту С. В. Юшкова и М. Н. Тихомирова, читавших в амвросиевском варианте упоминание смердов, а не принятое большинством издателей обозначение некоего села Смерды³.

В грамоте Изяслава Мстиславича В. И. Корецкий видит отражение тех новых новгородских порядков, при

¹ См.: Семенов А. И. Неизвестный новгородский список грамоты князя Изяслава, данной Пантелеймонову монастырю. — «Новгородский исторический сборник», вып. 9. Новгород, 1959, с. 245—248. Нахождение грамоты в архиве Юрьева монастыря объясняется тем, что с 1667 г. Пантелеймонов монастырь был приписным к Юрьеву (см.: Амвросий. Указ. соч., с. 456).

² См.: Корецкий В. И. Указ. соч., с. 204—207. Курсивом выделяем места, отсутствующие в тексте амвросиевского списка.

³ См.: Юшков С. В. К вопросу о смердах. — Ученые записки Саратовского университета, т. 1, вып. 4. Саратов, 1923; его же. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, с. 293; Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 34.

которых в ведение новгородского веча «после 1136 г. перешло распоряжение землями и смердами»¹. В его публикации также предпринимается сравнение грамот Мстислава и Изяслава, призванное убедить читателя в том, что 1136 год был этапным в развитии республиканской юрисдикции: «Грамота Изяслава Мстиславича в отношении развития иммунитета представляет собой переход от грамоты Мстислава Владимировича 1130 г., где иммунитет выступает еще в положительной форме (с Буйцы передается Юрьеву монастырю «с данию, и с вирами, и с продажами, и вено вотское»), к последующим развернутым формулам грамот XIV—XV вв., состоящим из ряда статей отрицательного типа»². Таким образом, схема Б. Д. Грекова признается подтвержденной новым полным списком грамоты Изяслава.

В этой связи исключительный интерес приобретает вопрос о точной дате рассматриваемого акта. Внешними датирующими признаками грамоты Изяслава являются упоминания в ней епископа Нифонта, занимавшего новгородскую кафедру с 1131 по 1156 г., и великого князя Изяслава Мстиславича, владевшего киевским столом с 1146 по 1154 г. Внутри последней, более узкой датировки Б. Д. Греков и Л. В. Черепнин отыскивают предпочтительную дату документа, считая таковой 1148 год, когда «приде Изяслав Новугороду, сын Мьстиславль, ис Киева, иде на Гюргя Ростову с новгородьци; и мьного воеваша людьб Гюргево, и по Волзе възьяша 6 городьк, оли до Ярославля попустища, а голов възьяша 7000, и воротящаяся роспустя деля»³.

Кроме этих хронологических признаков в грамоте имеются еще две детали, дающие важные, хотя и косвенные, датирующие указания. Эти детали прошли мимо внимания исследователей, оставшись не оцененными в той мере, в какой они этого заслуживают.

Первая из этих деталей окончательно обозначилась в новых списках грамоты Изяслава, хотя она была очевидной и в амвросиевском варианте: грамота Изяслава Мстиславича является не рядовым актом пожалования земельных владений одному из новгородских монасты-

¹ *Корецкий В. И.* Указ. соч., с. 206.

² *Там же*, с. 206.

³ НПЛ, с. 28, 214; см. также: *Греков Б. Д.* Указ. соч., с. 19; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М.—Л., 1951, с. 115.

рей. Это документ, выданный Пантелеймонову монастырю его основателем в самый момент основания: «И устроил святому Пантелемону монастырь и посадил еси в нем игумена Аркадия». Под «устроением» монастыря в данном случае невозможно понимать его украшение или строительство в нем новых зданий, как это предполагает В. И. Корецкий¹. Грамота недвусмысленно сообщает, что «устроение» сопровождалось назначением игумена².

Побудительные причины наименования учрежденного князем Изяславом Мстиславичем монастыря Пантелеймоновым ясны из рассказа летописи о битве 1151 г. на Руте, во время которой Изяслав сражался в шлеме, украшенном золотым изображением св. Пантелеймона³. Принадлежность Изяславу Мстиславичу крестильного имени Пантелеймон подтверждается и некоторыми сфрагистическими данными.

В русской домонгольской сфрагистике хорошо известен тип княжеской буллы XII—XIII вв., на котором персональная принадлежность выражена изображением святых, тезоименитых владельцу печати и его отцу, т. е. символическим обозначением христианских имени и отчества владельца буллы. Христианское отчество Изяслава Мстиславича известно. Его отца в крещении звали Феодором, о чем свидетельствует благопожелательная надпись в Мстиславовом евангелии. Следовательно, на печатях Изяслава должны изображаться святые Пантелеймон и Феодор. Булла такой разновидности известна нам в трех экземплярах⁴, отличающихся от многочисленных новгородских княжеских печатей миниатюрностью матриц. Своеобразие этой печати и ее редкость в новгородских находках могут быть объяснены тем, что Изяслав Мстиславич не был новгородским князем, следовательно, для Новгорода его буллы случайны. Эти печати, впрочем, могли принадлежать и сыну Изяслава Мстиславича — Мстиславу, которого в крещении звали, как деда, Феодором⁵ и который также никогда в Новгороде не княжил.

¹ См.: Корецкий В. И. Указ. соч., с. 207.

² На наш взгляд, В. И. Корецкий вполне основательно сопоставляет игумена Аркадия с будущим основателем Аркажа монастыря, ставшим впоследствии епископом Аркадием, а также с игуменом Аркадием, упомянутым в «Вопрошаниях Кирика» (см. там же).

³ См.: ПСРЛ, т. 2, изд. 2. СПб., 1908, стб. 438—439.

⁴ См.: Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. 1, с. 214, 215.

⁵ См. там же, с. 103.

В Новгороде княжил на протяжении шести лет, с 1148 по 1154 г., другой сын Изяслава Мстиславича — Ярослав. Христианское имя этого князя летописи не сохранили, но если его отца действительно звали Пантелеймоном, то на буллах Ярослава Изяславича следует искать изображение св. Пантелеймона как обозначение его христианского отчества. Теоретически таких булл должно быть много, поскольку Ярослав княжил в Новгороде и занимал там стол на протяжении длительного времени.

Рассмотрение всех известных русских домонгольских булл обнаруживает, что кроме названных выше трех печатей с изображением святых Пантелеймона и Феодора существуют еще лишь две разновидности, на которых также помещено изображение св. Пантелеймона. Одна из них — с изображением святых Пантелеймона и Стефана — известна в единственном экземпляре и может быть отнесена еще одному не княжившему в Новгороде сыну Изяслава Мстиславича — Ярополку¹. Другая, на которой указанное изображение сочетается с изображением св. Иоанна Предтечи, известна в 18 экземплярах; все они происходят из новгородских находок². Поэтому вполне естественна их атрибуция новгородскому князю Ярославу Изяславичу, не только устанавливающая христианское имя Ярослава, которого, таким образом, звали Иоанном, но и подтверждающая, что Изяслав Мстиславич в крещении назывался Пантелеймоном.

Указание на то, что грамота Изяслава Мстиславича выдана в связи с учреждением Пантелеймонова монастыря, а не в какое-то более позднее время, может быть извлечено и из наблюдений над характером земельного пожалования Изяслава. Несохранившийся Пантелеймонов монастырь, церковь которого в качестве приходской возобновлялась в последний раз в 1878 г.³, находился на берегу Мячина озера в 300 м на север от северо-западного угла ограды Юрьева монастыря. По соседству с этой церковью в первой половине XIX в. графиня А. А. Орлова-Чесменская выстроила каменный двухэтаж-

¹ См.: Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. 1, с. 104.

² См. там же, с. 103—104, 196, 235, № 149—151 (17 экз.). 18-й экземпляр найден в 1975 г. и еще не издан.

³ См.: Муравьев М. В. Новгород Великий. Л., 1927, с. 62—63. Церковь Пантелеймона обозначена на плане 1819 г. (ЦГВИА, ВУА, № 22 253).

ный дом, существующий и в настоящее время. Поэтому участок церковных строений Пантелеймонова монастыря может быть достаточно точно обозначен на карте. Этот участок, как мы покажем ниже, находится на тех самых землях, которые были пожалованы монастырю грамотой Изяслава Мстиславича. Следовательно, он составляет исходное ядро земельных владений этого монастыря, который не мог существовать раньше выдачи рассматриваемой грамоты.

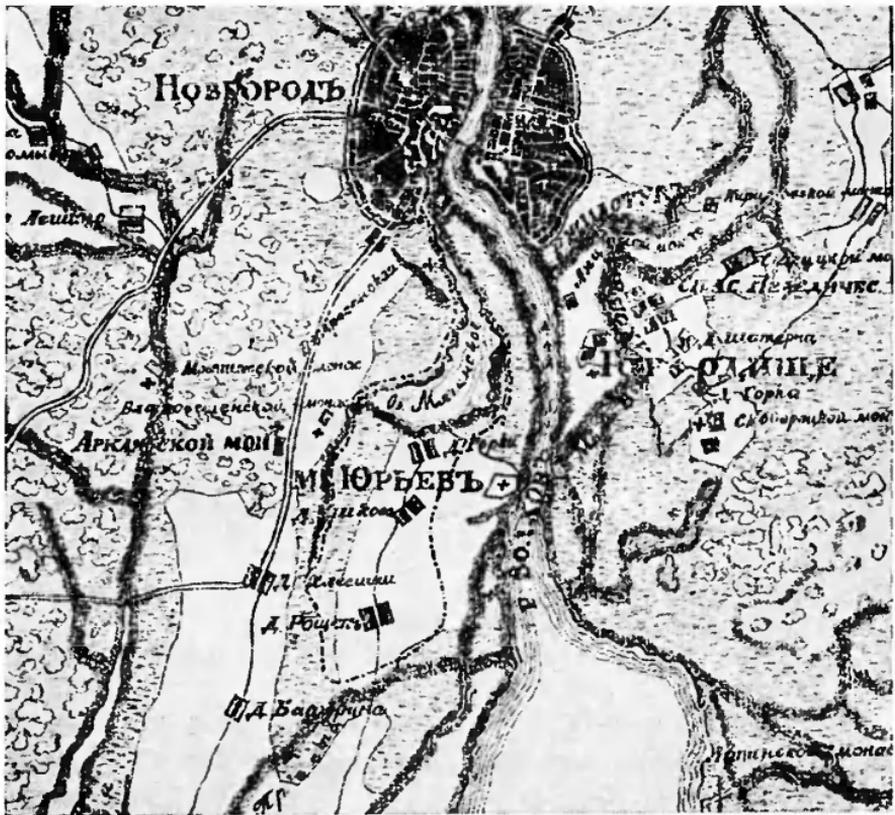
Изложенные наблюдения фиксируют важный для датировки грамоты хронологический момент: грамота должна быть датирована годом учреждения Пантелеймонова монастыря. Оговоримся, что искомый год другим источникам не известен и подобная постановка вопроса может показаться несколько схоластической: скорее основание монастыря следовало бы датировать показаниями грамоты. Однако далее мы подтвердим правомерность именно такой постановки проблемы.

Вторая деталь из числа имеющих хронологическое значение требует подробного рассмотрения тех топографических ориентиров, по которым проложена граница пожалованных князем Изяславом Пантелеймонову монастырю земельных владений.

Начнем это рассмотрение с истолкования слова «прость», которое всеми издателями грамоты Изяслава, кроме А. И. Семенова, понималось неправильно. Это слово печаталось со строчной буквы и толковалось как «прямой путь». В основе такого истолкования лежат сведения В. И. Даля, сославшегося на выражения: «Поезжай смело простью по болоту, все замерзло» и «Зимником впрость, а летником много объезду»¹. И. И. Срезневский то же истолкование иллюстрировал ссылками на рассматриваемые в настоящем очерке грамоты и на летописный текст: «Князь Глеб... прииде ко острову ко Кривой Луке... перекопа, и потече тем рвом великая река Сухона, и крест поставил, и оттоле зовется Княже Глебова прость; и оттоле поиде к Вологде реке и тамо такожде перекопа и крест поставил, и оттоле зовется Княже Глебова прость и до сего дне»².

¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. III. М., 1882 (М., 1955), с. 513.

² *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 2. СПб., 1895 (М., 1958), стб. 1585—1586.

Граница владений Пантелеймонова монастыря.
В качестве подосновы использован план второй половины XVIII в.

Между тем уже В. С. Передольский разъяснил неверность такого истолкования по крайней мере применительно к рассматриваемой грамоте. «Прость», — писал он, — это речка, выходящая из болота Дрянь, заворачивающая несколько к Ракому и впадающая в Волхов сразу же за холмом, на котором древняя Перынь, а теперешний Юрьевский скит. Имя этой речки уже забыто, ее называют Ракомкой, но в путешествии Озерецковского оно сохранено»¹. А. И. Семенов дает более точные указания, отметив, что на современной карте Простью называют речку, вытекающую из Веряжи и впадающую в Ракомку, приток Волхова. Рукав Прости впадает также и непосредственно в Волхов между Юрьевом и Перынью, ближе к последней; он в настоящее время имеет вид мокрого лога, через который современная дамба ведет в

¹ Передольский В. С. Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, 1898, с. 97.

Перынь. Этот рукав поименован Простью на плане 1762 г.¹, а идентификация с Простью всей описанной А. И. Семеновым речки подтверждается показаниями плана новгородских окрестностей, снятого в XVIII в.² С речкой Простью хорошо связываются и некоторые новгородские топонимы: донныне на правом берегу Прости существует деревня Запростье, а находящаяся с ней по соседству деревня Рощеп в писцовой книге 1498 г. называется «Рощеп над Простью»³. Поскольку и в цитированном И. И. Срезневским летописном тексте термин «прость» связан с водными протоками, думается, что эта связь имеет этимологический характер.

Речка Прость прорезает коренной берег Волхова и в своей нижней части течет в волховской пойме. В возвышенной части ее левый берег и в настоящее время занят пашнями. Согласно указанию грамоты Изяслава Мстиславича, в XII в. здесь располагались пашни — «орамицы»⁴ Юрьева монастыря и деревни Ушково. Деревню с таким названием в соответствующем указании грамоты Изяслава месте (примерно в километре к юго-западу от Юрьева монастыря) знают писцовая книга 1501 г., «Карта генерального межевания», снятый в XVIII в. план новгородских окрестностей и план 1819 г.⁵ От стыка границ Юрьевской и Ушковской пашен на речке Прости и ведет между земельных владений Пантелеймонова монастыря грамота Изяслава: «А завод той земли: от Юрьевской орамицы Простью вверх, и с Прости возли Ушковскую орамицу по верхней стороне да направо в лог...» Очевидно, Ушковская пашня находится внутри пожалованного Пантелеймонову монастырю участка, ведь в первой фразе документа говорится о том, что Изяслав «ис-

¹ См.: *Воробьев А. В.* План Новгорода 1762 года. — Новгородский исторический сборник, вып. 9. Новгород, 1959, с. 75; *Семенов А. И.* Указ. соч., с. 248.

² См.: *Муравьев Н. Н.* Исторические исследования о древностях Новгорода. СПб., 1828, план окрестностей.

³ НПК, т. IV. Переписные оборочные книги Шелонской пятины. СПб., 1885, с. 12; см. также: *Андряшев А. М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг., вып. 1. Списки селений. М., 1914, с. 13.

⁴ Разумеется, А. И. Семенов был не прав, полагая, что слово «орамица» или «ораница» можно переводить как «граница» (см.: *Семенов А. И.* Указ. соч., с. 248).

⁵ См.: НПК, т. V. Книги Шелонской пятины. СПб., 1905, с. 298; *Андряшев А. М.* Указ. соч., с. 11; *Муравьев Н. Н.* Указ. соч., карта окрестностей; ЦГВИА, ВУА, № 22253.

прошал» монастырю «землю село Витославлицы и смерды и поля Ушково и до Прости».

Далее граница монастырских владений проложена по логу, к верховьям озера Мячина, по западному берегу этого озера, линия которого определяется стоянием озерного зеркала в паводок: «...логом по верховью Мячина, и Мячином вниз по вешнюю воду к Добрыне улицы к Образу святому...» Существование сырого лога между Простью и верховьями Мячина ввело в заблуждение В. С. Передольского, который этот лог считал верхним течением Прости.

Церковь Нерукотворенного образа на Добрыне улице, ныне не существующая, хорошо известна в источниках. Она неоднократно упоминается в летописи, однако наиболее точно ее положение определяется планом Новгорода середины XVIII в., на котором церковь «опустевшая Образа Спаса» обозначена стоящей внутри Спасского бастиона Малого земляного города, на участке, примыкающем к Спасским воротам Детинца¹. В Воскресенском монастыре на Мячине озере еще в прошлом столетии сохранялись два колокола, отлитые в 1647 г., надписи которых сообщали, что эти колокола были даны церкви Образа у Новинских ворот². Поскольку Новинкой называлась улица, проложенная при постройке Малого земляного города XVI в. и совпавшая частично с древней Добрыней улицей, в этом эпиграфическом показании нет противоречия. Новинскими назывались ворота Малого земляного города, противостоящие Спасским воротам Детинца и ведущие из того же Спасского бастиона³. Поэтому церковь Образа, точно локализуемая относительно Детинца, также достоверно локализуется и относительно устья вытекающего из Мячина протока, расположенного по соседству со Спасским бастионом. Не зная плана середины XVIII в., местонахождение церкви Образа именно здесь правильно предположили И. И. Красов и П. Л. Гусев, которые основывались на некоторых планах, указывающих на этом участке непоиме-

¹ ЦГВИА, ф. 418, ВУА № 22247. Без экспликации этот план воспроизведен в работе: Монгайт А. Л. Оборонительные сооружения Новгорода Великого. МИА, № 31, 1952, с. 51, рис. 14.

² См.: Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. 2. М., 1860, с. 291. С Новинкой церковь Образа связана и Описью 1615 г. (см.: Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808, с. 83).

³ См.: Монгайт А. Л. Указ. соч., с. 120.

нованное церковное здание¹. Интересные материалы, подтверждающие правильность этого вывода, дает летописный рассказ 1499 г. об обходе архиепископом Геннадием новопостроенных стен Детинца. Геннадий идет «Великим мостом к Кресту», т. е. к известному Чудному или Черному кресту в начале Великого волховского моста у Пречистенских ворот, оттуда «новым мостом к Образу и к Спасским воротам», т. е. берегом Волхова по новому настилу к Спасским воротам². Следовательно, церковь Образа стояла на пути с берега Волхова к Спасским воротам Детинца.

От церкви Образа граница владений Пантелеймонова монастыря продолжается по правому берегу протока Мячина: «...и от Добрыни улицы Мячином вверх подли рель да налево в Великий ручей, ручьем вверх подли княжую рель до Юрьевского межника, что крест стоит под межником...». Все пространство между берегом Волхова и озером Мячиным образуют заливные луга, которые и сейчас сохраняют древнее название релей. В цитированном отрывке грамоты Изяслава упоминаются две рели: рель в дельте впадающих в Волхов протоков Мячина и «княжеская рель», северной границей которой является главный проток Мячина Великий ручей, восточной — Волхов, западной — берег собственно озера Мячина, а южной границей — Юрьевский межник, крест.

Последний ориентир, по-видимому, хорошо известен. Это межевой камень, лежавший на берегу Волхова примерно в полукилометре от Юрьева монастыря, напротив Городища, у устья так называемого Княжева ручья, вытекающего из Мячина. На камне высечен крест, и легенда связывает его с одним из чудес архиепископа Иоанна³. «Юрьевский межник», противопоставленный в грамоте «кресту, что стоит под межником», можно предпо-

¹ См.: *Гусев П. Л.* Новгород XVI века по изображению на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия». — Вестник археологии и истории, вып. XIII. СПб., 1900, карта между с. 20 и 21; *Муравьев Н. Н.* Описание древней новгородской серебряной гривны и ее рублей с некоторыми понятиями о древности, величии и богатстве Новгорода. М., 1826, карта.

² См.: ПСРЛ, т. 30. М., 1965, с. 152—153.

³ См.: *Передольский В. С.* Указ. соч., с. 70—71; *Муравьев М. В.* Указ. соч., с. 64. Межевой камень сохранялся примерно до середины 50-х годов текущего столетия, а затем исчез, будучи, вероятно, подмыт паводком. Попытки его нащупать в илистом дне Волхова пока не увенчались успехом.

лагать на траверзе сохранявшегося до недавнего времени межевого камня, скорее всего в истоке Княжева ручья. Последний, очевидно, потому и получил название Княжева, что был пограничной линией княжеских владений.

От реконструированного «Юрьевского межника» граница земель Пантелеймонова монастыря идет «логом подле Юрьевскую рель да подле Юрьевскую оралицу, да по конец логу промеж оралицы Юрьевской и Ушкова поля да в Прость», т. е. к тому исходному пункту, от которого в грамоте прокладывается межа пожалованных монастырю земель. Названный здесь лог обступает с востока и севера возвышенность, которую занимали строения Пантелеймонова монастыря, включая, таким образом, эту возвышенность в «завод» пожалованных Изяславом Мстиславичем Пантелеймонову монастырю земель.

Завершив обзор границы этих владений, мы приходим к выводу, что они складывались из четырех компонентов: 1) земель монастырского строения, на которых впоследствии расположились постройки мызы Орловой; 2) пахотных земель «Ушковской оралицы»; 3) озера Мячина; 4) пойменных покосов озера Мячина, обнажающихся при спаде воды. Эти компоненты перечислены в обобщенной имунитетной формуле грамоты (смерды витославицы, земля, пожни и тони) и в сокращенном виде в формуле дарения («село Витославицы и смерды и поля Ушково»). Мы получаем возможность отождествить бесследно исчезнувшее из числа новгородских топонимов село Витославицы с участком монастырских строений, так как внутри «завода» пожалованных Пантелеймонову монастырю земель нет другого места для этого села.

Однако для хронологических наблюдений оказываются важными и некоторые сведения о территориях, расположенных по соседству с землями Пантелеймонова монастыря. Мы имеем в виду те уголья, которые примыкали к этим землям с востока. Здесь все пространство между Мячиным и Волховом занимали две рели. Обширная княжеская рель с севера была ограничена Великим ручьем, а с юга — Княжевым ручьем, иначе, линией между «Юрьевским межником» и «крестом, что стоит под межником». Юрьевская рель включала в себя участок между южной границей княжеской рели и оградой Юрьева монастыря, в которую и ныне упирается край волхов-

ских заливных лугов. Далее до Прости земли Пантелеймонова монастыря граничат с юрьевскими пашнями.

Таким образом, грамота Изяслава Мстиславича датируется, во-первых, годом основания Пантелеймонова монастыря; во-вторых, тем периодом, когда «Юрьевский межник» стоял на стыке двух владений — княжеской и юрьевской релей. Имея в виду эти наблюдения, нам следует рассмотреть другой древний акт — грамоту князя Всеволода, утверждающую пожалование Юрьеву монастырю земельных владений близ Новгорода:

«Се аз князь великий Всеволод дал есми святому Георгию рель от Волхова по кръст, по ручью в Мячино, и велел есми учинить между промежь Юрьевым монастырем и Пантелеевым монастырем: по излогу ввѣрх Мячином на горки, да в болото Дрянъ к Рускому пути, от пути на горки, да в Прость. А кто сие мое слово переставить, ино судить ему бог и святыи мученик Георгии в сем веце и в будущем»¹.

Эта грамота, подобно грамоте Изяслава Мстиславича, была издана Амвросием по списку, ныне утраченному. Последние издатели документа датируют его 1125—1137 годами, называя этот период временем княжения Всеволода Мстиславича в Новгороде. Если основываться только на этом признаке (а других соображений не высказывалось), хронологические рамки акта следовало бы обозначить иначе. Всеволод получил новгородский стол в 1117 г., а изгнан был в 1136 г.

Сопоставление грамоты Всеволода Юрьеву монастырю с грамотой Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю обнаруживает чрезвычайно противоречивые взаимоотношения между этими двумя актами.

По логике вещей, находящей себе опору в традиционном признании старшинства грамоты Всеволода относительно грамоты Изяслава, мы должны искать в тексте грамот признаки этого старшинства. И действительно, такие признаки, как будто, имеются. Грамота Всеволода утверждает дарение Юрьеву монастырю рели, граница которой обозначена в акте так: «...от Волхова по кръст, по ручью в Мячино». В данном случае речь несомненно идет о передаче монастырю именно той рели, которая в

¹ Амвросий. Указ. соч., ч. VI. М., 1815, с. 734; Срезневский. И. И. Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю, с. 353—354; Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 140, № 79; Памятники русского права, вып. 2, с. 103.

грамоте Изяслава называется Юрьевской, о том участке пойменных покосов, который занимал пространство от ограды Юрьева монастыря до Княжева ручья. Предположить, что здесь имеется в виду другая рель — «Княже-
жель». — невозможно: тогда не было бы нужды описы-

ь границу между релями («по крест, по ручью в Мячино») и упоминать крест, который в этом случае утрачивает значение межевого знака. Итак, линия от «Юрьевского межника» к «кресту, что стоит под межником», была проведена впервые актом князя Всеволода, который действительно оказывается более древним документом, нежели грамота Изяслава Мстиславича.

Однако грамота Всеволода содержит и другую информацию хронологического характера, лишаящую выводы о взаимном старшинстве рассматриваемых грамот желательной категоричности. Грамота Всеволода застаёт Пантелеймонов монастырь уже существующим. Более того, она проводит границу между владениями Юрьева и Пантелеймонова монастырей. Поскольку в грамоте четко обозначены топографические ориентиры этой границы, мы получаем возможность сопоставить показания обоих актов.

Устанавливаемая Всеволодом граница монастырских юрьевских владений, начинаясь от «ручья в Мячино», идет по «излогу ввѣрх Мячином на горки, да в болото Дрянъ к Рускому пути, от пути на горки, да в Прость». Отметим, что Амвросий и Макарий, описывая местоположение Пантелеймонова монастыря, именовали холм, на котором позднее была расположена мыза А. А. Орловой, «Горками»¹. Писцовая книга 1501 г. здесь же знает деревню Горки, показанную также на «Карте генерального межевания», на плане окрестностей Новгорода XVIII в. и на плане 1819 г.² Что касается болота Дрянъ, то так называется южная болотистая часть озера Мячино, омывающая с запада Горки³. Показаниями грамоты Всеволода Русский путь (т. е. путь в Русу) на этом отрезке локализуется в районе Горок. Следовательно, в

¹ См.: *Амвросий*. Указ. соч., ч. V, с. 454; *Макарий*. Указ. соч., ч. I, с. 644.

² См.: НПК, т. V, с. 298; *Андряшев А. М.* Указ. соч., с. 11; *Муравьев Н. Н.* Указ. соч., план окрестностей; ЦГВИА, ВУА, № 22253.

³ См.: *Передольский В. С.* Указ. соч., с. 96. Болото Дрянъ «стелется по прямой между дачей графини Орловой и Благовещением».

древности он совпадал с дорогой на княжескую Ракому, которая и сегодня идет мимо Горок.

Положение установленной Всеволодом границы полностью соответствует рубежу, проложенному Изяславом «логом подле Юрьевскую рель, да по конец логу промеж орамицы Юрьевской и Ушкова поля да в Прость». Даже допустив предположение, что мы были не правы, утверждая единовременность основания Пантелеймонова монастыря и выдачи ему грамоты Изяславом, предположив, что этот монастырь существовал и в более раннее время, мы ничего не сможем противопоставить показанию грамоты Всеволода: в ней проводится граница между землями Юрьева монастыря и теми земельными участками, которые были пожалованы Пантелеймонову монастырю грамотой Изяслава Мстиславича. Основываясь на этом показании, мы обязаны признать грамоту Изяслава более ранним документом, нежели грамота Всеволода.

Итак, сопоставление двух рассмотренных актов обнаруживает их внутреннюю противоречивость. Признав грамоту Всеволода более ранним документом, мы не сможем объяснить упоминания в ней Пантелеймонова монастыря и его земель. Допустив старшинство грамоты Изяслава, мы не найдем объяснения принадлежности Юрьеву монастырю рели, которая еще будет пожалована ему другим актом.

Между тем эти противоречия могут быть устранены признанием одновременности выдачи обеих грамот, принятой в момент основания Пантелеймонова монастыря. Только в таком случае получает смысл описание на всем ее протяжении границы между двумя соседними монастырями, вовсе не обязательное в обычной жалованной грамоте. Напротив, в момент возникновения по соседству с Юрьевым монастырем нового значительного феодального комплекса гарантии неприкосновенности пограничных участков требуются обоим соседям-вотчинникам. Такие гарантии, на наш взгляд, и содержатся в рассмотренных грамотах. Можно высказать предположение, что жалование Юрьеву монастырю рели было своего рода компенсацией за потерю этим монастырем возможности расширять основной массив своих земель на территории тех участков, которые, примыкая непосредственно к Юрьеву монастырю, сделались собственностью вновь учрежденного Пантелеймонова монастыря.

Склонившись к такому решению вопроса, мы, естест-

венно, не можем искать дату возникновения обеих грамот позднее 1136 г., когда автор одного из актов, князь Всеволод Мстиславич, был изгнан из Новгорода, а на следующий год умер. Предложенный вывод влечет за собой передатировку грамоты Изяслава Мстиславича тем периодом, когда его брат Всеволод еще владел новгородским столом.

Единственное противопоказание такому предположению как будто содержится в титуловании Изяслава «великим князем», не дающем формальной возможности выносить датировку грамоты Изяслава за ранний рубеж 1146 г., когда он получил киевский стол. Однако в этой связи следует заметить, что исследователи, придающие столь большое значение отмеченной детали, как бы сговорились не обращать внимания на действительно анахронистическое присвоение Всеволоду титула «великий князь» в грамотах на волховскую рель и на Терпужский погост Ляховичи. Всеволод Мстиславич, титулуемый в них «великим князем», никогда не занимал киевского стола.

Нет ли в наших представлениях о княжеской титулатуре XI—XII вв. некоторой модернизации, опирающейся на припоминание более поздних явлений? Как это показывают наблюдения над титулатурой княжеских печатей раннего периода, не исключена возможность, что в домонгольской Руси титул «великий князь» не имел того ограничительного значения, признание которого понуждает исследователей присваивать его исключительно киевским князьям¹. Напомним, что несомненный киевский князь Мстислав Владимирович в единственном дошедшем до нас подлинном акте первой половины XII в. титулуется себя иначе, куда более торжественно: «Се аз Мьстислав Володимирь сын, държа Русьску землю в свое княжение...»². Впрочем, поскольку рассматриваемые здесь акты сохранились лишь в виде позднейших списков, вполне допустимо предположение о некоторой модернизации в них титулатуры переписчиками, хорошо знавшими явление позднейшего времени — непременною принадлежность новгородского стола именно великому князю.

¹ См.: Янин В. Л., Литаврин Г. Г. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха. — Историко-археологический сборник. М., 1962, с. 210; Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. 1, с. 21—22.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 140—141, № 81.

Таким образом, грамота князя Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю утвердила пожалование, совершенное еще при жизни Всеволода Мстиславича. Отыскивая возможность уточнить эту датировку, мы, во-первых, сузим хронологические рамки документа до пределов 1131—1136 гг., когда в Новгороде сосуществовали епископ Нифонт и князь Всеволод, а во-вторых, в качестве предпочтительной даты сможем избрать лишь 1134 год, ознаменовавшийся прибытием Изяслава Мстиславича в Новгород. Этот его приезд был связан с неудачной попыткой Всеволода посадить своего брата на суздальский стол¹. Иными словами, именно в 1134 г. во взаимоотношениях Изяслава Мстиславича с Новгородом возникает такая ситуация, при которой посторонний для новгородцев князь вынужден был искать поддержки с их стороны. Его ктиторство в Пантелеймоновом монастыре могло служить одним из средств привлечения на свою сторону новгородского духовенства.

Передатировка грамоты Изяслава влечет за собой и уточнение даты грамоты Всеволода Юрьеву монастырю на княжескую рель. Этот акт следует датировать также 1134 годом. По всей вероятности, одновременной ему была и грамота Всеволода Юрьеву монастырю на Терпужский погост Ляховичи: оба документа имеют детальнейшие совпадения в формуляре.

* *
*

Предложенная передатировка грамоты Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю ведет к существенным выводам, касающимся проблемы княжеского землевладения в Новгороде. Если акты Изяслава и Всеволода одновременны, их показания не могут быть использованы для характеристики тех поступательных процессов, которые преимущественно по ним изучались. Если все эти грамоты выданы до 1136 г., они, естественно, не могут свидетельствовать о воздействии результатов восстания 1136 г. на характер княжеского землевладения в Новгороде. Наконец, если грамоты Всеволода и

¹ «Ходи Всеволод с новгородьци, хотя брата своего посадити Суждали, и воротишася на Дубне опять; и на том пути отяша посадничество у Петрила и даша Иванку Павловицу. А Изяслав иде Кыеву; и раздырся вся земля Русьская» (НПЛ, с. 23, 208).

Изяслава пользуются разными формулами дарения, то за этим стоят иные причины, нежели признававшиеся ранее.

Думается, что разница формул пожалования определяется тем бесспорным обстоятельством, что в отличие от Всеволода Мстиславича его брат Изяслав не был новгородским князем. В то время как Всеволод имел полное право жаловать монастырям земли из состава княжеского домена, его брат Изяслав, основывая монастырь на новгородских землях и жалуя его иммунитетом, вынужден был испросить эти земли у Новгорода.

Сопоставление грамот Всеволода и Изяслава открывает некоторые явления, до сих пор скрывавшиеся за плотной завесой неисправных датировок. Важнейшее из этих явлений — активное участие епископа и веча, т. е. органов республиканского управления, в распоряжении земель до 1136 г., во времена, которые исследователям казались периодом полного господства князя в этой области. Как это показывают изученные акты, уже во времена Всеволода Мстиславича рядом с фондом, находившимся под бесспорной юрисдикцией князя, существовал фонд независимых от князя земель, юрисдикцию над которыми осуществлял Новгород путем вечевого решения. К таким землям относились участки, тянущие к епископу, в «городские потуги» и к свободным смердам. Этот вывод полностью совпадает с нашими наблюдениями над особенностями политической организации Новгорода при Всеволоде Мстиславиче, состоящими в том, что княжеская власть сосуществовала тогда с уже возникшими органами боярского республиканского государства. Теперь более отчетливо видна экономическая основа этого существования.

С другой стороны, передатировка грамоты Изяслава Мстиславича делает эфемерным вывод Б. Д. Грекова о полном лишении князя прав распоряжения и владения землей в новгородских пределах. Позднейшие докончания запрещают князю приобретать земли в так называемых «новгородских волостях», т. е. на территориях, находившихся вне основного, древнейшего фонда земель Новгорода. Напротив, само противопоставление этих волостей древним провинциальным сотням, подразумеваемое тщательным исчислением волостей в договорных грамотах, свидетельствует о существовании княжеской земельной собственности на основной территории Новго-

родской земли вплоть до потери Новгородом независимости в 1478 г. Традиционная формула докончаний, дожившая до 1471 г., — «а пожне, что твое и твоих муж пошло, то твое и твоих муж; а новгородское Новугороду» — полностью в этом убеждает.

Все изложенные наблюдения показывают, что вопрос об эволюции в Новгороде права распоряжения земельной собственностью в действительности более сложен, чем принято было считать, и решение его не укладывается в прокрустово ложе незаслуженно популярной историографической схемы.

ГРАМОТА КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА ОЛЬГОВИЧА 1137 г.

С момента первой публикации в 1815 г. грамота князя Святослава постоянно привлекает к себе внимание исследователей, особенно усилившееся в советское время, когда четко определилась тенденция рассматривать этот документ как прямое следствие событий 1136 г.

Устав Святослава Ольговича дошел до нас в двух древних списках, старший из которых был опубликован еще Н. М. Карамзиным и содержится в приписке к Синодальной Кормчей 80-х годов XIII в., датируемой по почерку XIV веком¹, а младший — в списке рубежа XV—XVI вв. с Кормчей Софийской редакции из собрания Е. Е. Егорова². Различия между обоими списками незначительны, в нескольких случаях они отражают небрежность позднейшего переписчика.

В обоих случаях Устав Святослава оказывается прямым продолжением помещенного перед ним Церковного устава князя Владимира. Я. Н. Шапов доказал, что предшествующая документу редакция Устава Владимира сложилась в XIII в.; следовательно, интересующий нас текст воссоединился с ней не ранее второй половины XIII в.³ Так же в обоих случаях Устав Святослава дополнен припиской, состоящей из двух рубрик: «А се обонезьский ряд» и «А се бежичьский ряд». Время составления этих приписок А. А. Зимин и Я. Н. Шапов относят к XIII в.⁴

Общий смысл Устава, по-видимому, не вызывает осо-

¹ См.: Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей Российских, ч. I. М., 1815, с. 82—85; Карамзин Н. М. История государства Российского, т. 2. Изд. 2. М., 1818, с. 155—156; Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952, с. 19—21; Памятники русского права, вып. 2, с. 117—118.

² См.: Шапов Я. Н. Новый список Новгородского устава князя Святослава Ольговича (из собрания Е. Е. Егорова). — Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 26. М., 1963, с. 397—398.

³ См.: Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI—XIV вв. М., 1972, с. 150—165.

⁴ См.: Памятники русского права, с. 120; Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI—XIV вв., с. 164—165.

бых разногласий у исследователей, которые согласны в том, что существо провозглашенного этим документом нововведения заключается в замене церковной десятины, прежде исчислявшейся всякий раз в зависимости от суммы поступающих ежегодно в княжескую казну доходов, на фиксированную и гарантированную князем сумму в 100 гривен новых кун. Основу разногласий составляет разное понимание прежнего порядка отчисления десятины.

Исследователи справедливо полагают, что в начальных строках документа противопоставляются две формы десятины — от даней (податной иммунитет) и от вир и продаж (судебный иммунитет). В момент вокняжения Святослав Ольгович обнаружил, что податной иммунитет новгородской епископии обеспечен «прежде него бывшими князи», тогда как организация судебного иммунитета нуждается в особом вмешательстве. Неясная фраза Устава «Толико от вир и продаж десятины зырел, олико днии в руце княжи и в клеть его» порождает противоречивые истолкования.

Слово «днии» в этой фразе М. Н. Тихомиров переводил как «дней» и соответственно усматривал в нем указание на бывшее существование порядка дележа доходов между князем и епископом по дням¹.

Более убедительным представляется общепризнанное понимание в слове «днии» испорченного «даней», позволяющее толковать всю фразу как «десятина от вир и продаж находилась в соответствии с теми суммами дани, которые собирались в руках князя и в его казне». Очевидно, слово «даней» имеет здесь расширительное значение, подразумевая именно поступления от вир и продаж, а не от податей, что в данном контексте бессмысленно. Десятина от податей, как явствует из самого факта ее противопоставления, и до Святослава Ольговича была уже фиксирована кем-то из его предшественников.

Нужно особо оговорить это обстоятельство, поскольку Б. Д. Греков был склонен переводить спорную фразу в том смысле, что к моменту вокняжения Святослава сумма одной только десятины от вир и продаж равнялась всей сумме княжеской дани, собираемой с Новгородской

¹ См.: Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Указ. соч., с. 21; Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, с. 195.

земли¹. Такое толкование отодвигает момент фиксации судебной десятины в отдаленное прошлое, что противоречит существованию Устава Святослава Ольговича.

Соглашаясь с общепринятым толкованием смысла нововведений князя Святослава, отметим, что в нашей литературе сделалась дискуссионной проблема политической направленности этого документа. В чью пользу он был составлен? Кто получал выгоды в результате фиксации судебной десятины — князь или епископ? Мнения исследователей по этому поводу можно разделить на три группы: устав носит прокняжеский характер; устав практически нейтрален; устав — результат победы Новгорода в антикняжеской борьбе.

Выразителем первой точки зрения был Б. Д. Греков. В самом деле, если в соответствии с его пониманием спорной фразы судебная десятина до Святослава была равна всей сумме даней, собиравшихся в княжеской казне, то ее фиксация в 1137 г. резко ограничивала доходы епископа². «Может быть, — спрашивал Б. Д. Греков, — эта реформа была одной из причин оппозиции владыки Нифонта по отношению к князю Святославу?»³

Вторая точка зрения изложена С. В. Юшковым: «Содержание этого Устава весьма бедное; никаких особых привилегий он не обеспечивает новгородской церкви»⁴.

Наконец, последняя точка зрения безраздельно господствует сегодня. Впрочем, она была провозглашена еще Н. М. Карамзиным, увидевшим в Уставе стремление князя Святослава «обезоружить Нифонта своею щедростью»⁵. Д. С. Лихачев обратил внимание на форму заклęcia против возможных нарушителей Устава: гарантом Устава названа св. София, патронесса епископии, а не св. Николай, патрон князя⁶. А. А. Зимин отметил, что фиксация десятины создает известную независимость епископии от князя⁷. М. Н. Тихомиров пошел дальше

¹ См.: Греков Б. Д. Избранные труды, т. 4. М., 1960, с. 144.

² См. там же, с. 144—145.

³ Греков Б. Д. Революция в Новгороде Великом в XII в. — Ученые записки Института истории РАН ИОН, т. 4. М., 1929, с. 18.

⁴ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, с. 222.

⁵ Карамзин Н. М. Указ. соч., т. 2, с. 185—186.

⁶ См.: Лихачев Д. С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. — «Исторические записки», 1948, № 25, с. 244—249.

⁷ См.: Памятники русского права, с. 116, 119.

других исследователей, разделяющих общую оценку документа как памятника победы новгородцев в антикняжеской борьбе. Он признал в Уставе Святослава государственный акт, отражающий интересы смердов, повинности которых отныне строго определены законодательным путем¹.

На наш взгляд, сама постановка вопроса при всей его важности носит несколько идеальный характер, исходя главным образом из оценки не самого Устава, а обстоятельств, синхронных его появлению. И дело здесь даже не в личности Святослава Ольговича, которая не вполне укладывается в рамки той схемы, какая может быть предписана князю, пришедшему в Новгород на гребне антикняжеских волнений 1136 г. Хорошо известно, что сразу по вокняжению Святослав вступает в конфликт с Нифонтом, отказавшим князю в церковном венчании. Святослав недолго княжит в Новгороде. Получив стол 19 июля 1136 г., он уже 17 апреля 1138 г. вынужден покинуть Новгород. 25 декабря 1139 г. он снова приглашен на новгородский стол, но в феврале 1141 г. отправляется в новое изгнание². Все эти события характеризуют Святослава Ольговича как последовательного защитника княжеских привилегий, опиравшегося не на Новгород как таковой, а на определенные боярские группировки в нем. Деятельность князя позволяет оппозиционным боярским группам дважды добиваться его изгнания.

В этой связи нам представляется, что распространенная оценка Устава Святослава как важнейшего памятника, порожденного успехами восстания 1136 г., основывается главным образом на прямолинейном привлечении в качестве аргумента той схемы периодизации новгородской истории, в которой восстание 1136 г. признано главным поворотным пунктом от княжества к боярской республике. Дает ли сам Устав материалы именно для такой его оценки? Разумеется, он выгоден епископии. Действительно, он укрепляет ее независимость от князя. Но возможно ли говорить о значительных материальных льготах, предоставленных князем новгородской церкви?

Фиксированный Уставом доход епископа в 100 гривен новых кун сравнительно невелик. Под гривнами новых

¹ См.: Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв., с. 195.

² См.: Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов, с. 24—26, 209—211.

кун (которые к концу XII в. стали гривнами «ветхих кун») ¹, возможно понимать лишь гривны кун Пространной Правды. Их соотношение с гривной серебра, отмеченное Смоленской Торговой Правдой, равнялось 4:1 ². Иными словами, 100 гривен новых кун равны 25 гривнам серебра. Для сравнения отметим, что такая сумма составляет половину вступительного взноса пошлого купца в Иваньское сто. Эту сумму, бывшую лишь одним из источников дохода новгородской епископии, можно было бы при желании признать заметной, если бы она впервые назначалась князем в качестве десятины. Однако судебная десятина в виде нефиксированной величины и прежде поступала в Софийский дом. Следовательно, вопрос о материальной выгодности для новгородской епископии рассматриваемого Устава вообще может быть сведен к обсуждению мизерной суммы, составлявшей разницу между прежними и новыми поступлениями в софийскую казну десятины от вир и продаж. Если оставаться в русле материальных расчетов, следует безоговорочно признать правоту С. В. Юшкова, говорившего об отсутствии особых привилегий новгородской церкви, якобы декларированных этим документом.

И тем не менее значительность Устава Святослава как источника политической истории Новгорода весьма велика. Однако она обнаруживается на иных линиях его исследования. Два вопроса кажутся нам наиболее важными: выбор территории, гарантирующей сбор судебной десятины, и причины соединения с Уставом инородных ему приписок об обонежском и бежецком ряде. Рассмотрим обе эти проблемы.

А. Н. Насонов полагал, что территорией, сборы с которой передавались епископу взамен десятины с судебных пошлин, была территория Обонежского ряда. Этот округ, подробно описанный в приписке «А се обонезьский ряд», локализуется в районе, примыкавшем с востока к Ладожскому озеру и к поволховским владениям Новгорода. Погосты, перечисленные в самом Уставе Святослава, располагаются вне территории Обонежского ряда, на восток и северо-восток от него, и составляют район недавней колонизации Новгорода. Отыскание на карте этих погостов удастся в подавляющем большинстве случаев.

¹ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 55—56, № 28.

² См.: Смоленские грамоты XIII—XIV веков. М., 1963, с. 36.

Они обнаруживаются в районе нижней Двины и ее притоков, а также в районе Пинегы и ее притоков. Хотя обе территории не совпадают, аргументация А. Н. Насонова правомерна, поскольку в тексте грамоты Святослава говорится о «домажириче из Онега» как лице, ответственном за поступление десятины. На землях Обонежского ряда, приблизительно в центре его, имеется село Домажирово, в котором А. Н. Насонов усматривал древнюю резиденцию домажирича. Добавим к этому, что А. Н. Насонов не ставил вопрос о разновременности Устава и приписок к нему. Напротив, по его мнению, фиксированный в Обонежском ряде порядок имеет более глубокую древность, коль скоро территория Обонежского ряда была колонизована ранее Двинской земли¹.

Мы вынуждены подвергнуть эту аргументацию существенной критике, основанной прежде всего на подсчете перечисленных в документе отчислений, поскольку А. Н. Насонов заключал: «...св. Софии выдывалось, во-первых, за десятину от вир и продаж 100 гривен из Онега, и, во-вторых, по отдельным погостам, начиная от Валдутова и Тудорова на Онеге и кончая погостами, лежащими на Двине и Сухоне». И далее: «...можно заключить, что 100 гривен в пользу св. Софии выплачивались с Обонежского ряда»². Сумма, следующая с Обонежского ряда, как это легко подсчитать, равна 29 гривнам (без подъезда — 17¹/₂ гривнам), что даже отдаленно не напоминает уставной единицы в 100 гривен. Напротив, если подсчитать общую сумму сборов с перечисленных в Уставе Святослава погостов, получим весьма любопытный результат.

Эти сборы в большинстве случаев выражены в сорочках, в двух случаях — в иных единицах измерения: «мех» (с Еми) и «от чрена и от салги по пузу» (на море). Результат подсчета сорочков выражается в цифре 43¹/₂. Добавляя к этой сумме сборы, выраженные в других единицах, можно говорить об итоге, близком 50 сорочкам.

Между тем сорочек, составляя 40 бел, при умножении на 50 даст 2000 бел. Принимая тождество белы погате³, которая в системе денежных единиц Русской Прав-

¹ См.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, гл. V и VI.

² Там же, с. 94.

³ См.: Янин В. Л. Берестяные грамоты и проблема происхожде-

ды составляла двадцатую часть гривны, мы получим, что и 100 гривен новых кун приравняются 2000 ногатам или белам. Предпринятое выше округление итоговой суммы не является натяжкой, коль скоро даже при некоторой неточности такого округления мы наблюдаем принципиальное совпадение цифр.

Приведенное сопоставление позволяет утверждать, что в тексте Устава Святослава имеется в виду только территория перечисленных в нем погостов, которые и дают в сумме фиксированную в 100 гривен судебную десятину. Заметим, что разница в денежной терминологии собственно Устава и Обонежского ряда прямо свидетельствует о разновременности этих записей.

Итак, в грамоте Святослава Ольговича речь идет о сборе судебной десятины с вновь колонизованных Новгородом земель, находящихся в Заволочье. В этой связи наибольший интерес должен представлять статус этих земель относительно князя в последующее время.

Начиная с древнейшего дошедшего до нас dokonчания Новгорода с князем, а такое dokonчание датируется 60-ми годами XIII в., во всех договорах вплоть до падения новгородской независимости присутствует обязательная формула: «А волостии ти, княже, новгородских своими мужи не держати, нъ держати мужи новгородскими; а дар от тех волостии имати. А се волости новгородские: Бежиче, Городецъ, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера; а ты волости държати мужи новгородскими; а дар от них имати... А за Волок ти своего мужа не слати, слати новгородца»¹.

Существо этого постановления заключается в разграничении земель, на которые в XIII—XV вв. не распространялась судебная власть князя, от тех территорий, где он распоряжался и судебными доходами на основе обычного смесного с посадниками правопорядка. Такое разделение было одним из важнейших завоеваний республики. Прилагая это разделение к интересующим нас территориям, мы увидим, что они вовсе не однородны. На земли перечисленных в грамоте Святослава Ольговича

ния новгородской денежной системы XV в. — Сб.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. 3. Л., 1970, с. 167.

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 9—10, № 1; см. также № 2, 3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 22, 26.

погостов в XIII в. и в последующих столетиях князю доступа не было, тогда как район Обонежского ряда не входил в систему «новгородских волостей», а принадлежал к той части владений Новгорода, где и в позднейшее время деятельность князя не подлежала специальным ограничениям.

Между тем многие исследователи склонны, не замечая указанных противоречий, вызываемых грамотой Святослава, возводить вслед за Б. Д. Грековым формирование указанных княжеских ограничений к событиям 1136 г., т. е. ко времени, предшествующему возникновению грамоты Святослава Ольговича.

Иными словами, мы приходим к выводу, согласно которому формирование нового порядка взаимоотношения новгородского князя и новгородских колоний отнюдь не порождается непосредственно преобразованиями 1136 г., а принадлежит ко времени более позднему (однако не позднее 60-х годов XIII в., когда такой порядок уже фиксирует dokonчание Новгорода и Ярослава Ярославича). В 1137 г., спустя год после восстания, самого противопоставления новгородских волостей и метрополии еще не существовало, на что указывает деятельность домажирича, сидевшего в Онеге, но управлявшего также и Заволочьем.

В связи с такой постановкой вопроса большой интерес представляет трактовка причин, в силу которых к грамоте Святослава Ольговича в какой-то момент добавились приписки об Обонежском и Бежецком ряде. Позволим себе сформулировать проблему следующим образом. Коль скоро во второй половине XIII в., когда к Уставу Святослава был проявлен особый интерес, его постановления уже не имели юридической силы (Заволочье, фигурирующее в Уставе, было изъято из-под юрисдикции князя), имели ли такую силу разделы, касающиеся Обонежского и Бежецкого ряда?

Положительный ответ на этот вопрос дает известная откупная грамота 1434 г.: «У великого князя наместника у Григория у Васильевича се купи Яким Гуреев и Матфей Петров обониски суд князя великого: вниз по Волхову, и на Паши на реке, и на Кожеле, и на Кукоевском погосте, и на Кукоеве горе, и в Лепни, и на Сетомле, и на Ояти на реке, и на Свере на реке, и на Олонце на реке, а Кукоевского погоста, где ни буди, или в городе или в селе, ино платити им суд князя великого по старине. А суд

им судити и пошлины имати им по старине и верное им имати...»¹.

Описанная в откупной грамоте территория совпадает с территорией Обонежского ряда². Суд здесь в XV в. был особым образом регулирован в пользу князя. Находясь целиком в княжеском распоряжении, он изъят из системы смесного с посадником суда. Для периода расцвета Новгорода Обонежье и Заволочье составляют как бы два противоположных полюса. В Заволочье князь не имеет прав. В Обонежье его права безраздельны: «А хто згонит или замешает, даст князю великому гривну золота, а борцам серебро въдвое»³.

Свидетельство откупной грамоты указывает на то, что в эпоху, когда постановления Устава Святослава уже не имели законной силы, положения приписок к нему сохраняли характер действующего законодательства. Сам по себе этот факт является решающим аргументом в пользу позднейшего происхождения приписок.

Другое важное свидетельство содержится в договоре Ярослава Ярославича с Новгородом, заключенном в 1266 г.: «А суд, княже, отдал Дмитрии с новгородци бежичяном и обонижаном на 3 лета, судье не слати»⁴. Упомнутое постановление князя Дмитрия Александровича датируется 1263 или 1264 годом, коль скоро в 1266 г. еще не истек названный в нем трехлетний срок. Приведенное свидетельство также ставит Обонежье, а вместе с ним и Бежецкий Верх в особое по отношению к княжескому суду положение, возникшее до 1264 г. На эти территории князь имеет какие-то преимущественные права в области суда и извлечения судебной пошлины.

Можно высказать предположение, что предпринятая новгородцами и князем Дмитрием Александровичем отмена княжеских привилегий в этих районах на три года была компенсирована предоставлением князю на указанный срок иных территорий. На это как будто намекает

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 149, № 93.

² Ср. с территорией Обонежского ряда: «А се обонезьскыи ряд. Во Олонци 3 гривны, на Свери гривна, в Юсколе 3 гривны, в Тервиничих 3 гривны, у Вьюнице гривна, Устье Паши гривна, у Пахитка на Паши пол гривны, на Кукуеве горе гривна, у Пермина гривна, у Кокорка пол гривны, на Масиеге низ Сяси пол гривны. В поезде от всее земли владыце 10 гривен, а попу две гривны. У Липсуевич пол гривны, у Тоивота гривна, в Липне пол гривны».

³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 149, № 93.

⁴ Там же, с. 11, № 2.

известный Устав о мостех, памятник, который мы датируем временем около 1265 г. Устав Ярослава о мостех называет Бежецкую и Обонежскую сотни наравне с другими сотнями, однако здесь же упоминает две «княжеские» сотни¹, одну из которых Б. А. Рыбаков локализовал в самом Новгороде, а другую — между Шелостью и Ловатью².

Приведенные сопоставления позволяют формулировать вывод о смысле соединения приписок об Обонежском и Бежецком ряде с грамотой Святослава Ольговича. Возникновение особого статуса этих территорий, нужно полагать, было результатом изъятия из юрисдикции князя суда в «новгородских волостях», в частности суда на тех землях, которые перечисляются в Уставе Святослава. Коль скоро таким изъятием в момент формирования самого отмежевания «новгородских волостей» ликвидировался вопрос об извлечении судебной десятины с территории Заволочья, неизбежно на повестку дня должна была встать проблема пересмотра норм десятины и порядка ее извлечения. Если мы сложим суммы, назначаемые с Обонежского и Бежецкого ряда, то увидим, что они равны 52 гривнам. Поскольку в приписках упоминается волжская (низовская) гривна (19,6 г серебра)³, то общая сумма в серебре равна 1020 г, что составляет ровно одну пятую часть старой суммы грамоты Святослава Ольговича ($51,19 \text{ г} \times 100 = 5119 \text{ г}$). Представляется, что это закономерное и справедливое падение десятины, отражающее резкое сокращение территории, с которой князь извлекает судебную пошлину.

Подведем краткие итоги:

1. В числе результатов восстания 1136 г. не было ограничения прав князя по отношению к землям Новгорода. Его статус судьи одинаково распространялся поначалу на все новгородские владения.

2. Между 1137 г. и серединой XIII в. в Новгороде была предпринята реформа, исключившая вмешательство князя в судопроизводство новгородских колоний-волостей.

3. В этот остающийся хронологически неопределен-

¹ См.: НПЛ, с. 507.

² См.: Рыбаков Б. А. Деление Новгородской земли на сотни в XIII веке. — «Исторические записки», 1938, № 2, с. 136—143.

³ См.: Янин В. Л. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в., с. 177.

ным момент потери князя были компенсированы двояко: в пять раз была сокращена судебная десятина, в полную княжескую собственность был передан суд в Обонежье и Бежицах.

Приложение

УСТАВ КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА ОЛЬГОВИЧА, 1137 г.

А zde в Новгороде что есть десятина от дании, обретох уряжено преже мене бывшими князи, толико от вир и продажъ десятины зрел, олико днии в руце княжи и в клеть его. Нужа же бяше пискупу, нужа же князю в томъ, в десятой части божии. Того деля уставил есмь святой Софьи, ать емлеть пискуп за десятину от вир и продажъ 100 гривен новых кун, иже выдаеть Домажиричь из Онега. Аче не будеть полна ста у Домажирича, а осмьдесят выдать, а допнок възметь 20 гривен у князя ис клетки. Урядил есмь аз святей Софии и написал Никола князь Новгородьскийи Святослав: в Онеге на Волдудове погосте два сорочка, на Тудорове погосте два сорочька, на Ивани погосте с даромъ 3 сорочьки, на Ракуле 3, на Спиркове два, у Вихтуя сорочек, в Пинезе 3, в Кегреле 3, устье Емьце два, устье Ваг два, у Пунте сорочек, у Чюдина польсорочька, у Лигуя с даромъ два, у Вавдита с даромъ два, у Вели два, у Векшензе два, на Борку сорочек, в Отмине сорочек, в Тонме сорочек, у Поме польсорочка, у Тошьме сорочек, у Пененича сорочек, у Порогопустьць польсорочка, у Валдита два сорочка, на Волоце в Моши два, у Еми скоро, а на мори от чрена и от салгы по пузу, у Тудора сорочек.

В лето 6645 индикта 15. Ожели кто в которое время а то рюшить, или отъиметь, что я урядил князь Никола Святославли с владыкою Нифонтомъ, князь ли или ин кто сильных повогородецъ, а будеть богу противен и святей Софии.

ПРИПИСКИ

А се Обонезьскийи ряд: во Олонци 3 гривны, на Свери грив(на), в Юсколе 3 грив(ны), в Тервиничих 3 грив(ны), у Вьюнице грив(на), устье Паши грив(на), у Пахитка на Паши польгрив(ны), На Кукуеве горе грив(на), у Пермина грив(на), у Кокорка польгрив(ны), на Масиеге низ Сяси польгрив(ны), в поезде от всее земли владыце 10 грив(ен), а попу две грив(не), у Липсуевичъ польгрив(ны), у Тоивота грив(на), в Липне польгрив(ны).

А се Бежичьскийи ряд: в Бежичих 6 грив(ен) и 8 кун, Городецке поляптыи грив(ны), в Змени 5 грив(ен), Езьске 4 грив(ны) и 8 кун, Рыбаньске грив(на) волжская, вы Изьске польгрив(ны) волжская.

УСТАВ КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА О МОСТЕХ

«Устав князя Ярослава о мостех» сохранился в составе юридических сборников, объединяющих его с Русской Правдой Пространной редакции, и известен в 15 списках, которые могут быть разделены на две группы. Внешним признаком этой группировки служит изменение названия документа: «А се устав Ярослава (князя) о мостех. Осмеником поплата» в первой группе и «О городских мостех. Осменики поплата» во второй. 14 списков (некоторые из них были изданы еще в XIX в.) опубликованы в академическом издании Русской Правды, классификацией и терминологией которого мы пользуемся при рассмотрении текстов; один список был позднее открыт А. А. Зимин¹.

К первой (Пушкинской) группе относится единственный список Пушкинского вида² и четыре списка Археографического вида³. Текст этой группы воспроизведен в приложении к настоящему очерку по списку Археографического вида, помещенному в приложениях к Комиссионной рукописи Новгородской Первой летописи (АП).

Ко второй (Карамзинской) группе относится единственный список Троицкого вида⁴, три списка Оболенско-Карамзинского вида⁵ и шесть списков Музейского вида⁶.

¹ См.: Правда Русская, т. 1. М. — Л., 1940, с. 292, 316—317, 340—341, 361, 390; *Зимин А. А.* Новые списки Русской Правды. Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960, с. 330.

² В сборнике второй половины XIV в., ЦГАДА, Древлехр., отд. V, рубр. 1, № 1 (МП). Правда Русская, т. 1, с. 292.

³ В Новгородской I летописи середины XV в., собр. Археогр. комиссии — № 240 (АП); в Кормчей 1493 г., ПБ, Соловецк. собр., № 412/858 (СМУ); в Летописи Авраамки 1495 г. (ЛА); в Кормчей начала XVI в., ГБЛ, Егоровское собр., № 245 (ЕВ) (в последнем только начало памятника до слов «до Пискупли улицы»). Правда Русская, т. 1, с. 316—317.

⁴ В сборнике первой половины XV в., ГБЛ, Троицк. собр. № 765 (ТIV). Правда Русская, т. 1, с. 340—341.

⁵ В Софийской I летописи второй половины XV в., ЦГАДА, Древлехр., отд. V, рубр. 2, № 3 (АОП); в Софийской I летописи конца XV в., ПБ (К). Правда Русская, т. 1, с. 361; в сборнике конца XVII в., ГБЛ, Музейное собр., № 6689 (БЛIV). *Зимин А. А.* Указ. соч.

⁶ В Софийской I летописи второй половины XV в., ЛОИИ (БА);

Текст в приложении к очерку воспроизведен по Троицкому списку (ТIV).

Сравнивая обе группы, вряд ли возможно сомневаться в предпочтении Пушкинской генерации перед Карамзинской как наиболее сохранившей полноту авторского текста. Карамзинская группа в целом характеризуется необратимыми потерями, к числу которых следует отнести утрату слова «изгой» в словосочетании «а с другими изгой до Острой городни», а также отсутствие слов «тройриле» после обозначения Волховской сотни. Сопоставляя списки Карамзинской группы, наиболее исправным из них следует признать Троицкий, в котором еще не появилось свойственных другим спискам этой группы искажений: «timoженом» или «тигорожаном» вместо «тигожаном», «Бискупли» вместо «Пискупли», «Неретьского» вместо «Нередицьского», «Загорожаны» вместо «Загородцы», «Володьская» или «Волоцкая» вместо «Водьская» (АОП, БЛП, ТВV, В, БЛIV). Еще дальше в этом искажении идут отдельные списки Музейского вида Карамзинской группы: «веряджан» вместо «верезжан» (ВА), «пидябленом» вместо «пидьбляном» (В), «с горожаны» или «за горожаны» вместо «с загорожаны» (УIII, ВА, В), «Холопьяская» вместо «Лопьяская» (В).

Спискам Оболенско-Карамзинского вида свойственно непроникшее в Музейский вид искажение «до Острой улицы» вместо «до Острой городни», а это значит, что Оболенско-Карамзинский и Музейский виды развиваются независимо один от другого, восходя к общему архетипу, близкому списку Троицкого вида.

Что касается списков Пушкинской группы, то из них более сохранным оказывается Археографический вид. В Пушкинском списке потеряны слова «коломяном до Нередицьского мосту», «от великого ряду», «огнищаном», присутствующие не только в списках Археографического вида, но также и в списках Карамзинской группы. В нем также искажены некоторые слова: «бережан» вместо «верезжан», «Клемяных» вместо «Климятиных». В списках Карамзинской группы эти слова переданы в звучании,

в сборнике конца XV — начала XVI в., ГБЛ, № 3641 (БЛП); в сборнике ГБЛ, собр. Ундольского, № 820 (VIII); в сборнике конца XVI — начала XVII в., БАН, собр. Воронцовых, № 219 (ВА); в Софийской I летописи конца XV в., ПБ, собр. Толстого, оп. 1 № 36 (ТВV); в сборнике середины XVI в., ГИМ, Воскресенск. собр., № 1546 (В). Правда Русская, т. 1, . 390.

близком к тем, которые дает Археографический вид. В списках Археографического вида имеются неповторимые во всех других списках выражения, имеющие принципиальный смысл. Только в них есть слово «мостити» после упоминания Бориса и Глеба, слова «до софьян», на месте которых во всех остальных списках стоит «до торгу». 18-я сотня называется Поволховской, тогда как в других списках она Волховская. Наконец, только в них назван Алфердов вымол, в остальных списках называемый Гералдовым или Гелардовым. Пушкинский список относительно этих последних случаев родствен спискам Карамзинской группы. Поскольку же иные его особенности не реализуются в Карамзинской группе, следует утверждать, что Пушкинский и Карамзинские списки восходят к общему протографу, занимающему промежуточное положение между ними и списками Археографического вида.

Сравнение списков Археографического вида позволяет признать наиболее исправным тот из них, который помещен в приложениях к Новгородской Первой летописи по Комиссионной рукописи. В Соловецком списке и в Летописи Авраамки имеются существенные отклонения: «Быкова» вместо «Бовыкова» (СМV), «Афедорова» вместо «Алфердова» (СМV), отсутствие слов «до от заднего, а от Алфердова вымола» (СМV, ЛА).

Реконструкция схемы взаимоотношения основных групп списков «Устава» (см. схему) находит подтверждение в самом существе последовательных искажений текста в связи с биографией памятника. Характер этих искажений — стихийное, нецеленаправленное, нарастающее отклонение от правильного написания топонимов. Группировка списков не обнаруживает каких-либо следов редактирования. Их деление на Пушкинскую и Карамзинскую группы обозначает не разные редакции, а только разные изводы. И если в Пушкинском изводе (в первую очередь, в списках Археографического вида) новгородская топонимика оказывается безупречной, то Карамзинский извод (и в меньшей степени Пушкинский вид) обнаруживает незнание переписчиками местных наименований. Отсюда происходят бессмысленные «timoжены» и «тигорожане», «бережане», «Неретьский мост», «загорожаны», «Володьская» и «Холопьяская» сотни, «Клемяные сени». Такой характер нарастающих искажений позволяет признать Пушкинскую группу в целом

новгородским изводом, а Карамзинскую группу — вне-новгородским изводом. Этот вывод подтверждается и происхождением списков, дающих возможность несколько уточнить локализацию грани между новгородскими и вне-новгородскими текстами.

Все списки Археографического вида извлечены из новгородских сборников или же из сборников, своим происхождением непосредственно тяготеющих к Новгороду. Списки остальных видов содержатся в сборниках, к Новгороду отношения не имеющих. Рубеж между теми и другими, таким образом, приходится на архетип Пушкинского и Троицкого видов, давший начало вненовгородской традиции в переписке «Устава». Новгородская же традиция сохраняется лишь в Археографической генерации. «Устав о мостех», возникший как локальное новгородское постановление, органически связался в Новгороде с Пространной Правдой, но он не имел никакого значения для остальных русских территорий и, выйдя в составе Пространной Правды за пределы Новгорода, отложился в некотором количестве списков Русской Правды как непонятный и практически ненужный довесок.

Выделяя в качестве достоверных списки Археографического вида, а среди них в первую очередь текст, сохранившийся в Новгородской Первой летописи, мы, естественно, не отождествляем его с авторским текстом. Допуская и в нем наличие возможных искажений, мы можем выяснить их только подробным анализом самого памятника и поисками в нем внутренних противоречий. Однако первый вопрос, возникающий при переходе к такому анализу, касается общей композиции источника, выяснения единства или сложности его состава.

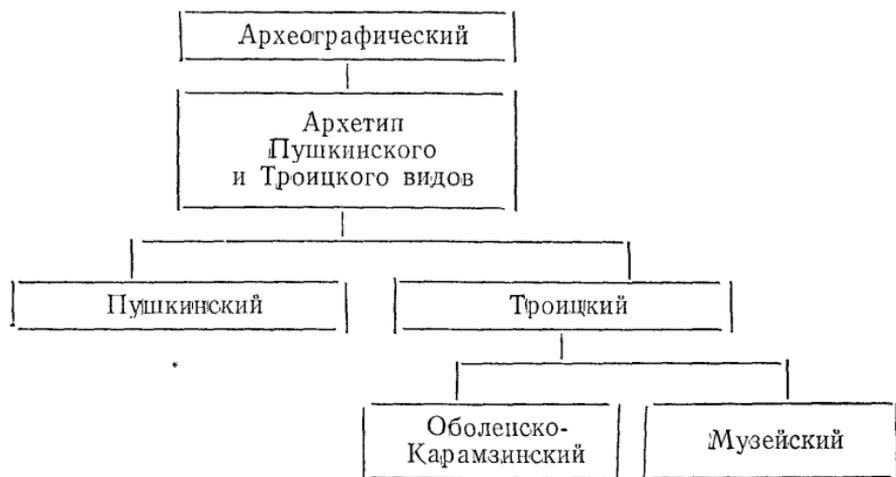
М. Н. Тихомиров обратил внимание на наличие в тексте «Устава» несомненной интерполяции. Перечисление сотен явно разбивает связный текст, а изъятие этого перечисления возвращает ему должную логичность и последовательность¹. Развивая эту мысль, А. Н. Насонов писал: «В истории рукописных текстов довольно обычно, что запись, сделанная на полях рукописи, при переписке попадает в середину текста. Так как все без исключения списки «Устава о мостех» содержат перечисление сотен, то надо полагать, что вся запись о сотнях попала в текст

¹ См.: Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М. — Л., 1941, с. 146.

устава вскоре после его составления, в XIII в., во всяком случае не позднее начала XV в.»¹. Думается, что правильнее было бы написать: «не позднее XIV в.», поскольку Пушкинский список датируется этим столетием.

Еще одна интерполяция ранее не выделялась, но она хорошо видна при первой же попытке осмыслить последовательность топонимов «Устава». Речь идет о перечислении тигожан, коломлян, передичан, вережан и пидьблян, не имеющих никакого отношения к тому сюжету, изложение которого грубо нарушено их упоминанием.

СХЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ОСНОВНЫХ ВИДОВ «УСТАВА О МОСТЕХ»

Рассмотрим сначала текст «Устава», очищенный от этих инородных вставок.

«А се устав Ярослава князя о мостех. Осмеником поллата. В Людин конец через греблю к Добрыни улицы в городная ворота до Пискушли улицы, с прусы до Бориса и Глеба мостити, а Чюдинчeve улице с загородцы до городных ворот. А владыце сквозе городнаа ворота с изгой и с другими изгой до Острои городне, до софьян, софьяном до тысячьского, тысячьскому до вощник, от вощник посаднику до великого ряду, от великого ряду князю до Немецкого вымола, немцем до Ивана вымола, гтом до Алфердова вымола до от заднего, а от Алфердова вымола огнищаном до Будятина вымола, ильинцам до Матфе-

¹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства, с. 124.

ева вымола, михайловцам до Бардовы улице, а витковцам до Климятиных сеней».

Вслед за заголовком «Устава» идет фраза «Осмеником поплата», т. е. «плата осменикам». Осмениками или осменниками назывались сборщики «осмничего», торговой пошлины. Существо этой должности характеризуется Уставной грамотой великого князя Литовского Александра киевским мещанам 1494 г.: «Которыя перекупники на ряду седят и хлебы продают..., тыи вси мають давати осмънику воеводину в каждую субботу от товару по дензе... Таковую татыбу побережную маеть судити осмник воеводин»¹. В договорной грамоте тверского князя Бориса Александровича с Василием Темным 1456 г. определяется порядок взятия осмничего: «А тамга и осмничее взяти, аже имет торговати; а поедет мимо, ин знает свои мыт да костьки, а боле того пошлин нет»². Следовательно, осменики контролировали в фискальных целях торговлю, взимая пошлину с действительного оборота («А тамги с осмничего от рубля алтын») ³. Отметим эту их связь с торговлей, важную для понимания документа в целом.

Следующей фразой «Устава» начинается разверстка мостовой повинности: «В Людин конец черес греблю к Добрыни улицы в городная ворота до Пискулли улицы». Людин конец примыкал к Детинцу с юга и юго-запада, будучи отделен от него греблей (рвом). Связь Людина конца с Детинцем осуществлялась через Спасские ворота. Время возникновения этого последнего названия неизвестно, поскольку нет сведений о том, была ли построенная в 1426 г. «на воротех градских» церковь Спаса⁴ первоначальной⁵. Однако примыкание именно к этим воротам Добрыни улицы Людина конца хорошо определяется местоположением церкви св. Образа, которая стояла на участке, непосредственно примыкающем к Спасским

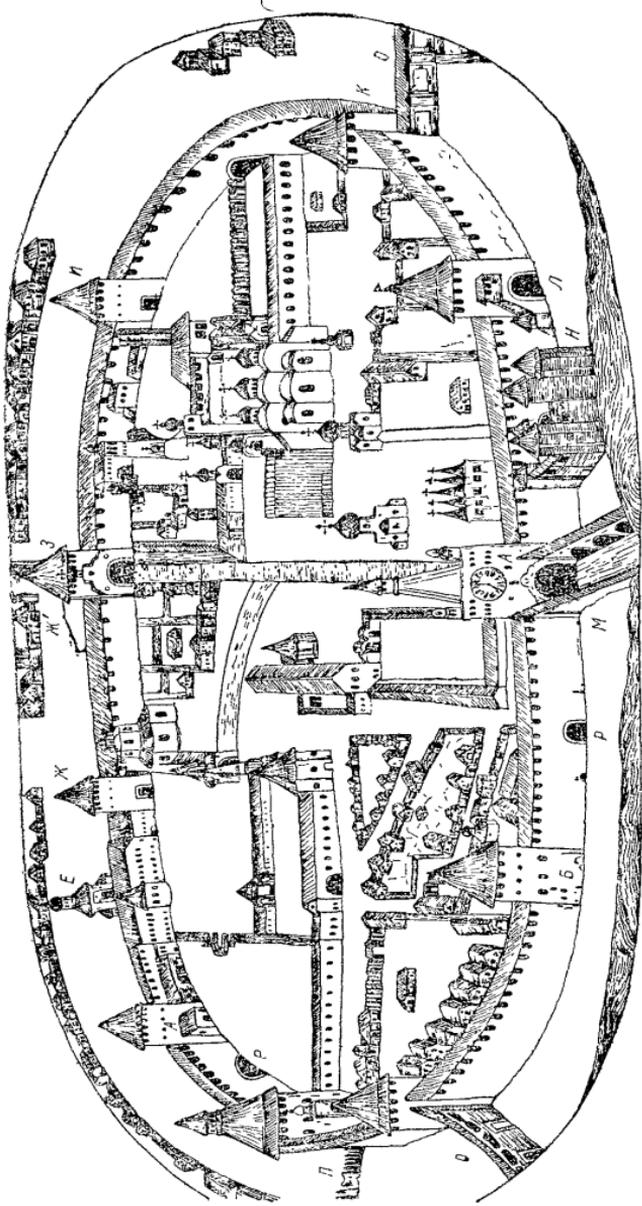
¹ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией, т. 1 (1340—1506), № 120.

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. М. — Л., 1950, с. 188, 191, № 59.

³ Духовные и договорные грамоты, № 59; см. также: *Семенов А. И.* Осменники «Устава о мостех». — Новгородский исторический сборник, вып. 10. Новгород, 1961.

⁴ См.: Новгородские летописи. СПб., 1879, с. 268.

⁵ Сообщение Новгородской Первой летописи под 1297 г. («Игумен Кирил святого Георгия постави церковь камени святого Преображения на воротах от Людина конца». НПЛ, стр. 323) относится, возможно, к надвратной церкви Юрьева монастыря (ср. сообщения той же летописи о ней под 1166 и 1173 гг. НПЛ, с. 32, 34, 219, 223).

Изображение Делина на Михайловской иконе конца XVII в.:
 А — Пречистенская башня; Б — Борисоглебская башня; Г — Спасская башня;
 Ж — Покровская башня; З — Воскресенская башня; М — Великий мост

воротам (по планам XVIII в. она находилась внутри бастиона Малого земляного города, остатком которого является нынешняя Екатерининская горка) ¹. Летописи же локализуют церковь Образа на Добрыне улице ².

Рассматриваемая фраза нелогично пользуется предложениями. Сначала указывается направление из Детинца («В Людин конец», «к Добрыни улицы»), а потом внутрь Детинца («в городная ворота до Пискупли улицы»). Эта нелогичность снимается наблюдением над разночтениями. В списке Летописи Авраамки, относящемся к тому же Археографическому виду, предлог в начале фразы отсутствует: «Людин конец черес греблю к Добрыни улицы...». Если эта особенность списка восходит к авторскому тексту, всю фразу следует переводить так: «Людин конец через греблю (которая примыкает) к Добрыне улице (мостит) в городские ворота до Пискупли улицы». Обязанностью Людина конца было мостить въезд в Детинец через ворота, позднее названные Спасскими, до стыка внутри Детинца с Пискуплей улицей.

«С прусы до Бориса и Глеба мостити». Прусская улица («прусы») до выделения в конце XIII в. особого Загородского конца входила в Людин конец. Поэтому наличие предлога «с» указывает на то, что основным адресатом этой фразы был тот же Людин конец, который должен был мостить на этот раз с жителями Прусской улицы. Последняя сообщалась с Детинцем особыми воротами — Покровскими. Это название возникло в XIV в., после того как «постави Семен Климович церковь камени на воротех от Прусской улицы» ³. Церковь Бориса и Глеба, построенная в 1146 г., стояла на прямой, продолжающей внутрь Детинца линию Прусской улицы. Свидетельство «Устава о мостех», таким образом, позволяет реконструировать продолжение Прусской улицы в Детинце до церкви Бориса и Глеба.

«А Чюдинчеве улице с загородцы до городьних ворот». Жители Чюдинцевой и Легощей улиц с конца XIII в. образовывали особый Загородский конец, но уже в более раннее время именовались «загородцами» ⁴, то обра-

¹ См., например, план в ЦГВИА, ф. 418, ВУА, № 22247.

² См.: НПЛ, с. 375.

³ НПЛ, с. 92.

⁴ См. летописные сообщения 1219 и 1220 гг. НПЛ, с. 58, 60, 259,

зую политическое единство с Людиным концом, то демонстрируя независимость от него. Этот район Новгорода соединялся с Детинцем через его западные, Воскресенские ворота. Сооружение надвратной Воскресенской церкви летопись впервые упоминает под 1296 г.¹

Принято считать, что в Воскресенские ворота входила не Чудинцева, а Легоща улица, а примыкание к Детинцу Чудинцевой улицы не известно: на планах XVIII в. этот ее участок нарушен фортификациями сооруженного в XVI в. Малого земляного города; она обрывается у рва XVI в., не доходя до Детинца. Известно, однако, что эти улицы близко подходили одна к другой: в 1398 г. «постави Михаил Крупа церковь камену святого Николу конец Лугощи и Чудинчеве улица»². Если это сообщение касается Никольского монастыря, который был расположен на отдаленных от Детинца участках, примыкающих к линии Окольного города, то более интересным для нас оказывается другое обстоятельство. На одном из планов XVIII в. в Малом земляном городе непосредственно у Воскресенских ворот Детинца обозначены две церкви³, в которых возможно опознать каменные храмы Усекновения Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца, числящиеся в начале XVII в., т. е. уже после сооружения Малого земляного города, стоящими на Новинке⁴. Между тем «Описание семи новгородских соборов», дошедшее до нас в списке начала XVI в., сообщает: «Иван святыи усекновение на Чюдинцове улице, да Никола на палатех»⁵. А это значит, что до сооружения Малого земляного города Чудинцева улица действительно подходила к Воскресенским воротам, сливаясь здесь с Легощей улицей. В то же время нужно отметить, что в скрытой форме «Устав» упоминает и Легощу улицу: ведь Чудинцева улица мостит не одна, а «с загородцы». «Устав» определяет Чудинцевой улице и вообще загородцам мостить только до въезда в Детинец, иными словами, через преблю.

«А владыце сквозе городнаа ворота с изгой и с други-

¹ См.: НПЛ, с. 328.

² Там же, с. 393; см. также с. 383.

³ См.: Кушнин И. И. Новгород. Изд. 2. Л., 1972, с. 63.

⁴ См.: Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода, с. 83.

⁵ Никольский А. Описание семи новгородских соборов по списку XVI в. С.-Петербургской библиотеки св. Синода. — «Вестник археологии и истории», вып. 10. СПб., 1898, с. 80. Как видим, в начале XVI в. Никольская церковь была еще придельной.

ми изгойи до Острои городне, до софьян». Приведенная фраза трудна для комментирования из-за крайне разноречивых мнений исследователей относительно положения в Детинце Пискупли улицы. Очевидно, речь здесь идет именно о ней, коль скоро непоименованную в «Уставе» мостовую настилает владыка («пискуп»). Положение фразы в контексте достаточно определено: владыка начинает мощение там, где останавливаются загородцы, т. е. от Воскресенских ворот («сквозе городнаа ворота»). Другой конец этой улицы локализуется упоминанием Острой городни и софьян¹.

Очевидно, топонимы «до Острой городни» и «до софьян» должны совпадать. Между тем комментаторы «Устава» склонны признавать Острой городней первую, ближайшую к Детинцу, городню Великого моста, якобы расположенную на «Владычном острове», усматривая этимологическую связь между словами «Острая» и «остров»². Если это так, то получится, что владыка мостит всю поперечную улицу Детинца от Воскресенских до Пречистенских ворот, и остается совершенно непонятным, какой же участок обязаны мостить софьяне (они снова упомянуты в следующей фразе «Устава»: «...софьяном до тысячьского»). Великий мост? Но причт Софийского собора не имел к нему отношения. Тем не менее имеются основания для того, чтобы решить этот вопрос.

В самом Детинце существовал еще один мост, переброшенный через овраг, устье которого и сегодня хорошо видно со стороны Волхова в понижении подошвы кремлевской стены южнее проездной арки (б. Пречистенских ворот). Овраг, существовавший еще в XVIII в., пересекал Детинец с запада на восток чуть южнее и на

¹ Во всех списках, кроме относящихся к Археографическому виду, вместо «до софьян» стоит «до торгу». Вторичность чтения «до торгу» подтверждается тем, что в следующей фразе «Устава» снова упоминаются софьяне — причт Софийского собора, находившийся в Детинце, тогда как торг располагался на другом берегу Волхова.

² См.: *Алешковский М. Х.* Новгородский детинец 1044—1430 гг. (по материалам новых исследований). — «Архитектурное наследство», № 14, 1963, с. 17. В действительности, вопреки мнению П. Л. Гусева, усвоенному М. Х. Алешковским (см.: *Гусев П. Л.* Новгородский детинец по изображению на Михайловской иконе. — «Вестник археологии и истории», вып. 22. СПб., 1913, с. 19), Владычный островок находился в другом месте — под Владимирской башней: его дворы частично были снесены «под земляной город» (см.: *Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. М., 1930, с. 153*), чего не могло бы случиться, если бы он был связан с районом Пречистенских ворот.

всем протяжении параллельно той улице, часть которой обязан мостить владыка с изгоями. Мост, перекинутый через самую узкую его часть примерно на месте современного Памятника Тысячелетия России, отмечен на планах XVIII в.¹ Здесь он, как можно думать, возобновлялся традиционно. Если в «Уставе» под Острой городской подразумевается крайняя северная городня этого моста, то она должна локализоваться именно там, где мощение переходит в руки софьян, т. е. на траверзе Софийского собора. Иными словами, владыка мостит ту часть улицы, соединяющей Воскресенские ворота с Пречистенскими, на которую выходит участок Владычного двора. Если это так, то мы находим ответ и на вопрос, до какого места в Детинце обязан мостить Людии конец. Напомним, что он мостит «в городная (т. е. Спасские) ворота до Пискупли улицы», иначе, до той же Острой городни и до софьян. Довоенные работы Новгородского музея установили, что подвергнутая раскопкам улица, ведущая на север из Спасских ворот, не доходя до церкви Бориса и Глеба, отклонялась к северо-западу, т. е. к тому месту, на котором мы локализуем упомянутый мост через овраг и его Острую городню.

Мы вынуждены подробно остановиться на этом сюжете потому, что как раз в ходе довоенных раскопок было высказано охотно повторяемое предположение, что именно эта выходящая в Детинец из Спасских ворот улица и была Пискуплей². Основание для такого мнения извлечено из сообщения Новгородской Первой летописи младшего извода под 1049 г.: «Месяца марта в 4, в день субботны, сгоре святая Софея, беаше честно устроена и украшена, 13 верхы имущи, а ту стояла свята Софея конецъ Пискупле улице, идеже ныне поставил Сотьке церковь камену святого Бориса и Глеба над Волховом»³. Нам уже приходилось разбирать это сообщение и доказывать его тенденциозную противоречивость с более древним сообщением Новгородской Первой летописи старшего извода. Рассмотрим его в связи с показаниями «Устава о мостех».

¹ См.: Кушнир И. И. Указ. соч., с. 63.

² См.: Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К. Раскопки в Новгородском кремле в 1938 г. — Новгородский исторический сборник, вып. 5. Новгород, 1939, с. 6—8.

³ НПЛ, с. 181.

Если извлечь фразу «А владыце сквозе городнаа ворота с изгой и с другими изгой до Острои городне, до софьян» из контекста «Устава», то она, на первый взгляд, может быть отнесена и к улице, идущей в Детинец из Спасских ворот. Эта улица, начинаясь от «городних ворот», продолжается до Острой городни и до софьян. Она направлена к Владычному двору, что при желании объяснит и ее имя. Однако такое совпадение станет в высшей степени сомнительным, если обратиться к деталям анализируемых сообщений. Владыка никак не мог мостить «сквозе городнаа ворота», если эти ворота были Спасскими; ведь сквозь Спасские ворота мостит Людин конец («в городнаа ворота до Пискупли»). Местоположение церкви Бориса и Глеба не соответствует «концу Пискупли улицы», если под Пискуплей понимать улицу, идущую от Спасских ворот; Борисоглебская церковь находится примерно у ее середины. Наконец, если владыка мостит улицу, идущую от Спасских ворот до Острой городни и софьян, то участок от Воскресенских ворот до софьян вообще останется без замощения.

С другой стороны, вопреки сообщению Новгородской Первой летописи младшего извода, раскопки, произведенные на руинах церкви Бориса и Глеба, не обнаружили под ними никаких следов древнейшего деревянного Софийского собора¹, и вопрос о его локализации остается открытым. Нам представляется, что именно «Устав о мостех» дает определенные основания для такой локализации. Если Пискупля улица оканчивалась у Острой городни, то и древнейшую Софию нужно искать на участке, находящемся ныне между существующим Софийским собором и Памятником Тысячелетия России, в пределах древнейшей части Детинца, по северную сторону от ограничивающего ее оврага.

Некоторые любопытные данные для понимания истоков происхождения обязанностей Людина конца и Прусской улицы в Детинце сообщает позднейший документ второй половины XV в. — «Описание семи новгородских соборов». Согласно этой росписи, в Софийский соборный участок входила лишь северная половина Детинца, тогда как церкви южной его половины были расписаны между соборными участками церковью Власия (Людин конец)

¹ См.: *Строков А. А.* Раскопки в Новгороде в 1940 г. — Краткие сообщения ИИМК АН СССР, вып. XI. М.—Л., 1945, с. 65—73.

и Михаила архангела (Прусская улица). К Власьевскому участку относилась надвратная Спасская церковь, а к Михайловскому — надвратные Покровская и Пречистенская церкви, а также церкви Бориса и Глеба, Андрея Стратилата и Иоанна Златоуста в Детинце. Что касается надвратной Воскресенской церкви, то она входила в Софийский участок.

Такой порядок, в целом совпадающий с показаниями «Устава о мостех», находит объяснение в самой истории сложения территории Детинца. Совпадая поначалу с северной частью нынешнего Кремля, она в 1116 г., когда «Мъстислав заложи Новъгород болии първаго»¹, была расширена на юг, включив в себя уже сложившиеся к тому времени прибрежные части Людина конца и Прусской улицы. Археологические раскопки, в частности, установили, что древнейшие настилы выходящей из Спасских ворот улицы (которую, как мы уже отметили, авторы раскопок приняли за Пискуплю) относятся к XI в. Административное подчинение этих улиц и после возведения новых фортификаций осталось прежним. Что касается Чудинцевой улицы, то она, по-видимому, к началу XII в. еще не существовала (раскопки 1947 г. не обнаружили в ее районе столь древних напластований) и, следовательно, на территорию Детинца не продолжалась. Более того, Пискупля улица и ее продолжение до Пречистенских ворот могли возникнуть только в 1116 г., после ликвидации существовавшего на этом месте вала древнейшего Детинца: бревна его дубовых городен были вторично использованы в качестве лежней при сооружении вала 1116 г., опоясавшего вновь прирезанную южную часть кремля².

Тенденциозное сообщение Новгородской Первой летописи младшего извода о закладке в XII в. церкви Бориса и Глеба на месте первоначальной Софии «в конце Пискуплей улицы», на наш взгляд, опирается на то, что в XV в., к которому относится это сообщение, Пискуплей могли называть не только участок от Воскресенских ворот до Острой городни, но и его продолжение через мост до церкви Бориса и Глеба, вернее, до площади, на которой эта церковь стояла, коль скоро до самой церкви никакие уличные настилы не доходят. Автор XV в. знал, что

¹ НПЛ, с. 20, 204.

² См.: *Алешковский М. Х. Указ. соч.*, с. 14—15.

древнейшая София стояла в конце Пискуплей улицы, но проецировал это указание на современную ему микропонимику.

Продолжим рассмотрение «Устава». «Софьяном до тысячьского, тысячьскому до вошник». Конечный пункт этого сообщения бесспорен — церковь Ивана на Олоках, которая была центром купеческой корпорации вошников¹. Очевидно и направление мощения — от Острой городни через Великий мост до церкви Ивана на Олоках. Писцовые книги XVI в. знают на Торгу Иваньскую улицу, соединявшую Великий мост с участком церкви Ивана на Олоках². Известно также, что эта церковь служила местопребыванием торгового суда тысяцкого: «А не смогут они (лощманы и гости. — В. Я.) помириться, идти им на суд перед тысяцким и перед новгородцами на двор святого Ивана»³. Требуется решения только вопрос о границе между участками софьян и тысяцкого. Трудно, однако, назвать какой-либо иной стык, кроме первой (западной) городни Великого моста.

К софьянам сооружение моста через Волхов отношения иметь не могло, это было общегородское и общегосударственное дело, непосильное для софийских попов, дьяконов, дьячков, пономарей и просвирниц и требующее совершенно иной организации⁴. Оно могло финансироваться только «всею землею». Иногда случались исключения, как, например, в 1338 г., когда «делаша мост нов, что было вышибло, повелением владыки Василья: сам бо владыка пристал тому, и почал и кончал своими людьми», но тогда сама исключительность события возбужда-

¹ См.: НПЛ, с. 508—509 («Рукописание князя Всеволода»).

² См.: Семенов А. И. Топография новгородского торгового моста в 1583 г. — Новгородский исторический сборник, вып. 1. Л., 1936, с. 26—27.

³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 60, № 31 (документ 1269 г.).

⁴ Традиционное отношение к финансовой организации строительства Великого моста хорошо выражено в царской грамоте 1623 г. о сборах на мостовое дело, данной новгородскому воеводе князю Прозоровскому. Выделив треть средств на городские мосты из новгородских доходов только «для их разоренья» (имеется в виду шведское разорение), царь Михаил Федорович указал «развить и собрать с Новгорода, с посаду и с уезду, с сох, по сошному разводу, со всех земель с дворянских и с детей боярских, и с монастырских сох и со всяких белых людей с дворов со всех без выбору, чтобы никто в избылках не был, потому что дело все земли и мостами ездят всякие люди» (Акты Археографической экспедиции, ч. III. СПб., 1836, № 146).

вова дворища. Обязанность князя соорудить именно эту мостовую вполне естественна. Князь мостил от Великого ряда (по-видимому, вдоль него) к берегу Волхова, где, следовательно, в районе современной аркады Торговых рядов и находился Немецкий вымол — пристань немецких купцов.

«Немцем до Ивана вымола». Если князь обеспечивал сообщение между Торгом и Немецким вымолем, т. е. в первую очередь экспорт новгородских товаров, то на обязанности немцев лежало сооружение мостовой от Немецкого двора до Ивана вымола, который в силу этого возможно признать второй немецкой пристанью Новгорода, принимавшей импорт. Местоположение Немецкого двора определяется данными лавочных книг XVI в. Он локализуется к востоку от церквей Успения на Торгу и Параскевы Пятницы, в современном городском квартале — на проспекте В. И. Ленина и под проезжей частью самого проспекта. Вплотную к Немецкому двору, у его юго-восточного угла, до середины XVIII в. стояла церковь Ивана Крестителя «у Немецкого двора»¹, остатки которой были обнаружены во время раскопок летом 1975 г. От этой церкви, по всей вероятности, Ивань вымол и получил свое имя². Общее направление мощения немцев — от Немецкого двора, южнее княжеского участка, к берегу Волхова, выше Немецкого вымола.

«Гтом до Алфердова вымола до (от) заднего». Местоположение Готского двора определяется как данными письменных источников, так и отчасти раскопками, проведенными в 1968—1970 гг. на его территории³. Он располагался к югу от Ярославова дворища в меньшем удалении от берега Волхова, нежели Немецкий двор. Последнее обстоятельство подтверждается и показаниями проекта договорной грамоты с Любеком и Готским берегом о торговле и суде, датированного 1269 г.: «Возчикам в Новгороде брать с каждой ладьи за перевозку в Новго-

¹ Семенов А. И. Топография новгородского торгового двора 1583 г., см. вклейку.

² Заметим, что, согласно легенде о посаднике Добрыне, эту церковь некогда сломали в связи с сооружением Немецкого двора (восстановив ее потом на ближайшем участке) (см.: Шмидт С. О. Предания о чудесах при постройке новгородской ропаты. — Историко-археологический сборник. М., 1962, с. 319—325). Поэтому вымол мог получить свое название в очень раннее время.

³ См.: Рыбина Е. А. Раскопки Готского двора в Новгороде. — «Советская археология», 1973, № 3, с. 100—107.

роде с берега в Немецкий двор 15 кун, а в Готский двор 10 кун»¹. Алфердов вымол был пристанью Готского двора и располагался на берегу Волхова выше Ивана вымола. Почему он называется «задним», сказать трудно. Может быть, «передним» вымолом Готского двора был тот же Ивань вымол?

«А от Алфердова вымола о(г)нищаном до Будятина вымола». Под огнищанами (иное название бояр²) здесь могут подразумеваться только владельцы усадеб Славенского конца. Кончанская застройка Славна выходила к берегу Волхова лишь на участках побережья, расположенных к югу от Готского двора (и далее до Тарасовца); севернее этих мест она была отделена от берега Готским двором, Ярославовым дворищем и Торгом. Поэтому, не локализуя с топографической точностью Будятина вымола, мы можем утверждать, что он находился на берегу Волхова южнее Алфердова вымола. Огнищане обязаны были мостить на волховском берегу между Алфердовым и Будятиным вымолами.

«Ильинцам до Матфеева вымола». Традиционное мнение комментаторов «Устава», полагающих под «ильинцами» жителей Ильиной улицы³, как нам представляется, неверно. Ильина улица, имея направление с востока на запад, пересекала Торговую сторону Новгорода по линии от церкви Спаса на Ильине к церкви Успения на Торгу. Продолжив эту линию до Волхова, мы выйдем к Великому мосту. Однако, как в этом уже можно было убедиться, «Устав», перечисляя участки мощения на Торговой стороне, последователен в своем движении с севера на юг. Искать ильинцев, следовательно, нужно в южной части Славенского конца. В самом деле, в южной его точке находится церковь Ильи на Славне, упоминаемая в летописи с 1105 г.⁴ Ее прихожане и являются искомыми «ильинцами», на обязанности которых было мощение у самого южного вымола Новгорода — Матфеева.

«Михайловцам до Бардовы улице, а витковцем до Климятиных сенеи». Последняя фраза «Устава» нарушает строгую последовательность отмеченного движения

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 60, № 31.

² См.: *Алешковский М. Х.* Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV вв. — «Советская археология», 1974, № 3, с. 100.

³ См.: Памятники русского права, вып. 1: Памятники права Киевского государства. Составитель А. А. Зимин. М., 1952, с. 216.

⁴ См.: НПЛ, с. 19, 203.

к югу, поскольку Михайлова и Виткова улицы располагались в районе Готского двора, сходясь у церкви архангела Михаила, которую источники локализуют то на Михайловой, то на Витковой улице¹. Однако это нарушение хорошо объяснимо: рассматриваемая фраза составляет особый сюжет «Устава», не связанный с пристанями. Бардова улица, до которой нужно было мостить михайловцам, находилась в глубине кончанской территории Славна², так же, по-видимому, как и нелокализуемые Климятины сени, до которых мостят витковцы. А. И. Семенов связывает этот район с древнейшей территорией новгородского торгового центра, основываясь на летописном показании 1152 г.: «Априля 23 загоресе церкви святого Михаила въ сред Търгу, и много бысть зла; и погоре весь Търг и двори до ручья, а семо до Славна, и церквии съгоре 8, а 9-я Варязьская»³. Очевидно, последняя фраза «Устава» касается мощения этих древнейших торговых территорий.

О чем же в целом идет речь в «Уставе»? Археологические исследования Новгорода позволяют утверждать, что мостились практически все улицы города, иначе в условиях повышенной влажности почвы движение по ним не было бы возможным. Между тем «Устав» в высшей степени избирателен. Он разверстывает мостовую повинность, касающуюся лишь общественных центров: Детинца и непосредственных подходов к нему, главных магистралей Торга, дорог, соединяющих Торг, иноземные фактории и город как таковой с пристанями. Вероятно, забота о возобновлении рядовых уличных настилов лежала на самих уличанах. Однако в «Уставе» в то же время нет ни слова о столь важных и также общественных территориях, как, например, вечевые площади; не говорит он и о мощении въезда в Детинец со стороны Неревского конца. Главная цель «Устава» — организовать те магистрали, которые обслуживают Торг. Это относится непосредственно и к улицам Детинца, выводящим к Великому мосту: именно по этим улицам шло торговое движение с Софийской стороны города. Поэтому не приходится удивляться, что «поплату» «Устав» адресует осменникам, сборщикам торговой пошлины.

¹ См.: Семенов А. И. Древняя топография южной части Славенского конца Новгорода, с. 56—60.

² Там же, с. 68.

³ НПЛ, с. 29, 215.

Перейдем теперь к интерполяциям «Устава». То обстоятельство, что не существует списков «Устава» без интерполяций, имеет немалое значение для понимания его состава. Вставки, втянутые в текст «Устава», несомненно находились на полях авторской рукописи, иными словами, официального оригинала этого документа, и, следовательно, имеют с ним двойную связь: смысловую и хронологическую. Если бы эти вставки появились в какой-то позднейший относительно даты возникновения самого «Устава» момент, до нас дошли бы и «чистые», без интерполяций, тексты. Однако таковых не известно.

Выделенная М. Н. Тихомировым интерполяция перечисляет сотни:

«1-я Давыжа ста, 2-я Слепчева ста, 3-я Бьвыкова ста, 4-я Олексина ста, 5-я Ратиборова ста, 6 Кондратова ста, 7 Романова ста, 8 Сидорова ста, 9 Гаврилова ста, 10 Княжа ста, 11 Княжа, 12 Ржевьскаа, 13 Бежичкаа, 14 Вочьскаа, 15 Обонискаа, 16 Лускаа, 17 Лопьскаа, 18 Поволховьскаа трой риле, 19 Яжелвичьскаа двой риле».

В исчислении названо десять городских сотен и девять провинциальных, волостных. Отсутствие десятой провинциальной сотни наводит на мысль о неисправности списков уже на стадии Археографического вида, об утере в них названия этой сотни. Б. А. Рыбаков убедительно локализовал провинциальные сотни «Устава», связав их с хорошо известными по писцовым книгам XV—XVI вв. полупятинами. Естественно, что полупятина не девять, а десять, и одна из них не находит соответствия в сотнях «Устава о мостех». Это случилось с Белозерской половиной Бежецкой пятины, называемой в древности Помостьем¹. Не говорит ли разночтение списков Археографического вида «18 Поволховская» и остальных списков «18 Волховская» о неисправности этого места? В оригинале оно могло выглядеть так: «18 По(мостьская, 19) Волховьская». Объединение двух сотен в одну должно было повлечь и перемену нумерации последних сотен — Волховской и Яжелбицкой.

В списках сотен в двух случаях упоминаются «рили»: «Волховьскаа трой риле», «Яжелвичьскаа двой риле». Рилиями (или релями) в древней Руси назывались звенья

¹ См.: Рыбаков Б. А. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. — «Исторические записки», 1938, № 2, с. 132—152.

мостового настила: «А на Волхове вода была до релей мостовых»¹; «Того же лета наjali псковичи наимиты на новой мост на Пскове реке, а запас балки наимитов, а рилины и городни и дубья псковская»². Это обстоятельство позволяет принять в качестве достоверного мнение многих исследователей о том, что речь во вставке идет о разверстке по сотням «поплаты» за сооружение Великого волховского моста³. Рель в данном случае служит единицей измерения мостового звена, поскольку трудно предполагать, что этот термин не обнимал и городню — самую трудоемкую и самую емкую по расходу строительных материалов деталь моста. Великий мост, следовательно, делился по меньшей мере на 22 рили, а с учетом предполагаемой неисправности списков — не меньше чем на 23 рили. Заметим, что в 1421 г. во время сильнейшего наводнения «снесе великаго моста 20 городень»⁴, при этом летописец отмечает, что «мало же убо некая отчасти дрeвеса у берега суши остася»⁵. На плане «Новгородского каменного города» 1701 г. Великий мост показан с 25 опорами, из которых 4 были береговыми, а 21 — на воде⁶.

Связывая перечисление сотен с их обязанностью финансировать сооружение Великого моста, мы поймем, почему эта запись оказалась на полях документа как раз против упоминания тысяцкого. На нем лежит организация работ на волховском мосту, но ведь именно он является и главой соцких.

С учетом сказанного выше о хронологическом взаимоотношении основного текста и интерполяции о сотнях можно попытаться решить вопрос о датировке документа. Разумеется, старое мнение о связи «Устава о мостех» с именем Ярослава Мудрого не имеет никаких оснований. В тексте «Устава» упоминается церковь Бориса и Глеба в Детинце, впервые построенная в 1146 г.⁷ Значит, автора «Устава» надо искать в более позднем времени, сравнивая шансы Ярослава Изяславича (1148—1154), Ярослава Мстиславича (1176—1177), Ярослава Влади-

¹ Псковские летописи, вып. 2. М., 1955, с. 245 (под 1563 г.).

² Там же, с. 131 (под 1435 г.).

³ См.: Памятники русского права, вып. 1, с. 215.

⁴ Новгородские летописи, с. 262.

⁵ Там же, с. 47.

⁶ ЦГАДА, архив МИД, отд. карт., № 7.

⁷ См.: НПЛ, с. 27, 213—214.

мировича (1182—1184; 1187—1196; 1197—1199), Ярослава Всеволодовича (1215—1216; 1223—1224; 1226—1228; 1230—1236) и Ярослава Ярославича (1265—1270).

Первые два князя отпадают по той причине, что должность республиканского тысяцкого, упомянутого в «Уставе», возникает только в конце XII в., не ранее 80-х годов¹. Ограничив, таким образом, хронологические рамки документа концом XII в. — 1270 годом, мы для дальнейшего уточнения должны рассмотреть имена городских соцких во вставке ю сотнях. Поскольку следующим этапом административной и политической карьеры соцких была должность тысяцкого, имеются все основания сравнить этот список со списком новгородских тысяцких в поисках совпадающих имен. «Устав» называет следующих соцких: Давыда, Слепца, Бовыка, Олексу, Ратибора, Кондрата, Романа, Сидора и Гаврилу. В летописном списке «А се тысяцьскыи новгородскыи» имеются два имени, совпадающих с именами соцких «Устава», — Кондрат и Ратибор. Оба названы там в следующей очередности: «...Вячеслав (1228 г.), Борис Негочевич (1228 г.), Микита Петрилович (1230 г.), Фед Якунович (1234 г.), Клим (1255 г.), Жирохне (Жирослав, 1257, 1262—1263 гг.), Кондрат (1268 г.), Ратибор Клукович (1268—1270 гг.)...»² В скобках мы показываем даты летописных упоминаний этих тысяцких, доказывающие, что очередность списка была хронологической. Очевидно, что наиболее поздней возможной датой составления вставки о сотнях может быть только год избрания Кондрата на должность тысяцкого, иными словами, год, в который Кондрат перестал быть соцким.

Предшественник Кондрата Жирохне (иначе Жирослав) был избран на должность тысяцкого в 1257 г.³, его тысяцкое продолжается и в 1262 г., поскольку Жирослав является одним из авторов договора, заключенного в этом году⁴. О тысяцком Кондрате летопись сообщает только в связи с Раковорской битвой 18 февраля 1268 г., в ко-

¹ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 110. Возможно, что такое же хронологическое указание должно быть извлечено и из упоминания в «Уставе» немцев, т. е. Немецкого двора. Новгородская Третья летопись относит, по-видимому, организацию двора к 1192 г. (см.: Новгородские летописи, с. 194).

² ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3. Л., 1929, с. 626; т. XXIII. СПб., 1910, с. 166.

³ См.: НПЛ, с. 82, 309.

⁴ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 56, № 29.

торой он пропал без вести. Наконец, Ратибор Клукович избран в 1268 г. на место Кондрата¹.

Имя Кондрата в сопровождении титула тысяцкого встречается не только в летописи. Оно названо также в двух докончаниях Новгородца с князем Ярославом Ярославичем². И поскольку дата получения Кондратом должности тысяцкого не известна, особое значение приобретает вопрос о датировке этих докончаний. Существо дела состоит в том, что «Устав о мостех» говорит о существовании в Новгороде князя Ярослава и соцкого Кондрата, тогда как в докончаниях сосуществуют князь Ярослав и тысяцкий Кондрат. Если Кондрат стал тысяцким раньше, чем Ярослав князем, тогда естественной будет датировка «Устава» значительно более ранним временем, например периодом княжения Ярослава Всеволодовича.

Вопрос о точной дате ранних докончаний Новгородца с Ярославом является дискуссионным. Летопись сообщает, что новгородцы посадили Ярослава Ярославича на своем столе 27 января 1265 г.³ Казалось бы, именно с этой датой и следует связывать заключение самого раннего докончания. Однако наличие двух договорных грамот, относящихся ко времени не позднее 18 февраля 1268 г., не позволяет столь просто решить эту проблему. Очевидно, оба докончания не являются противными одного и того же акта. Л. В. Черепнин допускает, что одно из них может относиться ко времени до официального вокняжения Ярослава в Новгороде, даже к тому периоду, когда еще был жив Александр Невский, и представляет собой предварительное условие новгородцев, задумавших пригласить к себе Ярослава Ярославича⁴. Такое предположение основательно критиковал А. А. Зимин⁵. Нам оно также представляется неверным. Главный аргумент Л. В. Черепнина состоит в том, что договор Новгородца с немцами, заключенный после успешного похода под

¹ См.: НПЛ, с. 86—88, 317—319.

² См.: Грамоты Великого Новгородца и Пскова, с. 9—10, № 1, 2.

³ См.: НПЛ, с. 84, 313; *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963, с. 272.

⁴ См.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1. М. — Л., 1948, с. 255—262.

⁵ См.: *Зимин А. А.* О хронологии договорных грамот Великого Новгородца с князьями XIII—XV вв. — Сб.: Проблемы источниковедения, вып. 5. М., 1956, с. 302—304.

Юрьев в 1262 г., еще при жизни Александра Ярославича (т. е. до 14 ноября 1263 г.) скреплен печатью Ярослава Ярославича¹, который, таким образом, до своего официального вокняжения в Новгороде пользовался правами главы государства. Однако, не говоря уже о том, что этот договор составлен не от имени Ярослава, а от имени Александра Ярославича и Дмитрия Александровича, он скреплен двумя сериями совершенно идентичных печатей (свинцовых и серебряных позолоченных): при нем подвешены две печати Ярослава Ярославича, две печати архиепископа Далмата и две печати «Всего Новгорода». Столь беспрецедентное оформление акта может быть объяснено только его запоздалой ратификацией, предпринятой не ранее 27 января 1265 г., когда именно расхождение между названными в тексте документа княжескими именами и именем лица, скрепившего акт печатью, должно было потребовать двойного утверждения².

А. А. Зимин предложил иную схему хронологического взаимоотношения ранних докончаний Ярослава Ярославича. Он считает, что один документ непосредственно предшествует вокняжению Ярослава 27 января 1265 г., а другой составлен в канун второго приезда князя Ярослава в Новгород, т. е. зимой 1266—1267 гг.³ И эта схема, на наш взгляд, неверна.

Дело в том, что оба докончания содержат прямые свидетельства того, что они предъявлялись Ярославу не в Новгороде, а в Твери и, следовательно, не связаны с актом интронизации князя. В договоре № 1 говорится: «На том ти на всеь хрьсть целовати по любви, без всякого извета, в правьду, при наших послех». Аналогичная фраза имеется и в договоре № 2: «А на том ти, княже, на всеь хрьсть целовати бесперевода при наших послех; а мы ти ся, господине княже, кланяем»⁴. Включать такую фразу в канун приезда князя в Новгород бессмысленно. Если князь едет в Новгород, то и крестоцелование будет совершено не при послах, а при «Всем Новгороде». Иное дело, если князь не может приехать и не ожидается в скором времени. В этой связи позволительно высказать следующее предположение.

¹ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 56—57, № 29.

² См.: Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. 2, с. 9—11.

³ См.: Памятники русского права, вып. 2, с. 141, 150.

⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 10—11, № 1, 2.

Вокняжение Ярослава Ярославича в Новгороде не было ординарным событием. Он был приглашен в Новгород в период ликвидации злоупотреблений властью его могущественного брата Александра. Отказ от насилий Александра предписывается Ярославу во всех dokonчаниях, в том числе и в самом позднем договоре 1270 г.: «А что твой брат отъял был позже у Новагорода, а того ти, княже, отступитися; что новгородцев, то новгородьцем; а что пошло князю, а то княже» (№ 1); «А что был отъял брат твой Александр позже, а то ти, княже, не надобе. А что, княже, брат твой Александр деял насилие на Новегороде, а того ся, княже, отступи» (№ 2); «А что был отъял брат твой Александр позже, то ти не надобе... А что, княже, брат твой Александр деял насилие на Новегороде, того ти ся отступити» (1270) ¹. Отсюда очевидно, что выработка условий договора была медлительной. Обращает на себя внимание, что dokonчание 1270 г. было скреплено по всей форме тремя печатями (сохранилась булла Ярослава, от двух других остались следы прикрепления), а первые два имеют только по одному отверстию от несохранившейся буллы. Не значит ли это, что крестоцелование было совершено только в 1270 г., а ранние dokonчальные грамоты остались лишь проектами, обсуждавшимися через новгородских послов?

В самом деле, во время известного конфликта Новгорода с Ярославом в 1270 г. новгородцы предъявили князю много конкретных претензий, но среди них нет обвинения в нарушении крестоцелования. Более того, улаживая этот конфликт, митрополит Кирилл обещал: «Аще будет крест целовали, и яз за то приму опитимью, и за то ответ дам перед богом» ².

Если все эти наблюдения правильны, то дата первых двух dokonчаний вообще не может быть конкретизирована внутри общих хронологических рамок между 27 января 1265 г. и 18 февраля 1268 г. Минимальное хронологическое уточнение вносит условие, содержащееся в грамоте № 2: «А суд, княже, отдал Дмитрии с новгородци бежичяном и обонижаном на 3 лета, судье не слати» ³. Поскольку князь Дмитрий Александрович был изгнан из Новгорода в 1264 г., срок действия этого условия истекал

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 10, № 1; с. 11, № 2; с. 12, № 3.

² НПЛ, с. 89, 321'.

³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 11, № 2.

не позднее 1267 г. Отсутствие такого условия в докончании № 1 позволяет предполагать, что самым ранним в действительности проектом договора является грамота № 2.

Приведенные сопоставления приводят к выводу, что и Кондрат, фигурирующий в ранних докончаниях в должности тысяцкого, не обязательно был тысяцким уже к 27 января 1265 г., как это следовало из построений Л. В. Черепнина и А. А. Зимина. Он мог стать им в любой позднейший момент, вплоть до 1267 г. Таким образом, позднейшей из возможных дат «Устава о мостех» действительно оказывается время княжения в Новгороде Ярослава Ярославича.

Что касается наиболее ранней из возможных дат, нам представляется весьма сомнительной возможность отнести «Устав» ко времени Ярослава Всеволодовича, т. е. до 1236 г. Б. А. Рыбаков, придерживающийся такой датировки, полагает, что Кондрат и Ратибор, ставшие тысяцкими в 60-х годах XIII в., вполне могли быть соцкими еще в 30-х годах этого столетия¹. Такая возможность, разумеется, не исключена, но маловероятна. Б. А. Рыбаков пытался в летописных рассказах о времени Ярослава Всеволодовича отыскать лиц, с которыми можно было бы связать имена соцких «Устава». Кроме Кондрата и Ратибора, действующих в позднейшее время, он называет Олексу Путиловича, Гаврилу Игоревича, Гаврилу Милятинича, Романа Михайловича, Давида и Сидора. Однако все эти отождествления неправомерны. Соцкие, представлявшие от непривилегированных сословий, не могли быть ни боярами, ни духовными лицами. Между тем Олекса Путилович, оба Гаврилы и Роман Михайлович — бояре, Давид — стольник архиепископа, а Сидор — хутынский игумен. На наш взгляд, больше шансов на правильное отождествление с соцкими «Устава» имеют «приятель» Ратибора Гаврила Кыянинович, Олекса Мъртъкиннич и Роман Болдыжевич, упомянутые в летописном рассказе 1270 г.² Однако более важен другой аргумент. Между временем Ярослава Всеволодовича и избранием в тысяцкие Кондрата тысяцкое в Новгороде занимали Фед Якунович, Клим и Жирослав. Если бы «Устав» относился ко времени Ярослава Всеволодовича, мы нашли бы

¹ См.: Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 148.

² См.: НПЛ, с. 88, 319.

в списке соцких этого документа не только Кондрата и Ратибора, но и Жирослава, и Клима, и Феда. Но их там нет, а названы совсем другие лица. Это дает нам уверенность датировать «Устав о мостех» достаточно узко, в пределах первой половины княжения Ярослава Ярославича, с 1265 по 1267 г.

Рассмотрим теперь вторую интерполяцию:

«А тигожаном до коломлян, а коломлянном до Нередичьского мосту, нередичаном до вережан, а вережаном до пидьблян, а пидьблянном до Чюдинчеве улице».

Наличие этого перечисления в контексте раскладки мостовой повинности на территории Детинца понуждало исследователей робко говорить о привлечении в Кремль каких-то окрестных жителей. Какие-либо научно обоснованные попытки локализовать их участки в Детинце (или в любом другом месте) нам не известны. Такая локализация, впрочем, совершенно бессмысленна, поскольку приведенная вставка имеет отношение к иному сюжету.

«Тигожане» — это не «жители одного из новгородских предместий»¹, а население погоста Тигоды, находящегося неподалеку от впадения в Волхов реки Тигоды, в 100 верстах от Новгорода вниз по течению Волхова². Ильинский Тигоцкий погост граничил с расположенным ниже Солетцким погостом, на землях которого начиналась порожистая часть Волхова (так называемые Пчевжские пороги)³.

«Коломляне» не могут быть жителями Коломцов или Колмова, находившихся вблизи Новгорода⁴. Коломцы — пустынное, малодоступное место на восточном берегу Ильменя, неподалеку от истока Волхова, где с начала XIV в. находился только Успенский Коломецкий монастырь. Что касается Колмова, то эта местность к северу от Новгорода была только названием основанного в конце XIV в. Успенского Колмовского монастыря, который находился на землях села Королево: «...на Колмове, что

¹ Памятники русского права, вып. 1, с. 215.

² См.: НПК, т. 3; Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 г., 1-я половина. СПб., 1868, с. 358.

³ См.: Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях, т. 1, тетр. 1. Новгородская губерния. СПб., 1844, с. 58.

⁴ См.: Памятники русского права, вып. 1, с. 215.

в селе Королеве»¹. Поэтому под «коломлянами» (или «коломнянами», как в списке Летописи Авраамки) нужно понимать население Коломенского погоста, находящегося в 35 верстах от Новгорода вниз по течению Волхова².

Нередицкий мост хорошо известен летописцу, записавшему под 1421 г.: «Того же лета бысть вода велика в Волхове и снесе Великий мост и Нередицкой и Жилотужьский»³. Система мостов соединяла Новгород по правому берегу Волхова с восточным Ильменским побережьем. Жилотужский мост, упоминаемый в первый раз под 1338 г.⁴ был перекинут через исток Жилотуга (нынешний исток Малого Волховца), а Нередицкий мост — через древний исток Малого Волховца, ныне (после прорытия в 1797—1802 гг. Сиверсова канала) существующий в виде обмелевших Моисеевских речек к югу от Городища. На старинных планах широкое русло Малого Волховца хорошо видно⁵.

«Вережане» — не жители «Неревского побережья»⁶, а население Поверьяжья, местности по течению реки Вереяжи, впадающей в Ильмень в 25 верстах южнее Новгорода в Паозерье, но в своем среднем течении отстоящей от Новгорода на 3 версты⁷.

Наконец, «пидьбляне», хорошо известные летописцу в связи с рассказом о крещении новгородцев⁸, — жители Никольского Пидебского погоста в 6 верстах от Новгорода, ниже по течению Волхова⁹.

Если соединить все эти пункты в той последовательности, в какой они перечислены в тексте вставки, то по-

¹ Запись о ружных церквях и монастырях в Новгороде и в Новгородских пятинах, составленная в XVI в. при новгородском архиепископе Александре (1577—1589). — «Временник ОИДР», кн. 24. М., 1856, смесь, с. 37.

² См.: НПК, т. 3, с. 455.

³ НПЛ, с. 413.

⁴ См.: там же, с. 348.

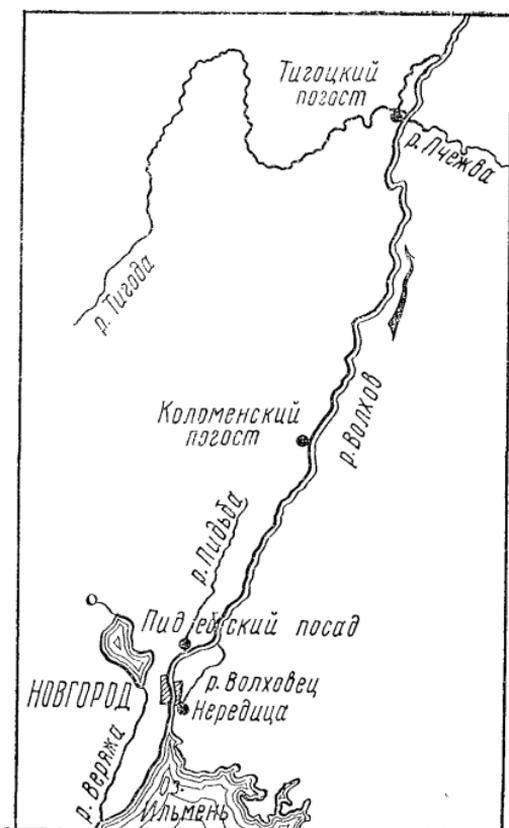
⁵ См., например: *Голубцов И. А.* Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI—XVII вв. и отражение их на русской карте середины XVII в. — «Вопросы географии», вып. 20, 1950, вклейка; *Муравьев Н. Н.* Исторические исследования о древностях Новгорода. СПб., 1828, карта.

⁶ Памятники русского права, вып. 1, с. 215.

⁷ См.: *Андряшев А. М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг., т. 1. Списки селений. М., 1914, с. 3—15.

⁸ См.: НПЛ, с. i60.

⁹ См.: НПК, т. 3, с. 13.

Расположение пунктов, названных во второй интерполяции к «Уставу о мостех»

лучим маршрут движения по Волхову от Тигоды к Коломне, отсюда сначала по Волхову, а потом по Волховцу к Нередицкому мосту, затем через широкий исток Волхова на западный берег Ильменя к Веряже, наконец, от Веряжи к устью Пидьбы. Такой маршрут в связи с главной задачей «Устава о мостех» мог иметь только однозначный смысл. Для мощения улиц и сооружения Великого моста нужен был строевой лес, который требовалось заготавливать и доставлять в Новгород. Сама повинность по транспортированию этого леса должна быть разверстана, а результаты такой разверстки мы видим в рассматриваемой интерполяции.

Транспортировка леса из районов, расположенных ниже порогов, очевидно, была затруднительна. Не потому ли так легко новгородцы предоставляли право порубки на Неве иноземным гостям: «А придет гость на Неву и понадобится ему дерево или мачтовый лес, рубить их ему по обеим берегам реки, где захочет»¹. Иное дело, область между Новгородом и порогами. Здесь лес, собранный в поймах Тигоды и Пчевжы², транспортируется тигожанами до Коломны, затем коломнянами направляется дальше по Волхову до Нередицкого моста. Обходное вокруг

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 59, № 31 (1269).

² Об особом лесопромысловом значении этого района в древности говорит его специализация даже в XVIII в., когда из него в Петербург в течение одного года поступил 1141 плот сосновых бревен (см.: Чулков М. Историческое описание российской коммерции, т. 4, кн. 5. М., 1786, с. 641).

Новгорода движение хорошо объяснимо: плотогонам нужно было избежать прохода под Великим мостом. При сравнительно небольшой ширине Волхова (около 200 саженей) мост, опирающийся более чем на 20 быков, оставлял крайне узкие проходы, которые годились лишь для движения ладей. Другим препятствием для прохода под мостом была его незначительная высота, что хорошо передано на одном из клейм новгородской иконы Варлаамия Хутынского в деяниях и чудесах¹. Показательно также, что все вымолы — пристани расположены выше Великого моста, будучи наиболее доступны для подхода со стороны Ильменя².

Нередичане собирали волховский лес и, вероятно, сплавной из Помостья и перегоняли его в Новгород. Следующий за нередичанами участок связан с повинностями веряжан. Река Веряжа ближе всего подходит к Новгороду у современной Новой Мельницы, напротив Чудинцевой улицы, а верховья этой реки, бывшей в древности достаточно полноводной, касаются земель Никольского Пидебского погоста. Думается, что и веряжане, и пидебляне (также в обход Великого моста) транспортировали лес по Веряже, чтобы затем из района, ближе всего расположенного к Новгороду, уже сухопутными средствами доставлять его к Детинцу. Характерным кажется название двух новгородских монастырей, расположенных в этой части Поверяжья, — Славский и Мостижский.

Некоторым противопоказанием изложенному пониманию рассмотренной вставки является то обстоятельство, что значительная часть маршрута по транспортировке леса направлена против течения. Однако обратимся за справкой к квалифицированной характеристике Волхова, изданной задолго до изменения свойств этой реки в результате строительства Волховской гидроэлектростанции: «Падение Волхова на протяжении 206 верст не более 47 футов и 10 дюймов. Если из этого вычесть $\frac{2}{3}$ для порогов, то для остального пространства 180 вер. останется не более 15 фут. склону. После этого не удивительно, отчего судоходство по Волхову чрезвычайно медленно; в безветрие, даже по течению, суда тянутся бичевою При

¹ См.: Гусев П. Л. Новгород XVI века по изображению на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия». — «Вестник археологии и истории», вып. XIII. СПб., 1900, с. 46.

² В 1533 г. во время эпидемии новгородцы берут лес для постройки обыденной церкви «на рли во Славне» (ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3. Л., 1929, с. 550).

Изображение Великого моста на клейме Хутынской иконы

сильном напоре льда весной Волхов иногда останавливается и принимает обратное течение»¹.

Заметим в заключение, что маршрут транспортировки леса проложен так, что обеспечивает участие в ней всех пяти новгородских пятин.

Таким образом, обе вставки имеют смысловую связь с основным текстом «Устава», и их присутствие на полях его оригинальной рукописи закономерно.

Приложение

1. «ПУШКИНСКИЙ» ИЗВОД «УСТАВА О МОСТЕХ»

А се¹ устав Ярослава² князя³ о мостех⁴. Осмеником поплата. В⁵ Людин конець через греблю к⁶ Добрыни улицы в городная ворота до Пискупли улицы⁷, с прусы⁸ до Бориса и Глеба⁹ мостити¹⁰. А тигожанам до коломян¹¹, а коломяном до Нередичьского мосту¹². Нередичаном до вережан¹³, а вережаном¹⁴ до пидьблян¹⁵, а пидьблян¹⁶ до Чюдинчеве улице, а Чюдинчеве улице¹⁷ с загородци до городных ворот. А владыце сквозе городная ворота с изгой и с другими изгой до Острои городни. 1-я Давыжа¹⁸ ста, 2-я Слепчева ста, 3-я Бъвыкова¹⁹ ста, 4-я Олексина ста, 5-я Ратиборова ста, 6 Кондратова ста, 7 Романова ста, 8 Сидорова ста, 9 Гаврилова ста, 10 Княжа ста, 11 Княжа²⁰, 12 Ржевская, 13 Бежичкаа, 14 Вочьскаа, 15 Обонискаа²¹, 16 Лускаа²², 17 Лопьскаа²³, 18 Поволховьскаа²⁴ трои²⁵ риле, 19 Яжелвичьскаа²⁶ двои риле, до софьян²⁷, софьяном до тысячьского, тысячьскому до вощник, от вощник посаднику до великого ряду, от великог(о) ряду²⁸ князю до Немецкого вымола, немцем до Ивана²⁹ вымола, гтом³⁰ до Алфердова³¹ вымола до от³² заднего, а от Алфердова³³ вымола о(г)нищаном³⁵ до Будятина³⁶ вымола³⁷, Ильинцам до Матфеева вымола, Михайловцам³⁸ до Бардовы улице, а Виктовцам³⁹ до⁴⁰ Климатинных⁴¹ сеней.

¹ EV — «А се» нет; ² МП — Ярославль; ³ МП, SMV — нет; ⁴ SMV — мосте; ⁵ ЛА — нет; ⁶ МП — до; ⁷ SMV — добавлено «а

¹ Описание Российской империи, т. 1, тетр. 1, с. 57—58.

Пискупли улицы»; ⁸ ЛА — Пруской; ⁹ СМV — вместо последних трех слов «Борисоглеба»; ¹⁰ МП — нет; ¹¹ ЛА — коломнян; ¹² МП — «а коломлянном до Нередичьского мосту» нет; ¹³ МП — бережан; ¹⁴ МП — бережаном; ¹⁵ СМV, ЛА — пидоблян; ¹⁶ СМV, ЛА — пидоблянном; ¹⁷ СМV — «Чюдинчеве улице» нет; ¹⁸ СМV — Давыжь; ¹⁹ МП — Бобыкова; СМV — Быкова; ²⁰ МП — Княжа ста; ²¹ СМV — Обоижская; ²² СМV, ЛА — Лучкаа; ²³ ЛА — «17 Лопьская» нет; ²⁴ МП — Волоховьская; ²⁵ МП — 3 и; ²⁶ МП — Яжелбичкая; ²⁷ МП — торгу; ²⁸ МП — «от великого ряду» нет; ²⁹ МП — Еваня; ³⁰ СМV — готвом; ЛА — готом; ³¹ МП — Гаралда; СМV — Афедорова; ³² МП — нет; ³³ МП — Вералдова; ³⁴ СМV, ЛА — «до от заднего, а от Алфердова вымола» нет; ³⁵ МП — нет; ³⁶ МП — Бутятина; ³⁷ МП — добавлено «прочь»; ³⁸ МП — Михайлове улице; ³⁹ МП — Витковляном; СМV — Видковцам; ЛА — Вытьковцам; ⁴⁰ ЛА — нет; ⁴¹ МП — Клемяных.

2. «КАРАМЗИНСКИЙ» ИЗВОД «УСТАВА О МОСТЕХ»

О городских ¹ мостех. Осмешики ² поплата ³. В ⁴ Людин конець чрес греблю ⁵ от Добрыни ⁶ улицы в городняя ворота ⁷ до Пискупли ⁸ улицы, а Пискупле улице ⁹ с прусы ¹⁰ до Бориса и Глеба, а тигожаном ¹¹ до коломлян ¹², а коломлянном ¹³ до Нередичького ¹⁴ моста, а нередичаном ¹⁵ до вережан ¹⁶, а вережаном ¹⁷ до пидблян, а пидблянном ¹⁸ до Чюдинчеве улице, а Чюдинчеве улице с загородни ¹⁹ до городних ²⁰ ворот. А влад(ы)це сквозе городняя ворота ²¹ с изгой, а с другими до Острои городни ²². 1 Давыдыжа ²³ ста, 2 Слепцева ²⁴, 3 Бовыкова ²⁵ ста, 4 Олексина ²⁶ ста, 5 Ратиборова ²⁷ ста, 6 Кондратова ста, 7 Романова ста, 8 Сидорова ста, 9 Гаврилова ста, 10 ²⁸ Княжа ста, 11 Княжа, 12 Ржевская, 13 Бежицкая, 14 Водская ²⁹, 15 Обонезьская ³⁰, 16 Лузская ³¹, 17 Лопьская ³², 18 Волховская, 19 Яжелбичьская двой рили, до торгу, софьяном до тысяцьского, тысяцкому до воцник, от воцник посаднику до великого ряду, от великого ряду ³³ князю ³⁴ до Немецког(о) ³⁵ вымола, немцем до Еваня ³⁶ вымола, гтом до Гелардова вымола до заднего, от Гелардова вымола ³⁷ огнищаном до Будятина ³⁸ вымола. Ильинцам ³⁹ до Матеева вымола ⁴⁰, а Михайловцем до Бардове ⁴¹ улки, а Видковцем ⁴² до Климятиных сенен.

¹ БЛІV — гороцких; ² К, БЛІV — осмешики; БА — осменьнике; ³ ВА — но плата; ⁴ АОП, К, БА, БЛП, УИИ, ВА, ТВV, В — А в; ⁵ АОП, К, БА, БЛП, УИИ, ВА, ТВV, В — греблю; ⁶ АОП, БЛП, УИИ, ТВV, В — Добрынины; ⁷ АОП, К — врата; ⁸ АОП, К, БА, БЛП, УИИ, ТВV, В — Пискупли; ⁹ АОП, К, ВА, В — «а Пискупле улице» нет; ¹⁰ АОП, К — «с прусы» нет; БА, БЛП, УИИ — с пругы; ¹¹ АОП, К — тиможеном; БА, БЛП, УИИ, ВА, ТВV, В — тигорожаном; ¹² АОП, БА, ТВV, В — коломнян; БЛП, УИИ, ВА — коломнянин; ¹³ БА, БЛП, УИИ, ВА, ТВV, В — коломняном; ¹⁴ АОП — Неретьско на; К, БА, БЛП, УИИ, ВА, ТВV, В — Неретьского; БЛІV — Перетского; ¹⁵ АОП, К — нередичаном; ¹⁶ АОП, К, БА, БЛП, УИИ, ТВV, В — веряжан; ¹⁷ АОП, К, БА, БЛП, УИИ, ТВV, В — веряжаном; ¹⁸ В — пидябленом; ¹⁹ АОП, К, БА, БЛП, ТВV — загорожаны; УИИ, ВА — горожаны; В — вместо «с загорожаны» за горожаны; ²⁰ ВА — городовых; ²¹ АОП, К — врата; ²² АОП, К — улицы; ²³ БЛІV — Довыдыже; ²⁴ АОП, К, БА, БЛП, УИИ, ВА, ТВV, В — Слепцева ста; ²⁵ УИИ — Быкова; ²⁶ БЛП,

УШ — Ратиборова; ²⁷ БЛП, УШ — Олексина; ²⁸ ВА — «10» — нет; ²⁹ АОП, К, ТВV, В — Володская; БЛIV — Волоцкая; ³⁰ АОП, К, БА, БЛП, УШ, ВА, ТВV, В — Обонжеская; ³¹ АОП, К — Луская; БА, БЛП, УШ, ВА, ТВV, В — Лужская; ³² АОП, К — Лобская; В — Холопская; ³³ БА, БЛП, УШ — «от великого ряду» нет; ³⁴ К — князя; ³⁵ К — Неметьго; ³⁶ АОП, К, БА, БЛП, УШ, ТВV, В — Ивана; ³⁷ ВА — «немцем до Ивана вымола ...от Гелардова вымола» нет; ³⁸ АОП; К — Будитина; БА, БЛП, УШ, ТВV, В — Будетьтина; ³⁹ АОП, К — Ильицаном; ⁴⁰ ВА — добавлено «до задняго ...от Гелардова вымола огнищевам до Будет(ь) тина вымола»; БЛIV — «Ильицаном до Матеева вымола» нет; ⁴¹ АОП, К — Бардины; ⁴² АОП, К, БА, БЛП, УШ, ВА, ТВV, В — Видоковичам.

ЦЕРКОВЬ БОРИСА И ГЛЕБА
В НОВГОРОДСКОМ ДЕТИНЦЕ
(О НОВГОРОДСКОМ ИСТОЧНИКЕ
«ЖИТИЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО»)

Разрушенная около трехсот лет назад новгородская церковь Бориса и Глеба в Околотке давно привлекает внимание исследователей. Известия о ней немногочисленны, но в ряде случаев они выходят за рамки чисто «архитектурного паспорта» памятника, позволяя ставить сложные проблемы историко-политического характера.

Впервые о строительстве церкви Бориса и Глеба «в граде» упоминается в летописи под 1146 г. Нет сомнения, что это была деревянная постройка, и ей не предшествовала более ранняя одноименная церковь: это первый в Новгороде Борисоглебский храм, он возникает сразу после закладки в 1145 г. каменной церкви Бориса и Глеба на Смядыни в Смоленске¹ как первый отклик на столь значительное в новом утверждении борисоглебского культа событие.

В 1167 г. на смену деревянной церкви закладывается каменная, оконченная и освященная в 1173 г.² Два обстоятельства, связанных с этим строительством, особенно стимулируют интерес исследователей. Во-первых, строителем церкви новгородские летописи, включая древнейший Синодальный список, называют Сотко Сытинича, в котором предполагается прообраз былинного Садко. Во-вторых, летописцы отождествляют место церкви Бориса и Глеба с тем участком, на котором некогда стояла первая дубовая тринадцативерхая София, построенная в 989 г., а затем сгоревшая. Древнейшим дошедшим до нас источником этого последнего сообщения является показание Комиссионного списка Новгородской Первой летописи под 6557 г.: «Месяца марта в 4, в день суботный, сгоре святая Софея; беаше же честно устроена и украшена, 13 верхи имущи, а ту стояла святая Софея конец Пискупле улице, идеже ныне поставил Сотьке церковь камену святого Бориса и Глеба над Волховом»³.

¹ См.: Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М. — Л., 1950, с. 27, 214.

² См. там же, с. 32, 34, 219, 223.

³ НПЛ, с. 181; Новгородские летописи. СПб., 1879, с. 2, 145, 173.

Не подлежит сомнению подозрительная противоречивость этого известия. Древнейший Синодальный список Новгородской Первой летописи никак не локализует деревянную Софию и называет другую дату ее пожара: «В лето 6553. Съгоре святая София, в субботу, по заутрнии, в час 3, месяца марта в 15. В то же лето заложена бысть святая София Новегороде Володимиромь князем»¹.

Какая из этих дат истинна? Н. Г. Бережков признавал таковой названную Комиссионным списком, т. е. 6557 г. Основой для этого вывода послужило соответствие 4 марта субботе в 1049 г. и несоответствие 15 марта субботе в 1045 г. Необходимость исправления даты в Синодальном списке, по предположению Н. Г. Бережкова, диктовалась потребностью указания причинной связи между пожаром старой Софии и закладкой новой. Редактора Синодального списка смутило то обстоятельство, что новая София строится еще тогда, когда существует старая. Поэтому он якобы перенес известие о пожаре, стоявшее в первоисточнике под 6557 г., на 6553 г., устранив из него указание на первоначальное место храма и на сооружение на нем в более позднее время церкви Бориса и Глеба. С другой стороны, в Синодальном списке, редактор которого в связи с предпринятой им перестановкой текста изменил день пожара, сохранилось указание на точный час этого события, опущенное в дальнейшем сводчиками Новгородской Первой летописи младшего извода². Такое явно искусственное построение могло бы быть оправдано, если бы день пожара, показанный в Синодальном списке, действительно не соответствовал бы субботе. Однако 6553 г., начавшись в 1045 г., закончился в 1046 г., а 15 марта 1046 г. приходится как раз на субботу. Иными словами, допустив здесь употребление циркамартовской датировки, мы лишаемся возможности опорочить известие Синодального списка. Признавая его истинность, мы, между прочим, должны относить начало строительства каменной Софии не к 1045 г., как это обычно делается, а к 1046 г.

Что касается показания Комиссионного списка, его противоречивость не в том, что, согласно его версии, закладка новой церкви предшествует пожару старой. Более

¹ НПЛ, с. 181; Новгородские летописи. СПб, 1879, с. 16.

² См.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963, с. 221.

парадоксально другое обстоятельство. Южная часть новгородского Детинца, в которой расположена церковь Бориса и Глеба, была включена в систему фортификаций лишь в 1116 г.¹ Иными словами, отождествляя вслед за Комиссионным списком места постройки первоначальной Софии и церкви Бориса и Глеба, мы вынуждены будем признать, что городской собор Новгорода был сооружен вне града, а это само по себе вызывает недоумение.

Согласно версии Комиссионного списка, старая София спорела за год до создания новой, но на протяжении трех лет она сосуществовала с новым строящимся храмом. Между тем легенда позднейших летописцев утверждает, что во время строительства каменного Софийского собора церковная служба совершалась в храме Иоакима и Анны². Такое свидетельство лучше согласуется с показанием Синодального списка, оставляющим город без собора на все время строительства 1046—1050 гг. Следует отметить, что раскопками 1940 г. во время вскрытия участка Борисоглебской церкви тезис о местонахождении под ней первоначальной Софии не был подтвержден³.

Приведенные материалы позволяют сделать предположение о вторичности текста Комиссионного списка. Его переделки тенденциозны, а цель их заключается в намерении подчеркнуть особое значение Борисоглебской церкви в ту эпоху, к которой относится сама эта редакторская операция.

В 1262 г. церковь Бориса и Глеба «съгоре от грома»⁴. Рассказывая об этом, летописец замечает, что она «гораздо бо бяше и лепа». Оценивая результаты ее раскопок, М. К. Каргер пишет: «...храм представлял исключительно монументальное сооружение, не уступавшее по своим размерам одной из самых величественных построек Новгорода — собору Георгия в Юрьевом монастыре»⁵. В ходе новых раскопок 1969 г. внутри ныне суще-

¹ См.: *Алешковский М. Х.* Новгородский детинец 1044—1430 гг. (по материалам новых исследований). — «Архитектурное наследие», т. 14, 1963.

² См.: Новгородские летописи, с. 181.

³ См.: *Строков А. А.* Раскопки в Новгороде в 1940 году. — «Краткие сообщения ИИМК АН СССР», вып. XI, 1945, с. 65.

⁴ НПЛ, с. 83, 311.

⁵ *Каргер М. К.* Новгород. Л., 1970, с. 69—70.

ствующей церкви Андрея Стратилата М. К. Каргеру удалось обнаружить остатки хорошо сохранившейся лестничной башни, которая вела на полаты церкви¹.

Будучи восстановлена после пожара, церковь между 1300 и 1302 гг. рухнула². В 1302 г. она была заложена вновь, в 1305 г. ее строительство было окончено, и в том же году она была освящена³. В 1350 г. ее поновили⁴. В 1405 г. во время пожара Людина конца, Прусской улицы и Детинца она «вся выгоре»⁵. В 1441 г. архиепископ Евфимий поставил церковь Бориса и Глеба на старой основе, «и быша ему пособники новъгородци»⁶. Впрочем, и предыдущие возобновления постройки не нарушали ее первоначального плана, что вполне очевидно из материалов раскопок 1940 г.

В «Описании новгородских семи соборов», составленном между 1463 и 1508 гг.⁷, церковь Бориса и Глеба в Околотке не имеет приделов: стоящая рядом с ней маленькая церковь Андрея Стратилата обозначена здесь как самостоятельный храм⁸. Роспись ружных церковей времени архиепископа Александра (1577—1589) уже именуется Андреевскую церковь придельной к Борисоглебской⁹. На известной Хутынской иконе церковь Бориса и Глеба имеет две главы — большую в центре ее перекрытия и малую в юго-западном углу, что точно соответствует выявленному раскопками плану церкви с сохранив-

¹ См.: Каргер М. К. Указ. соч., с. 70.

² В 1330 г. в ней еще совершалась служба (см.: НПЛ, с. 91, 330); в 1302 г. «заложиша церковь камену святого Бориса и Глеба, которая порюжилась» (НПЛ, с. 91, 331).

³ См.: НПЛ, с. 92, 332. Церковь Бориса и Глеба в известиях 1302 и 1305 гг. не локализована. Однако в эту эпоху из всех новгородских Борисоглебских церковей только кремлевская была каменной. Из одноименных новгородских церковей церковь Бориса и Глеба на Подоле в 1311 г. была деревянной (см.: НПЛ, с. 93, 334), первая каменная постройка в Плотниках относится к 1377 г. (см.: НПЛ, с. 375), на Гзени — к 1424 г. (см.: НПЛ, с. 415).

⁴ См.: Новгородские летописи, с. 230.

⁵ НПЛ, с. 398.

⁶ Там же, с. 421, 463.

⁷ Самая поздняя из названных в этом документе церковь Сергия Радонежского построена в 1463 г. (см.: Новгородские летописи, с. 53), но созданной в 1508 г. церкви Похвалы Богородицы на Владычном дворе (см. там же, с. 312) в нем еще нет.

⁸ См.: Никольский А. Описание семи новгородских соборов по списку XVI в. в С.-Петербургской библиотеке св. Синода. — «Вестник археологии и истории», вып. X. СПб., 1898, с. 80.

⁹ См.: «Временник ОИДР», кн. 24. М., 1856, с. 27.

шимся до наших дней в несколько более позднем варианте приделом¹. Еще раз Борисоглебская церковь изображена на омофоре патриарха Никона². Последнее известие о ней относится к середине XVII в. — к 1652 г. В документе конца XVII в. (1682—1696) о церкви Бориса и Глеба в Детинце сказано: «Церковь в прошлых в давних годех в раззорении и вся до основания разобрана»³.

Изложив внешние факты истории Борисоглебской церкви, мы должны остановиться на некоторых нюансах письменных сообщений о ней, позволяющих говорить о значении этого храма в разные эпохи. Возможно назвать три периода, характеризующихся заметной разницей в статусе этой церкви.

Наименее интересен из них третий, последний период, совпадающий с московским временем, но начинающийся, возможно, еще в последние годы новгородской независимости. В конце XV — первой половине XVII в. церковь Бориса и Глеба ничем не выделяется, занимая положение рядовой приходской церкви в системе соборного участка храма Михаила архангела на Прусской улице⁴.

Значительнее первый период существования этой церкви, захватывающий примерно середину — вторую половину XIII в. Только что мы отметили зафиксированную в позднем источнике организационную связь Борисоглебской церкви с Прусской улицей. Она, собственно, и стояла на Прусской улице, в той ее части, которая, будучи отрезана фортификациями 1116 г., продолжалась на территории Детинца. «Устав Ярослава о мостех», определяя мостовую повинность жителей Прусской улицы, предпи-

¹ См.: *Гусев П. Л.* Новгород XVI в. по изображению на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия». — «Вестник археологии и истории», вып. XIII, СПб., 1900; *Строков А. А.* Указ. соч., с. 69, рис. 30. А. А. Строков ошибается, полагая, что малый купол венчает башню (см. там же, с. 66). На месте башни уже в XVI в. стоял придел Андрея Стратилата.

² См.: *Мацулевич Л. А.* Храмы Детинца на неизданном плане Новгорода XVII в. Сборник Новгородского общества любителей древности, вып. 3. Новгород, 1910, с. 3—6.

³ *Мацулевич Л. А.* О времени разрушения Борисоглебской церкви в новгородском Детинце. — Новгородская церковная старина. Труды Новгородского церковно-археологического общества, вып. 1. Новгород, 1914, с. 186—187.

⁴ См.: *Никольский А.* Указ. соч., с. 79—80.

сывает: «...с прусы до Бориса и Глеба мостити»¹. Нам уже приходилось доказывать, что боярская Прусская улица была политическим центром сначала Людина конца, а затем — с образованием в конце XIII в. Загородского конца как особой административной единицы — центром обоих этих концов Софийской стороны². Имеются некоторые основания видеть в Борисоглебской церкви первого ее периода вечевой храм прусан и организуемых ими территорий.

Речь идет о показаниях летописного рассказа 1221 г., излагающего подробности последнего столкновения посадника Твердислава и князя. Ополчившись на Твердислава, который в это время был болен, князь Всеволод Мстиславич во главе вооруженных новгородцев встал на Ярославовом дворище. Твердислава же привезли «на санках к Борису Глебу, и скопишася о нем пруси и Людинь коньць и загородци, и сташа около него пълком и урядивъше на 5 пълков»³. Такая демонстрация силы привела к сохранению Твердиславу жизни. Выступая в этом рассказе как место сбора консолидированных Прусской улицей политических сил, церковь Бориса и Глеба демонстрирует несомненные признаки вечаемого кончанского храма.

Самым любопытным оказывается второй период существования Борисоглебской церкви, охватывающий время с конца XIII до середины XV в. В 1300 г. единственный раз в истории новгородской кафедры поставление архиепископа происходит в самом Новгороде, куда ради этого акта съехались митрополит Максим, ростовский епископ Семен и тверской епископ Андрей. Они «поставиша архиепископа Новугороду Феоктиста; знаменаша

¹ НПЛ, с. 507.

² См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962; Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). — «История СССР», 1971, № 2, с. 40. Важнейшие аргументы в этой связи см. в кн.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 109—110.

³ НПЛ, с. 60, 262. Сам Твердислав был жителем Прусской улицы. В 1176 г. его отец Михаил Степанович поставил здесь церковь Михаила архангела (см.: НПЛ, с. 35, 224). В 1219 Твердислав с братом Федором на месте этой деревянной церкви сооружают каменную с приделом Трех святых отроков; это строительство было закончено в 1224 г. (см.: НПЛ, с. 59, 63, 260, 267). Постригся Твердислав, как и его отец, в Аркаже монастыре (см. НПЛ, с. 50, 60, 246, 262) — кончанском монастыре загородцев).

его в церкви святою Бориса и Глеба, месяца июля (ошибка летописца, следует «июня». — В. Я.) 29; того же месяца и поставиша его в святой Софьи, на память святою апостолу Петра и Павла (то есть 29 июня. — В. Я.)»¹. Церковь Бориса и Глеба как место торжественной церемонии выбрано не потому, что Софийский собор почему-либо в этот момент не был доступен: в тот же день церемония продолжена и в Софии. Нужно полагать, что Борисоглебский храм к этому времени приобрел характер общегородского (общегосударственного) института. Отметим особо, что Феоктист был ставленником прусского боярства, коль скоро до избрания на кафедру он игуменствовал в Благовещенском монастыре² — кончанском монастыре Людина конца.

Вывод о приобретении церковью Бориса и Глеба особого статуса подтверждается летописным сообщением 1350 г. Борисоглебский храм был поновлен «ореховским серебром», т. е. военной добычей новгородцев, вернувшихся из удачного похода на Ореховец в 1348 г.³ Государственный трофей Новгорода не мог быть использован в постройке локального значения.

Симптоматичным оказывается и цитированное выше летописное сообщение 1441 г. о строительстве церкви архиепископом Евфимием, которому были «пособници новгородци», а не жители какой-либо улицы или какого-нибудь конца.

Ретроспективное указание на особое государственное значение Борисоглебской церкви содержится в источнике 1652 г. На полях Степенной книги, рассказывающей о перуновых палицах — символе межкончанской розни новгородцев, сделана приписка, утверждающая, что эти палицы хранились именно в Борисоглебской церкви: «Последи же во 7160 году последния палицы у святого Бориса и Глеба взем Никон митрополит новгородский пред собою огнем сожже и тако преста бесовское то тризнице ютоле со оловеными наконечники тяжкими»⁴.

Это сообщение, связующее языческие и христианские реалии и представляющее Борисоглебскую церковь хранительницей традиций, очевидно, смыкается с тенденци-

¹ НПЛ, с. 91, 330.

² См. там же, с. 90, 330.

³ См.: Новгородские летописи, с. 230.

⁴ Мацулевич Л. А. О времени разрушения Борисоглебской церкви в новгородском детинце, с. 187.

озной легендой о совпадении мест первоначальной Софии и храма Бориса и Глеба. Сама по себе редакторская работа, внедрившая на страницы летописи эту легенду и относящаяся все к тому же второму периоду истории церкви Бориса и Глеба, дополняет характеристику памятника как имеющего особое значение в структуре новгородской церковной и политической организации.

Существует еще один круг свидетельств, подтверждающий, что в рассматриваемый период борисоглебский культ приобрел новые черты. Летописным описаниям ратных побед свойственна идея заступничества небесных сил, их покровительства правой стороне. Эта идея ощутима и в Новгородской Первой летописи. В 1169 г. новгородцы побеждают суздальцев «силою крестною и святою богородицею»¹. В 1225 г. Литва преодолена «божиею помочью и святыя София»². В 1234 г. против немцев новгородцам помогает «бог», а против Литвы «пособи бог и крест честными и святая София, премудрость божия»³. В 1238 г. Новгород от татарского нашествия «заступи бог и святая великая зборная апостольская церкви святая Софья и святыи Кюрил и святых правоверных архиепископ молитва и благоверных князии и преподобных черноризець иереискаго сбора»⁴. В 1240 г. в Невской битве новгородцы «сохранены богом и святою Софьею и молитвами всех святых»⁵. В 1262 г. под Юрьевом сыграла роль «честнаго креста сила и святой Софьи»⁶, а в 1269 г. тяжелая победа у Раковора досталась «силою креста честнаго и помочью святыя Софья, молитвами святыя владычица наша Богородица приснодевица Мария и всех святых»⁷.

В интересующий нас период заступничество небесных сил воплощается иначе. В 1301 г. победа над шведами под Венцом достигнута «силою святыя Софья и помощью святою Бориса и Глеба»⁸. В 1348 г. ореховецкий поход выигран «милостью божьею и святеи Софеи заступлением, и молитвами пресвятыя владычица богородица наша, силою креста честнаго, на нь же уповаша, и святою

¹ НПЛ, с. 33, 221.

² Там же, с. 64, 269.

³ Там же, с. 73, 283, 284.

⁴ Там же, с. 76, 289.

⁵ Там же, с. 77, 294.

⁶ Там же, с. 83, 312.

⁷ Там же, с. 87, 317.

⁸ Там же, с. 91, 331.

мученику христову Бориса и Глеба помощью»¹. Самое раннее «участие» Бориса и Глеба в новгородских военных операциях относится к 1242 г., когда Александру Ярославичу в Ледовой битве пособили «бог и святая Софья и святою мученику Бориса и Глеба, ею же ради новгородци кровь свою прольяша, тех святых великими молитвами»².

Первое упоминание пособничества Бориса и Глеба именно в связи с военными событиями времени Александра Невского кажется не случайным после обращения к данным синодика XVI в. из другой новгородской Борисоглебской церкви (в Плотниках). Приведем из него подробную цитату:

«Покой, господи, избиянных на Неве от немец при велицем князе Александре Ярославичи, и княжих воевод и новгородцких воевод и всех избиянных братии нашей, и на Ледом избиянных от немец братии нашей, и на Ракоборе избиянных от немец братии нашей, и у Венца избиянных от немец при князе Андреи, и у Выбора избиянных от немец братии нашей при князе Юрьи, и в Орехове скончавшихся братии нашей, и под Корельским городом избиянных от немец братии нашей, и на Нарове избиянных при князе Александре Ярославлице, и на Мурманех, и на Печере, и в Перме, и на Югре избиянных братии нашей, и под Псковом избиянных братии нашей, и в полуно скончавшихся братии нашей, и в поганьском языки, и на Дону избиянных братии нашей при велицем князе Дмитреи Ивановичи³, и под Торжком избиянных братии нашей от князя Михаила, и згоревших от огня в Торьжку, и в Новомгороде избиянных братии нашей и на Руси избиянных бояляр новгородцких и иных братию нашу от князя Василья Васильевича»⁴.

Как видим, горестный список военных жертв доведен до 1456 г., что указывает на истинное время составления этого поминания, но начато оно жертвами эпохи Александра Ярославича.

Мы далеки от мысли утверждать, что включение в ектеньи подобного списка было спецификой Борисоглебских церквей Новгорода, однако сохранение приведенного поминания именно в одном из борисоглебских синодиков не может не обратить на себя внимание. В XIV — XV вв. культ Бориса и Глеба в Новгороде приобретает ярко выраженный военный характер, в чем легко убедиться, рассматривая сочетание борисоглебских алтарей

¹ НПЛ, с. 361.

² Там же, с. 78, 296.

³ Попутно обратим внимание на это в высшей степени любопытное свидетельство участия новгородцев в Куликовской битве.

⁴ Шляпкин И. А. Синодик 1552—1560 гг. новгородской Борисоглебской церкви. — Сборник Новгородского общества любителей древности, вып. 5. Новгород, 1911, с. 6—7.

с другими алтарями там, где храмы имели приделы. Рядом с церковью Бориса и Глеба возникает церковь Андрея Стратилата в Околотке, приделы во имя Бориса и Глеба появляются у церкви Дмитрия на Лубянице, Георгия на Лубянке, Дмитрия на Славкове¹. И Андрей, и Дмитрий, и Георгий, как известно, были святыми воинами.

К евфимьевскому времени относится еще одна группа памятников, выражающих идею заступничества Бориса и Глеба за Новгород в ратных испытаниях. Имеются в виду легенда о знамени от иконы Богородицы и иллюстрирующая эту легенду икона «Битва новгородцев с сзудальцами». В нижнем ярусе иконы во главе новгородского войска изображаются святые Георгий, Дмитрий, Борис и Глеб².

Итак, во второй половине XIII в. в Новгороде наблюдается очевидное укрепление борисоглебского культа; одним из проявлений этого процесса оказывается приобретение церковью Бориса и Глеба в Околотке особого статуса общегосударственного административного и религиозного центра. Заинтересованной стороной представляется прусское боярство, консолидирующее политические силы Людина и Загородского концов.

Представляется возможным назвать исходный этап работы по укреплению борисоглебского культа. Нам кажется, что им было создание легенды о видении Пелгусия. Напомним эту широко известную легенду. В канун Невской битвы 1240 г. один из ижорских старейшин Пелгусий, в крещении Филипп, находясь в дозоре на морском берегу, услышал шум и увидел насад, в котором стояли в червленых одеждах Борис и Глеб, держа руки друг у друга на плечах, гребцы же были одеты мглою. Пелгусий услышал, как Борис сказал Глебу: «Брате Глебе, вели прести борзо, да поможеви сроднику своему Александру». Оправившись от трепета, Пелгусий сообщил об этом Александру наедине, и тот приказал ему молчать об увиденном.

Признавая создание этой легенды основополагающим шагом в возрождении борисоглебского культа в Новгороде, мы и самую легенду должны признать новгород-

¹ См.: *Никольский А.* Указ. соч., с. 80.

² См.: *Лазарев В. Н.* Новгородская иконопись. М., 1969, табл. 51, 60.

ской. Такой вывод расходится с популярной ныне оценкой «Жития Александра Невского», в котором и содержится рассказ о Пелгусии. Принято считать, что житие сложилось в конце XIII в. вне Новгорода, в стенах Владимирского Рождественского монастыря, где был похоронен Александр Ярославич, а в Новгород проникло значительно позднее, во времена Евфимия II¹.

Основанием такой гипотезы служит, во-первых, отсутствие жития в Синодальном списке Новгородской Первой летописи, окончательно оформившемся в первой половине XIV в., и очевидное его первоначальное использование только в Новгородской летописи типа Комиссионного списка, т. е. в середине XV в.; во-вторых, некоторое расхождение житийных и летописных сведений о деятельности Александра Ярославича, свидетельствующее о том, что местами невыгодный для Александра Ярославича рассказ Новгородской летописи не был вовсе использован агиографом.

В самом деле, житие не опирается на летописную традицию и воссоединяется с Новгородской летописью не раньше XV в. Однако существующее в науке построение отнюдь не исключает возможности внелетописного возникновения и бытования в Новгороде второй половины XIII в. одной из первоначальных версий жития Александра. Агиография пристрастно и тенденциозно подбирает свой строительный материал, избегая, в первую очередь, таких эпизодов, которые противоречат панегирическому тону ее повествования. В общей оценке деятельности Александра между агиографом и новгородским летописцем XIII в. нет противоречий, что, очевидно, проявляется в реплике Синодального списка: «Даи, господи милостивый, видети лице твое в будущий век, иже потрудися за Новгород и за всю Русьскую землю»².

Предположив, что первоначальная версия жития была создана в Новгороде по инициативе прусского боярства для возвеличения кончанского Борисоглебского храма, мы можем обнаружить в житии и другие следы этой

¹ См.: Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1945, с. 205; Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в составе Новгородской I и Софийской I летописей. — Новгородский исторический сборник, вып. 9. Новгород, 1959; Изборник. (Сборник произведений литературы древней Руси.) М., 1969, с. 739 (комментарий Ю. К. Бегунова).

² НПЛ, с. 84, 313.

инициативы. Одним из наиболее популярных мест жития является героический рассказ о шести мужах, особо отличившихся в Невской битве. Это Гаврило Олексич, Збыслав Якунович, Ияков, Миша, Сава и Ратмир. По крайней мере двое из этих героев принадлежат к княжескому двору: Ияков половчанин был ловчим у князя, Ратмир — «от слуг его». Их подвиги неконкретны: Яков «наехав на полк с мечем и мужьствовал, и похвали его князь»; Ратмир «бися леш, и обступиша его мнози; он же от многих ран пад, скончася». Принадлежность Саввы не ясна: «...от молодых людеи»¹. Трудно сказать, подразумевается ли под этим принадлежность к княжеской дружине или к сословию молодых новгородцев. Подвиг Саввы состоял в посечении златоверхого шатра короля.

Остальные трое — новгородцы, и именно они совершают чудеса храбрости, подробно описанные в житии. Гаврило Олексич, не слезая с коня, сброшенный в воду, поднимался и бился с самим воеводою. Збыслав Якунович участвовал во многих схватках и везде побеждал, будучи вооружен одним топором. Миша напал с дружиною на суда и потопил три корабля противника. Кто эти люди, прославленные агнографом на века?

О Мише сообщается в родословце Морозовых: «Князь великий Александр Невский побил Немец, и на том бою у него было 6 мужей храбрых, и от тех ото шти мужей храбрых один был именем Михайло, а прозвище Миша, из Прусския земли, а лежит в Новегороде у Михаила Святого, на Прусской улице...»² Его принадлежность к Прусской улице подтверждается и другими источниками.

Збыслав Якунович в 1243 г. был избран на посадничество, но летописцу известен задолго до этого события. В 1215 г., когда «прусе» убили Острата и его сына Луготу, они были взяты под защиту князем Ярославом Всеволодовичем. Среди обласканных князем прушан были, в частности, Твердислав Михалкович, Збыслав и Олекса³. В последнем за неимением других данных можно предполагать отца Гаврилы Олексича.

¹ НПЛ, с. 293.

² «Временник ОИДР», кн. 10. М., 1851, с. 180.

³ См.: НПЛ, с. 54; 253; об избрании Збыслава Якуновича на посадничество см. там же, с. 164; Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 142.

Следовательно, герои-новгородцы, прославленные «Житием Александра Невского», были столпами боярства Прусской улицы, и их возвеличение оказывается частью того замысла, в основу которого положены политические цели прусского боярства.

Читая в житии реплики агиографа: «...понеже бо слышахом от отец своих и самовидець есмь възраста его»¹, «...си же вся слышах от господина своего Александра и от иных, иже в то время обретошася в той сечи»², — мы видим за ними новгородца, информаторами которого и заказчиками повести были его владетельные соседи, ревностно и целеустремленно укреплявшие авторитет своего конца и своей кончанской церкви.

¹ НПЛ, с. 290.

² Там же, с. 293.

ИЗ ИСТОРИИ ВЫСШИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДОЛЖНОСТЕЙ В НОВГОРОДЕ

К числу фактически не изученных проблем истории новгородского республиканского управления относится вопрос об организационных формах участия в государственных делах различных церковных институтов. Исследователи чаще всего ограничиваются утверждением, что новгородский владыка лично участвовал в государственном управлении, будучи одним из руководителей боярского Совета господ. Обычно при этом отмечается, что руководящая роль владыки обеспечивалась его принадлежностью к числу крупнейших землевладельцев Новгорода. Что касается вопроса о роли в государственном управлении черного духовенства и его политических институтов, то он в литературе не затрагивался вообще.

Постановка этого вопроса тем более своевременна, что советская историческая наука сделала большие успехи в изучении крупного монастырского землевладения Новгорода. В работах С. А. Таракановой-Белкиной и В. Н. Бернадского наглядно показан быстрый рост монастырских латифундий в XIV—XV вв., в результате которого из десятилетия в десятилетие совершалось перераспределение земельного фонда Новгородского государства в пользу монастырских вотчин¹. В XIV и особенно в XV в. монастыри стали играть важную роль в экономике Новгородской республики. Рост богатства монастырей не только укреплял их иммунитет, но и приводил к усилению их воздействия на государственный аппарат. Имеются факты, позволяющие говорить о своего рода сращивании мирской администрации Новгорода с администрацией некоторых монастырей. Речь идет о так называемых кончанских печатях, три серии которых (две полные и одна неполная) сохранились при актах², а два

¹ См.: Тараканова-Белкина С. А. Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939; Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М. — Л., 1961.

² См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, с. 150, № 95; 151—152, № 96; с. 155, № 101 (при последнем акте в настоящее время нет печатей, но они были еще в 10-х годах XX в.,

экземпляра найдены в земле¹. «Приложенные из всех пяти концов» к жалованным грамотам Новгорода, эти буллы, за исключением печатей Славенского и Людина концов, являются собственно монастырскими печатями. На печати Плотницкого конца имеется надпись: «Печать Антоновская» — это булла Антониева монастыря; на печати Неревского конца написано: «Печать святого Николы» или «Печать святого Николы Великого конца Неревского» — это булла Никольского монастыря («Николы Белого»); на печати Загородского конца надпись: «Печать святого Николы в Загородском конце» — это булла другого Никольского монастыря («Николы на Поле»). Если бы перечисленные печати не сохранились случайно при подлинных актах, никто не отнес бы их к разряду кончанских; они не отличаются от обычных хорошо известных монастырских печатей, таких, как буллы Юрьева, Благовещенского, Хутынского, Варваринского, Кириллова, Спас-Нередицкого монастырей².

Особая роль монастырей в республиканском управлении Новгорода привлекает внимание к должности «новгородского архимандрита», неоднократно упомянутой в летописи. Ее принадлежность к числу высших должностей в Новгороде подчеркивается тем обстоятельством, что список «новгородских архимандритов» имеется в приложениях к некоторым летописным сводам, где он помещен среди списков новгородских князей, посадников, тысяцких и владык, т. е. главнейших руководителей Новгородской республики.

Известно три варианта такого списка, один из которых содержится в Комиссионной рукописи Новгородской Первой летописи младшего извода³, другой — в Новороссийском списке Новгородской Четвертой летописи⁴, третий — в Уваровском списке Ермолинского летописца⁵. Во всех трех случаях список архимандритов находится в составе особого обзора, приложенного к летопис-

когда их сфотографировал Н. П. Лихачев); *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. 2, с. 134—138, 229—231, № 758—764.

¹ См.: *Янин В. Л.* Указ. соч., с. 230, № 760—2, 762—1.

² См. *там же*, с. 138—141, 231—232, № 765—771.

³ См.: Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов, с. 475.

⁴ См.: ПСРЛ, т. IV, вып. 3. Л., 1929, с. 627.

⁵ См.: ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, с. 166.

ному своду. Ниже дается сопоставление этих трех вариантов (см. приложение).

Принципиальное совпадение большинства имен и их очередности во всех списках, наблюдаемое при этом сопоставлении, может быть объяснено двояко. При независимом друг от друга происхождении вариантов оно должно было бы свидетельствовать о том, что списки достоверно отражают описываемое ими явление. Но такое совпадение может также указывать на взаимосвязь вариантов или на их восхождение к единому, общему источнику, степень достоверности которого нам не известна. Однако независимое друг от друга происхождение списков исключено. Всем трем вариантам свойственны одни и те же дефекты, указывающие на их восхождение к общему источнику. Так, во всех трех списках отсутствует имя Кирилла, об архимандритстве которого на рубеже XIII и XIV вв. хорошо знают новгородские летописи¹. Нет в списках и Моисея, который, согласно летописному сообщению, до избрания на владычную кафедру какое-то время был архимандритом².

Сопоставляя Комиссионный и Новороссийский списки, следует обратить внимание не столько на большее число имен в Комиссионном списке, что может быть результатом лучшей его исправности, сколько на положение в нем двух имен: Савватий и Дионисий. В Новороссийском списке эти имена помещены не в конце, а в начале. Там после имени пятого архимандрита Ефрема названы Дионисий, Савватий, Дионисий, Мартирий. Что же касается Комиссионного списка, то в нем Мартирий назван сразу же после первого Дионисия, а имена Савватия и второго Дионисия выпущены и перенесены в конец списка. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что составитель Комиссионного списка имел перед глазами оригинал, в котором очередность рассматриваемых имен была тождественна их очередности в Новороссийском списке, но при копировании этого оригинала допустил ошибку: выписывая имя Мартирия вслед за именем Дионисия, он не обратил внимания на то, что это второй, а не первый Дионисий, и пропустил таким образом два имени, впоследствии приписанных в конце списка при его позднейшей проверке. Несомненно, что в Новгороде

¹ См.: НПЛ, с. 90, 93, 328, 330, 333.

² См. там же, с. 97, 340 (под 1324 г.).

получил распространение неисправный вариант с пропущенными и еще не дописанными именами Савватия и Дионисия, поскольку именно такой неисправный вариант лег в основу Ермолинской редакции списка архимандритов.

Взаимоотношение всех трех списков можно представить себе следующим образом. Первоначально существовал протограф, оканчивающийся именем Нафанаила и включающий в общей сложности тридцать шесть имен. В этом протографе имена Савватия и Дионисия занимают принадлежащее им место между первым Дионисием и Мартирием. В какой-то момент копирование протографа порождает список, равный Комиссионному, но без имен Савватия и Дионисия (назовем его списком А). Спустя короткое время пропущенные имена вписаны в конец списка. Несколько позднее тот же протограф копируется еще более небрежно с пропуском имен Далмата, Иоанна, Авраамия, Есифа, Юрия (Новороссийский список). Наконец, в еще более позднее время на основе списка А составляется Ермолинский вариант, дополненный значительным числом новых имен.

Для того чтобы установить даты редактирования, подтвердить правильность выводов, касающихся относительной хронологии вариантов, и решить вопрос об источнике протографа списков и последовательных дополнений к нему, следует сопоставить данные списков с летописными сведениями (пользуемся нумерацией по Ермолинскому летописцу; имена, не сопровождаемые датами, в летописях и в других источниках отсутствуют):

1. Кириак (1119—1128)¹. 2. Стефан. 3. Лазарь. 4. Исая (ок. 1132—1134)². 5. Ефрем. 6. Дионисий (1158—1194)³. (6а). Савватий (1194—1226)⁴. (6б). Дионисий. 7. Мартирий. 8. Феоктист. 9. Варлаам (1270)⁵. 10. Далмат. 11. Арсений (1230)⁶. 12. Козма. 13. Иоанн (1273)⁷. 14. Макарий. 15. Тарасий. 16. Лаврентий (1333—1338)⁸.

¹ См.: НПЛ, с. 21, 22, 205, 206.

² См. там же, с. 23, 208; Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 140, № 81.

³ См.: НПЛ, с. 30, 32, 41, 217, 219, 234.

⁴ См. там же, с. 41; 65, 234, 269.

⁵ См. там же, с. 88, 319; Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 162—163, № 105.

⁶ См.: НПЛ, с. 70, 278.

⁷ См. там же, с. 323, 455.

⁸ См. там же, с. 99, 100, 345, 349.

17. Иоанн. 18. Авраам. 19. Есиф (1337—1345) ¹. 20. Никифор (1352) ². 21. Савва (1375—1377) ³. 22. Григорий. 23. Харитон. 24. Юрий. 25. Борис. 26. Давид (1386) ⁴. 27. Ермола. 28. Парфений (1398) ⁵. 29. Нефедей. 30. Варлаам (1410—1419) ⁶. 31. Симеон. 32. Михаил. 33. Маркиан. 34. Нафанаил. 35. Парфений. 36. Иоанн. 37. Юрий. 38. Мисаил (1444) ⁷. 39. Григорий (1460) ⁸. 40. Афанасий. 41. Савва. 42. Иринарх. 43. Козма. 44. Нон. 45. Варсонофий. 46. Тихон. 47. Феодосий (1475) ⁹.

Наблюдения над датами летописных упоминаний архимандритов позволяют сделать несколько существенных выводов. Во-первых, имена архимандритов названы в списках в хронологической последовательности ¹⁰. Во-вторых, в основе протографа и дополнений к нему лежат внелетописные источники, поскольку подавляющее большинство имен в летописи отсутствует вообще; напротив, как уже говорилось, летопись называет некоторые имена, не отмеченные в списках. В-третьих, очевидно, Комиссионный и Новороссийский варианты составлены между 1410 и 1444 гг., а Ермолинский — после 1475 г.

Даты редактирования списков могут быть подтверждены и несколько уточнены при рассмотрении хронологических контекстов, в которых оказались списки архимандритов. В Комиссионной рукописи список архимандритов помещен в составе обширного хронологического обзора, во всех рубриках которого изложение доведено до 1423 г. ¹¹ В Новороссийской рукописи этот обзор более краток, но все же позволяет утверждать, что изложение в нем также не выходит за пределы 20-х годов XV в. ¹²

¹ См.: НПЛ, с. 100, 347, 349, 356, 357, 460.

² См. там же, с. 100.

³ См. там же, с. 373—375.

⁴ См.: ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848; с. 94; т. V, СПб., 1851, с. 241.

⁵ См.: НПЛ, с. 381—382.

⁶ См. там же, с. 402, 410, 412.

⁷ Надпись на плещанице в ризнице Юрьева монастыря.

⁸ См.: ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, с. 322; Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 174, № 115.

⁹ См.: ПСРЛ, т. VI, с. 201.

¹⁰ Единственное нарушение хронологии — Арсений (№ 11, 1230) после Варлаама (№ 9, 1270) — повторено во всех списках, что также свидетельствует об их восхождении к общему протографу.

¹¹ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 25.

¹² Последним посадником в этом обзоре назван Захарий Кириллович, избранный в 1423 г.; последним митрополитом — Фотий (1410—1431).

Наконец, обзор в Ермолинском летописце составлен не ранее 80-х годов XV в. ¹

Толкование термина «новгородский архимандрит» установилось еще в XIX в. и с тех пор не пересматривалось. В его основе лежит общее представление о судьбах титула «архимандрит» в греческой церкви. Возникший в V в., этот титул первоначально присваивался особому чиновнику епископа, надзирающему над монастырями его епархии. К моменту христианизации Руси такой чиновник уже назывался великим сакелларием, а титул архимандрита приобрел характер почетного и давался главе важнейшего в епархии монастыря. Именно такой характер имел на Руси титул архимандрита Киево-Печерского монастыря (известный с 1174 г.), архимандрита Рождественского монастыря во Владимире (с 1230 г.), архимандрита Богоявленского (позднее Авраамиевского) монастыря в Ростове (с 1261 г.) ². Опираясь на эти аналогии, исследователи прочно связали титул «новгородский архимандрит» с игуменством в новгородском Юрьеве монастыре. «Настоятель этого монастыря, — писал И. Д. Беляев, — один во всем Новгороде имел степень архимандрита, тогда как настоятели других монастырей были только игуменами» ³. «Настоятели его назывались архимандритами по отношению к другим новгородским монастырям, — утверждает Макарий Миролюбов, — даже в то время, когда не было в нем еще архимандритии, учрежденной в 1299 г. ...До 1299 г. настоятели Юрьева монастыря назывались игуменами по отношению к своему монастырю, а по отношению к другим новгородским монастырям именовались архимандритами, то есть начальниками или главными из числа других настоятелей» ⁴. «Относительно происхождения архимандритии как некоторой административной единицы нужно заметить, что архимандриты в древности считались иногда представителями не одного только монастыря, но и целой земли: в Великом Новгороде был один только архимандрит, который поэтому носил титул новгородского, а по под-

¹ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 41.

² См.: Голубинский Е. Е. История русской церкви, т. 1. М., 1881, с. 593 и сл.

³ Беляев И. Д. История Новгорода Великого. М., 1866, с. 122.

⁴ Макарий (Миролюбов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. 1. М., 1860, с. 416.

ведомственному ему монастырю назывался юрьевским игуменом»,¹ — писал А. И. Никитский.

Обращение к источникам, однако, показывает, что дело обстоит далеко не так просто, хотя существующее объяснение термина в своей основе вполне справедливо.

В самом деле, уже на протяжении XII—XIII вв. титул «новгородский архимандрит» трижды появляется на страницах летописи, и всякий раз применительно к юрьевским игуменам. По-видимому, нужно пренебречь самым ранним упоминанием этого титула под 1194 г. («В то же лето преставися Дионисии анхимандрит новъгородчкыи, игумен святого Георгия, поставиша на место его Саватия») ², поскольку слова «анхимандрит новъгородчкыи», имеющиеся в Новгородской Первой летописи младшего извода, отсутствуют в старейшем Синодальном списке и, следовательно, вставлены в позднейшее время. Однако два других упоминания имеются и в той же летописи старшего извода. Под 1226 г. говорится: «...преставися игумен святого Георгия Саватия, архимандрит новгородский, априля в 16 день», а под 1270 г.: «Преставися Варлам, игумен святого Георгия, архимандрит новгородский» ³.

Тождественность новгородской архимандритии и юрьевского игуменства не вызывала сомнения в Новгороде первой четверти XV в. Редактор младшего извода Новгородской Первой летописи опирается на эту тождественность, вставляя слова «архимандрит новгородский» в текст 1194 г. Составитель протографа списка новгородских архимандритов перечисляет имена юрьевских игуменов, начиная с создателя каменного Георгиевского собора Кириака, хотя безусловно была принципиальная разница между юрьевскими настоятелями XII в. и позднейшими архимандритами. По-видимому, дата этого важного изменения, породившего термин «новгородский архимандрит», падает на период игуменства Савватия (1194—1226). Именно с этого времени Юрьев монастырь приобретает какие-то особые права, становясь привилегированной усыпальницей новгородской знати ⁴. О корен-

¹ Никитский А. Очерк внутренней истории церкви во Пскове. — ЖМНП, 1871, май, с. 50.

² НПЛ, с. 234; см. там же, с. 41.

³ Там же, с. 65, 70, 269, 278.

⁴ В 1198 г. в Юрьеве монастыре погребены княжичи Изяслав Ярославич и Ростислав Ярославич (см.: НПЛ, с. 44, 237), в 1204 г. —

ном изменении статуса Юрьева монастыря говорит и необычно подробный рассказ летописи под 1226 г.: «Прежде своего преставления Саватии съзва владыку Антония и посадника Иванка и все новгородце, и запраша братье своеи и всех новгородць: «изберете собе игумена». Они же рекоша: «кого ты благословиши». Он же рече: «въведете Грьцина, попа святуую Костянтину и Елены». И въведоша мужа добра и зело боящеся бога Грьцина, и постригоша и того дни, марта в 2, на святого Федота; и поставиша и игуменом марта в 8, на святого Фефилакта, на сбор»¹.

Можно догадываться, что тем внелетописным источником, который лег в основу протографа списков новгородских архимандритов и последовательных дополнений к ним и который стер разницу между ранними игуменами и позднейшими архимандритами, послужил синодик Юрьева монастыря. Если это так, то наиболее достоверные сведения списков концентрируются возле дат их редактирования, поскольку в этих случаях редактор имел дело с современными ему именами. Допустимо, что в тех частях списка, в которых перечисляются настоятели XII — первой половины XIV в., имеются и инородные имена², но чем ближе к дате составления или дополнения, тем сведения списков становятся более точными.

Соответствие «новгородской» и «юрьевской» архимандритии наблюдается и на протяжении XIV—XV вв., подтверждая общую правильность цитированных выше выводов И. Д. Беляева, Макария и А. И. Никитского. Тем не менее эти выводы остаются весьма односторонними, поскольку они не учитывают принципиальной противоположности терминов «новгородский архимандрит» и «игумен святого Георгия». Такая противоположность хорошо ощущалась летописцем, который в рамках рассказа о событиях XIII в. не пользуется этими терминами как синонимами; в частности, он не объединяет их в единый

посадник Мирошка Нездинич (см. там же, с. 45, 246), в 1207 г. — посадник Дмитр Миршскинич (см. там же, с. 51, 248), в 1230 г. — посадник Семен Борисович (см. там же, с. 70, 277), в 1233 г. — княжич Федор Ярославич (см. там же, с. 72, 282), в 1244 г. — княгиня Феодосия (см. там же, с. 79, 298).

¹ НПЛ, с. 65, 269.

² В частности, вероятно, что в этот список проникли имена некоторых новгородских владык (Мартирий, Далмат, Феоктист), вполне уместные в любом синодике, где они могли быть не выделены в особую рубрику и не сопровождаемы титулами.

термин «архимандрит святого Георгия», что было бы естественно при полной их тождественности.

Какие же новые качества связываются с понятием «новгородский архимандрит»? Прежде всего, это выборность на вече. Выше уже цитировался рассказ 1226 г. Приведем еще два знаменательных текста. Под 1230 г. сообщается: «Той же зиме въведоша с Хутина от святого Спаса Арсения игумена, мужа кротка и смирена, князь Ярослав, владыка Спуридон и весь Новгород, и даша игуменьство у святого Георгия; а Саву лишиша, посадиша и в келии; разболелся, лежав 6 недель, и преставися марта в 15...»¹ Под 1337 г. записано еще более существенное известие: «...наважением дияволимь сташа простая чадь на архимандрита Есифа, а думой старого архимандрита Лаврентия, и створиша вече, и запроша Есифа в церкви святого Николы; и седоша около церкви ночь и день коромолници стерегуще его»². Архимандрития была возвращена Лаврентию и вернулась к Есифу только на следующий год, когда Лаврентий умер. Выборность является особенностью юрьевского настоятельства после 1226 г. Попытки Макария Булгакова распространить тезис о выборности на всех вообще новгородских игуменов³ не подтверждаются документами. Естественно, мы имеем в виду выборность на вече.

Второй особенностью «новгородской архимандритии» была несомненная ограниченность срока архимандритства. Если в других монастырях смена настоятелей вызывалась смертью игумена, или же его определением в более богатый монастырь, или же какими-то чрезвычайными обстоятельствами, то новгородские архимандриты менялись подозрительно часто. Приведем некоторые примеры. Об архимандритстве Лаврентия впервые сообщается под 1333 г.⁴ К 1337 г. он уже не был архимандритом, поскольку этот сан носил Есиф. Между тем в списке Есиф отделен от Лаврентия именами Иоанна и Авраама, следовательно, между 1333 и 1337 гг. архимандрития обновлялась трижды. Савва был архимандритом в 1377 г., а Давид—в 1386 г., но между ними в списке названы еще четыре архимандрита, значит, между 1377 и 1386 гг. ар-

¹ НПЛ, с. 70, 278.

² Там же, с. 100.

³ См.: Макарий (Булгаков). История русской церкви, т. III. СПб., 1868, с. 80.

⁴ См.: НПЛ, с. 99—100, 345.

химандрития обновлялась пять раз. Григорий был архимандритом в 1460 г., а Феодосий — в 1475 г., между ними в списке семь архимандритов, следовательно, в этот промежуток времени архимандрития обновлялась восемь раз.

Третьей существенной особенностью новгородской архимандритии является то необычное обстоятельство, что новгородские архимандриты, водворяясь по избрании в Юрьеве монастыре, не оставляли игуменства в тех обителях, откуда они избирались на этот высокий пост. Так, например, под 1324 г. летописец рассказывает о том, как Моисей был прежде архимандритом у святого Георгия, потом «вышел бяше по своей воли к святой Богородице на Коломци в свой монастырь»¹. Очевидно, Юрьев монастырь Моисей не считал своим, хотя и был в нем архимандритом. Весьма показательна судьба Саввы. До своего избрания в архимандриты он был игуменом Антониева монастыря. В этом монастыре он и погребен, хотя скончался в сане архимандрита: «...преставися анхимандрит новгородчкый Сава месяца мая в 29, на память святого мученика Калиньника; и проводи архиепископ новгородчкый владыка Алексеи с игумены, и с попы, с канделы и со свещами, и положиша у святей Богородицы Онтонова монастыря»². Возможно, сохранял старое игуменство в своем монастыре и Варлаам, который в 1410 г. в сане архимандрита поставил каменную церковь в Лисицком монастыре³. Такое двойное настоятельство может быть только результатом ограниченности срока архимандритства. Избрание на временный пост не должно было вести к разрушению карьеры иерарха в случае потери им архимандритии на очередных выборах.

Подводя итог рассмотренным особенностям новгородской архимандритии, мы можем утверждать, что новгородские архимандриты составляли категорию новгородских магистратов (наряду с такими общеизвестными магистратами, как посадники и тысяцкие), а Юрьев монастырь был их резиденцией. Иными словами, не игуменство в Юрьеве монастыре давало право на обладание титулом «новгородский архимандрит», а избрание в архимандриты доставляло избранному своеобразный приз в виде юрьевского игуменства.

¹ НПЛ, с. 97, 340.

² См. там же, с. 365, 375.

³ См. там же, с. 402.

Сделав такой вывод, мы должны поставить вопрос о природе должности новгородского архимандрита, о той системе, на которую эта должность опиралась и которую она венчала. Отдельные аспекты этой проблемы поддаются объяснению. Так, несомненно, в основе особого статуса Юрьева монастыря лежат первоначальные отношения ктиорства. Примеры независимости отдельных монастырей от местных архиереев известны¹, и в большинстве случаев эта независимость обусловлена изначальным подчинением монастыря своему ктиору. Юрьев монастырь сначала был княжеским монастырем, следовательно, в процессе развития боярской республики право юрисдикции над ним должно было перейти к городу. Выборность новгородского архимандрита является свидетельством независимости от новгородского владыки и этой должности, и Юрьева монастыря. Однако, если принять замечания многих исследователей о том, что термин «новгородская архимандрития» выражает отношение этого института к прочим новгородским монастырям, то, ставя архимандрита во главе новгородских игуменов, мы тем самым признаем существование независимой от владыки организации новгородского черного духовенства.

Опираясь на аналогии в структуре других новгородских государственных институтов, мы должны были бы представлять себе такую организацию покоящейся на основе пятикончанского представительства, т. е. допускать существование особых кончанских монастырей, подлежащих юрисдикции концов, и догадываться, что игумены этих пяти монастырей образуют особый совет при архимандрите. Попытаемся проверить это предположение.

В этой связи весьма существенным кажется показание летописи под 1478 г., согласно которому новгородцы в ответ на требование Ивана III отписать на его имя половину волостей владычных, монастырских и половину волостей новоторжских, чьи бы они ни были, просят, чтобы государь взял половину волостей только с шести монастырей — Юрьева, Благовещенского, Аркадиева, Антонова, Никольского с Неревского конца и Михайловского на Сковородке, а с прочих бы монастырей не брал, ибо те монастыри бедны и земель у них мало². Легко за-

¹ См.: Макарий (Булгаков). История русской церкви, т. IV. СПб., 1886, с. 214.

² См.: ПСРЛ, г. XXV. М.—Л., 1949, с. 319.

метить, что выбор монастырей определен вовсе не тем, что они только богаче других.

Юрьев монастырь был резиденцией архимандрита и находился под юрисдикцией города. Антониев монастырь расположен в местности, противолежащей Плотницкому концу, и, как уже отмечено, утверждал своими печатями грамоты Плотницкого конца. Михайловский Сквородский монастырь расположен около Славенского конца. Никольский монастырь Неревского конца также утверждал своими печатями кончанские грамоты Неревского конца. Благовещенский монастырь находился недалеко от Людина конца; показательно, что в писцовых книгах он именуется «Благовещенским из Горончарского конца монастырем» (тождество названий конца Людин или Гончарский широко известно). Наконец, Аркаж монастырь расположен в местности, противолежащей Загородскому концу. Признавая пять перечисленных монастырей кончанскими, находящимися в таких же отношениях со своими концами, как Юрьев монастырь со «всем Новгородом», мы должны обсудить одно обстоятельство, кажущееся, на первый взгляд, противоречивым. Если эти монастыри кончанские, а монастырские печати в некоторых случаях употреблялись в качестве кончанских, следовало бы ожидать, что при грамотах должны оказаться буллы перечисленных монастырей. Действительно, в двух случаях такие совпадения наблюдаются. В качестве печати Неревского конца использована булла Николо-Бельского монастыря, а в качестве Плотницкой печати — булла Антониева монастыря. Однако на Славенском конце употребляется булла не Михайловского на Сквородке, а Павлова монастыря; в Загородском конце применяется булла не Аркажа, а Никольского на Поле монастыря¹. Думается, что на самом деле противоречия здесь нет. Сквородский монастырь расположен в трех километрах от Новгорода в труднодоступной местности. В значительном отдалении от Новгорода (в двух километрах) находится и Аркаж монастырь, тогда как Никольский Неревского конца и Антониев монастыри расположены на участках, вплотную примыкающих к городу.

¹ Мы не касаемся здесь буллы Людина конца, которая по своему характеру была светской. По существу, собственно кончанской была и Славенская печать, так как она несет надпись: «Печать Славенского конца», — однако на ее обороте изображен св. Павел Исповедник.

Вероятно, Павлов монастырь и Никольский на Поле монастырь были своего рода городскими филиалами основных кончанских монастырей.

О существовании кончанских монастырей, подлежащих юрисдикции концов, свидетельствует, по-видимому, и известная грамота Славенского конца Саввино-Вишерскому монастырю, в которой говорится о передаче монастырю «кончанской земли», «а стояти за ту землю, и за игумена, и за старцов посадником, и тысяцким, и боярам, и житым людем, и всему господину Славенскому концу»¹.

Таким образом, новгородскую архимандритию следует представлять себе в виде особого государственного института, независимого от архиепископа, подчиняющегося вече и формируемого на вече, опирающегося на кончанское представительство и экономически обеспеченного громадными монастырскими вотчинами. В системе новгородских республиканских органов архимандрития была прогрессирующим институтом, поскольку процесс увеличения ее богатств был необратим.

По-видимому, подобная организация черного духовенства существовала и в Пскове, коль скоро Исидор, стремясь вырвать Псков из-под власти новгородского владыки и поставить его в непосредственное подчинение митрополии, основал свое наместничество в Пскове в форме «псковской архимандритии»².

Приложение

СОПОСТАВЛЕНИЕ СПИСКОВ НОВГОРОДСКИХ АРХИМАНДРИТОВ

НПЛ	НЛ	Ерм. л
1. Кириак	1. Кириак	1. Кириак
2. Стефан	2. Стефан	2. Стефан
3. Лазарь	3. Лазарь	3. Лазарь
4. Исая	4. Исая	4. Исая
5. Ефрем	5. Ефрем	5. Ефрем
6. Дионисий	6. Дионисий	6. Дионисий
35. Савватий	7. Савватий	
36. Дионисий	8. Дионисий	
7. Мартирий	9. Мартирий	7. Мартирий

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 148, № 91.

² Псковские летописи, вып. 1. М. — Л., 1941, с. 44, 45; вып. 2. М., 1955, с. 133—134.

[НПЛ	Н4Л	Ерм. л
8. Феоктист	10. Феоктист	8. Феоктист
9. Варлаам	11. Варлаам	9. Варлаам
10. Далмат		10. Далмат
11. Арсений	12. Арсений	11. Арсений
12. Козма	13. Козма	12. Козма
13. Иоанн	14. Иоанн	13. Иоанн
14. Макарий	15. Макарий	14. Макарий
15. Тарасий	16. Тарасий	15. Тарасий
16. Лаврентий	17. Лаврентий	16. Лаврентий
17. Иоанн		17. Иоанн
18. Авраамий		18. Авраамий
19. Есиф		19. Есиф
20. Никифор		20. Никифор
21. Савва	18. Савва	21. Савва
22. Григорий	19. Григорий	22. Григорий
23. Харитон	20. Харитон	23. Харитон
24. Юрий	21. Юрий	24. Юрий
25. Борис	22. Борис	25. Борис
26. Давид	23. Давид	26. Давид
27. Ермола	24. Ермола	27. Ермола
28. Парфений	25. Парфений	28. Парфений
29. Нефедей	26. Нефедей	29. Нефедей
30. Варлаам	27. Варлаам	30. Варлаам
31. Симеон	28. Симеон	31. Симеон
32. Михаил	29. Михаил	32. Михаил
33. Маркиан	30. Маркиан	33. Маркиан
34. Нафанаил	31. Нафанаил	34. Нафанаил
	32. Парфений	35. Парфений
	33. Иоанн	36. Иоанн
	34. Юрий	37. Юрий
		38. Мисаил
		39. Григорий
		40. Афанасий
		41. Савва
		42. Ирнарх
		43. Козма
		44. Нон
		45. Варсонофий
		46. Тихон
		47. Феодосий

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ И ГОРОДСКОЕ БОЯРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Открытие новгородских берестяных грамот, справедливо оцененное исследователями как открытие принципиально нового источника по истории средневековой Руси, вызывает к жизни множество проблем. Это открытие, ставшее достоянием исторической науки в целом и существенно пополнившее фонд письменных источников, в то же время остается, в первую очередь, объектом специального археологического изучения, вне которого практически немыслим источниковедческий анализ берестяных грамот.

Связь новгородских берестяных грамот с археологией не сводится к тому, что грамоты добыты в процессе раскопок, или к тому, что в основу их датировок ложится стратиграфический принцип. Существо дела заключается в том, что берестяные грамоты, обнаруженные в ходе систематических раскопок, составляют только часть обширного археологического комплекса, в который входят прослойки культурного слоя, постройки древних усадеб, а также многочисленные древние предметы. И если для истолкования текста грамоты важна общая характеристика связанного с ней комплекса, то и самый текст берестяного документа является важнейшим в руках археолога орудием для понимания раскапываемого им комплекса.

Археологический комплекс — остатки жилища, ремесленной мастерской или погребение — до массовых находок берестяных грамот в подавляющем большинстве случаев был безыменным. Археологи привыкли пользоваться терминами «жилище XIII века», «мастерская ювелира XII века» или «погребение дружинника X века», и эта безыменность казалась неотъемлемой частью самой специфики археологического источника. Берестяные грамоты, встречаемые во множестве в культурном слое Новгорода, впервые позволили определить по именам хозяев многих (хотя далеко не всех) раскопанных здесь, начиная с 1951 г., усадеб.

Наблюдения над принадлежностью отдельных усадеб естественно ведут к постановке очередной важной про-

блемы — вопроса о взаимосвязи владельцев усадеб. Можно исследовать две линии таких связей: 1) взаимосвязь во времени, преемственность владельцев отдельных усадеб; 2) взаимосвязь соседей-собственников. Оба аспекта проблемы одинаково интересны, поскольку и тот, и другой имеют прямое отношение к общему пониманию внутрисполитической структуры средневекового Новгорода.

Характерной особенностью новгородской боярской государственности была принадлежность власти немногим аристократическим родам, которые в своей политической борьбе постоянно опирались на определенные территориальные связи, вербуя себе сторонников из числа сограждан одной с ними кончанской принадлежности. Внутрикончанские связи отличались известной прочностью, тогда как федерация концов на всем протяжении существования Новгородской боярской республики то и дело демонстрировала незарубцевавшиеся швы, по которым в древности было сшито политическое тело Новгорода. Прочность, традиционность внутрикончанских связей имели в своей основе, как можно догадываться, устойчивость первоначальных боярских гнезд, сохранивших на протяжении веков всю систему экономического и политического влияния на граждан своего конца. В этой связи интересной кажется многократно отмеченная при раскопках устойчивость не только городской планировки, но и усадебных границ, остававшихся практически неизменными на всем протяжении второй половины X—XV в. ¹.

Разумеется, вопрос о взаимосвязи владельцев усадеб может быть решен только в результате подробного изучения всех берестяных грамот и всех усадебных комплексов, однако приступить к его решению возможно лишь путем исследования наиболее достоверного и поддающегося полному истолкованию материала. Таким материалом представляется нам комплекс берестяных грамот, связанных с семьей Мишиничей-Онцифоровичей. С историковедческой точки зрения серия этих грамот обладает несколькими бесспорными преимуществами.

Во-первых, адресатами, а в ряде случаев авторами грамот Мишиничей-Онцифоровичей были хорошо извест-

¹ См.: *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 123, 1963.

ные в истории Новгорода политические деятели, следовательно, сведения о них, почерпнутые из самих грамот, могут быть активно дополнены показаниями других источников. Во-вторых, рассматриваемый комплекс включает в свой состав большое число документов и, таким образом, может быть уверенно привлечен к выводам, касающимся принадлежности сохранивших их усадеб. В-третьих, социальная принадлежность Мишиничей-Онцифоровичей к высшей аристократии боярского Новгорода не требует особых обоснований. Настоящее исследование целиком посвящено комплексу берестяных грамот этой семьи.

1. БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ МИШИНИЧЕЙ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИХ АТРИБУЦИИ

История боярской семьи Мишиничей-Онцифоровичей в общих чертах запечатлена в летописном рассказе, который позволяет связать нитью восходящего родства, по крайней мере, пять представителей этой семьи. Последним ее членом, известным летописцу, был Юрий Онцифорович, впервые упомянутый под 1376 г., избранный на посадничество в 1409 г. и умерший в 1417 г.¹ Летопись, правда, не содержит прямых указаний на его происхождение от Онцифора Лукинича, однако такое указание имеется в списке новгородских посадников, помещенном в начале Комиссионной рукописи Новгородской Первой летописи². Указанный список был составлен около 1423 г.³, т. е. спустя всего лишь шесть лет после смерти Юрия Онцифоровича, и приведенному в нем показанию можно довериться с полным основанием.

Отец Юрия, Онцифор Лукинич, упомянут летописцем впервые под 1342 г.; в 1350—1354 гг. он был посадником, затем отрекся от степени и в 1367 г. умер. Летописец рассказывает о его происхождении от Луки Варфоломеевича, погибшего во время похода на Двину в 1342 г., а до того упомянутого в летописном рассказе под 1333 г.⁴

Летописный контекст не оставляет сомнений в том, что Лука был сыном посадника Варфоломея Юрьевича,

¹ См.: НПЛ, с. 374, 407; Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 233.

² См.: НПЛ, с. 472.

³ См.: Янин В. Л. Указ. соч., с. 25, 258.

⁴ См. НПЛ, с. 345, 355, 362—363; ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, с. 9.

упоминаемого в летописи с 1331 г., а в актах — с 1323 г. и умершего в 1342 г.¹ Рассказ о его погребении сообщает, что Варфоломей был сыном посадника Юрия Мишинича, избранного на посадничество в 1291 г. и погибшего в битве под Торжком в 1316 г.²

Свидетельство о том, что Юрий Мишинич приходился родным братом еще одному посаднику второй половины XIII в. — Михаилу Мишиничу, появившемуся на страницах летописи под 1272 г. и умершему в 1280 г.³, содержится лишь в списке посадников, составленном в 1423 г., т. е. спустя почти полтора столетия после смерти Михаила Мишинича, и может оказаться ложной реконструкцией, основанной составителем списка лишь на тождестве отчеств.

Существуют еще два летописных имени, вызывавших предположения о родстве их носителей с семьей Мишиничей-Онцифоровичей. Под 1376 г. летопись упоминает некоего боярина Максима Онцифоровича, а под 1421 г. — Лукьяна Онцифоровича⁴, редкое отчество и время деятельности которых вполне соответствуют догадкам о том, что они могли быть сыновьями Онцифора Лукинича и братьями Юрия Онцифоровича.

В публикациях А. В. Арциховского выявлено в общей сложности 30 берестяных грамот, полученных или написанных представителями семьи Мишиничей⁵. Из них одна написана Варфоломеем (№ 391), одна — Лукой (№ 389), семь грамот получены (№ 98—101, 180, 339, 385)⁶ и две

¹ См.: НПЛ, с. 344; Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 65, № 3.

² См.: НПЛ, с. 94, 326, 336, 355.

³ См.: там же, с. 322—324, 472.

⁴ См. там же, с. 373; ПСРЛ, т. III. СПб., 1841, с. 139.

⁵ См.: Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958, № 91, 94, 97—101; они же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958, № 157, 167, 180; они же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, № 271, 272, 279, 297, 300, 301, 303, 306—308, 311, 313; Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963, № 339, 354, 358, 362, 370, 385, 389, 391; Арциховский А. В. Письма Онцифора. — Сб.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, с. 109—117.

⁶ В грамоте № 339 нет имени, но адресат назван посадником, и в стратиграфических условиях 7-го яруса (1382—1396) она может соответствовать лишь Онцифору (Юрий Онцифорович был избран на посадничество в 1409 г.).

написаны (№ 354, 358) Онцифором, пять грамот получены Юрием Онцифоровичем (№ 94, 97, 167, 362, 370).

Совокупность перечисленных грамот, сохранивших имена достоверных членов семьи Мишиничей, является важнейшим аргументом в пользу безусловной правильности общей атрибуции всего комплекса. Однако издателем грамот были привлечены и иные убедительные доводы, подтверждающие верность их определения.

Относительная и абсолютная хронология грамот с достоверными именами Мишиничей, устанавливаемая согласным показанием стратиграфических и палеографических данных, полностью соответствует летописной хронологии этих имен. Все пять грамот Юрия извлечены из слоев 5—8-го ярусов, датируемых средствами дендрохронологии 1369—1422 гг. Шесть из девяти грамот Онцифора (№ 99—101, 180, 354, 358) найдены в слоях 9-го яруса, датируемого 1340—1369 гг. Что касается остальных трех, то одна из них (№ 98), обнаруженная в слоях 8-го яруса (1369—1382), фактически принадлежит к тому же документу, что и обрывок № 100, а этот последний был найден в 9-м ярусе. Грамота № 98, таким образом, в древности была перемещена в лежащий выше слой во время каких-то местных работ. В других же грамотах (№ 339, 385), извлеченных из очень поздних слоев 6—7-го ярусов, Онцифор титулуется посадником (в Новгороде был только один посадник с таким именем). Наконец, грамоты Луки и Варфоломея обнаружены соответственно в 10-м (1313—1340) и 11-м (1299—1313) ярусах.

Отмеченные хронологические совпадения были подтверждены А. В. Арциховским характером текстов грамот и титулов их адресатов. Эти адресаты были богатыми феодалами, к ним обращаются, употребляя термин «господин», в двух грамотах (№ 98, 385) Онцифор назван посадником, еще раз слово «посадник» встречено в грамоте, не сохранившей имени (№ 339).

К этим аргументам можно добавить и еще один — топографический. Летописный рассказ 1342 г. сообщает о том, что Варфоломей Юрьевич был погребен в «отне гробе», т. е. в гробу его отца Юрия Мишинича, а Академический список Новгородской Первой летописи младшего извода уточняет местонахождение этой могилы: «у святых 40». Церковь Сорока мучеников, возле которой в 1219 г. собиралось вече Неревского конца¹, ныне не со-

¹ См.: НПЛ, с. 58, 259, 355.

хранившаяся, находилась в ближайшем соседстве с местом раскопок на Неревском конце; она отстояла от исследованного перекрестка Великой и Козмодемьянской улиц на каких-нибудь 100 м¹.

Более точное указание на место жительства другого представителя семьи Мишиничей-Онцифоровичей содержится в незаслуженно забытой историками приписке к Новгородскому Прологу 1400 г. из Синодальной библиотеки: «В лето 6908 индикта 9 лета написаны быша книги сия глаголемы пролог ко святома чудотворцема и безмездникама Козмы и Дамьяну на Кузмодемьяну улицу при князи великом Васильи Дмитриевиче, при архиепископе новгородьстемь владыце Иване, а повелениемь рабов божиих боголюбивых бояр Юрья Онцифоровича, Дмитрия Микитинича, Василья Кузминича, Ивана Даниловича и всих бояр и всеи улицы Кузмодемьяне»². Приписка 1400 г. говорит о том, что Юрий Онцифорович жил на Козмодемьянской улице Неревского конца, т. е. на том участке Новгорода, который подвергся раскопкам в 1951—1962 гг. Наконец, здесь же находится церковь Спаса на Разваже, строителем которой Новгородская Вторая летопись называет Лукьяна Онцифоровича³.

Местоположение посадничьей усадьбы устанавливается с предельной точностью. Во-первых, из 16 грамот с именами известных по летописи представителей семьи Мишиничей-Онцифоровичей 13 найдены в границах усадьбы, получившей условное литерное обозначение «Д» и занимавшей часть квартала, который примыкал к перекрестку Великой и Козмодемьянской улиц с северо-запада. Лишь 3 грамоты (№ 354 Онцифора и № 362, 370 Юрия) обнаружены на территории соседней усадьбы «И», находившейся к югу от усадьбы «Д», по другую сторону Козмодемьянской улицы. Во-вторых, именно на усадьбе

¹ См.: *Воробьев А. В.* Некоторые сведения по топографии Новгорода по архивным документам XVII века. — «Новгородский исторический сборник», вып. 10. Новгород, 1961, с. 237.

² *Макарий.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. 1. М., 1860, с. 218; ГИМ. Отдел рукописей, Син., № 240, приписка на последнем листе. Остатки Козмодемьянской церкви были обнаружены в 1960 г. (см.: *Полубояринова М. Д.* Раскопки церкви Саввы Освященного в Новгороде. — «Советская археология», 1965, № 1, с. 303).

³ Остатки церкви Спаса обнаружены в 1959 г. (см.: *Орлов С. Н.* К топографии древнего Новгорода. — «Советская археология», 1961, № 4).

«Д» раскопками 1953 г. были вскрыты остатки каменной постройки 5-го яруса, определенной как боярский терем.

Бесспорность атрибуции 16 грамот с достоверными именами Мишиничей-Онцифоровичей позволила А. В. Арциховскому отнести к той же семье еще несколько авторов и адресатов, имена которых известны летописцу, но не связаны с Онцифоровичами. Среди таких грамот наиболее заметную группу составляют восемь берестяных писем, адресованных «господину Михаилу Юрьевичу» (№ 157, 297, 300, 301, 306, 308, 311, 313). Все эти грамоты найдены на территории одной усадьбы («И») в слоях 3—6-го ярусов (1396—1446). Предположение, что Михаил Юрьевич был сыном Юрия Онцифоровича, подтвердилось в 1958 г. находкой берестяной грамоты № 301, в которой Михаил Юрьевич назван «сыном посадничьим». А. В. Арциховский обращал также внимание на факт церковного строительства Михаилом Юрьевичем в Колмове, т. е. в монастыре, примыкающем к Неревскому концу¹. Однако некоторые сомнения в такой идентификации порождает принадлежность всех грамот Михаила Юрьевича не к усадьбе «Д», где обнаружена масса грамот Мишиничей-Онцифоровичей, а к усадьбе «И».

Не мог ли Михаил Юрьевич быть сыном другого одноименного посадника Юрия? Списки новгородских посадников знают двух современников Юрия Онцифоровича с тем же именем. Юрий Дмитриевич упоминается в летописях как посадник в 1397—1409 гг.; он умер в 1410 г. Юрий Иванович известен летописцу между 1350 и 1380 гг.²

Юрий Дмитриевич известен как инициатор постройки церкви в Аркаже монастыре³ и посадник, представлявший от Загородского конца⁴. Очевидно, что предположение о его родстве с Михаилом Юрьевичем должно быть отброшено. Что касается Юрия Ивановича, то он, напротив, тесно связан с Неревским концом. Здесь он построил в 1375 г. церковь Козмы и Демьяна на Холопьевей улице, т. е. в ближайшем соседстве с раскопанным

¹ См.: Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.), с. 40.

² См.: НПЛ, с. 361—362, 366, 371, 376, 391, 400, 401.

³ См. там же, с. 400.

⁴ См.: Хорошев А. С. Боярское строительство в новгородском Аркаже монастыре. — «Вестник Московского университета», серия IX «История», 1966, № 2, с. 77—82.

участком. Другая его постройка — церковь Иоанна Златоуста — воздвигнута в Детинце, в той его части, которая непосредственно примыкала к Неревскому концу¹. Таким образом, основания для поисков дополнительных аргументов в пользу родства Михаила Юрьевича с Юрием Онцифоровичем имеются.

С поставленным здесь вопросом тесно связана проблема атрибуции грамот, называющих имена Михайловой жены Настасьи, Ондrejaна Михайловича и Никиты Михайловича. Все три имени соединены в одной грамоте (№ 307), кроме того, имеется автограф Ондrejaна Михайловича (№ 303). Обе грамоты найдены на усадьбе «И» в слое 3—4-го ярусов (1422—1446) и истолкованы А. В. Арциховским как принадлежащие жене и детям Михаила Юрьевича. Аргументация основана на факте совместных находок этих грамот с грамотами Михаила Юрьевича в границах одной усадьбы и на хронологическом соответствии грамот возможному периоду деятельности сыновей Михаила Юрьевича. Поскольку речь идет о лицах, как будто вовсе не известных другим письменным источникам, обоснование родства Михаила Юрьевича с Юрием Онцифоровичем нуждается в дополнительных аргументах.

Можно подвергнуть сомнению принадлежность к комплексу грамот посадничьей семьи Мишиничей-Онцифоровичей писем, полученных Максимом. Всего таких грамот отмечено А. В. Арциховским пять (№ 91, 271, 272, 279, 370). Они найдены в слоях 8-го яруса (1369—1382), которые хронологически соответствуют летописному упоминанию о боярине Максиме Онцифоровиче, члене новгородского посольства к митрополиту в 1376 г. В основу аргументации, следовательно, положены факт нахождения в одном слое грамот Максима и Юрия и догадка о том, что летописный Максим Онцифорович был братом Юрия Онцифоровича. Правильность догадки блестяще подтвердилась находкой грамоты № 370, адресованной крестьянами-сиротами «к Юрию и к Максиму», однако общий вывод о принадлежности Максиму Онцифоровичу всех грамот с именем Максима представляется не до конца обоснованным, так как определившая этот вывод грамота № 370 обнаружена на усадьбе «И», а все остальные четыре грамоты, полученные Максимом, — на усадь-

¹ См.: ПСРЛ, т. III, с. 231.

Ложка Ивана Варфоломеевича

бе «Е», по другую сторону Великой и Козмодемьянской улиц.

Существование еще одного члена семьи Мишиничей позволила установить находка деревянной ложки. На этой ложке, найденной в 1961 г. на усадьбе «Д» в слое 11-го яруса (1299—1313), вырезана надпись: «Еванова Ольфоромеевица»¹. Место и стратиграфическая дата находки не позволяют сомневаться в том, что этот предмет принадлежал не известному другим источникам брату Луки Варфоломеевича — Ивану.

Таков круг памятников, более или менее прочно связанных с семьей Мишиничей-Онцифоровичей. Такими представляются нам сильные и слабые стороны признанного в литературе объединения перечисленных грамот в один комплекс документов посадничьей семьи.

2. СТРОИТЕЛЬСТВО В КОЛМОВЕ И ПОТОМКИ ЮРИЯ ОНЦИФОРОВИЧА

Ряд сведений, подтверждающих правильность отнесения к семье Онцифоровичей всех тех лиц, которых А. В. Арциховский признал потомками Юрия Онцифоровича, может быть извлечен из наблюдений над историей Колмова монастыря, примыкающего к Неревскому концу. Связь этого монастыря с семьей Мишиничей-Онцифоровичей четко обозначена в одном интересном документе, который более ста лет был известен историкам в кратком изложении, а затем был обнаружен В. И. Корецким в фонде Поместного приказа и издан в 1969 г. Речь идет о духовной Орины, текст которой ниже воспроизводится:

«Во имя отца и сына и святого духа се яз, раба божия Орина, списа сие рукописание при своем животе. А приказываю в дом святей Троицы и святей Богородицы на Колмово, где живет отец мой и мати моя и род мой. А даю землю на Лопи, на Сыроли, и на Каньели, и на Сосари лишние сельца, а тех сел землю и воду и ловища и пожни все без вывета. А другую землю волость даю на Паше и на Та (й) бале землю и воду и ловища и пожни тех сел (и) лесы и на Веряжи, и на островке, и на Любоеже, и на Броннице. А тех сел всех землю и воды и пожни и ловища и лишние земли без вывета даю в дом святей Троицы и святей Богородицы на память роду мое-

¹ Арциховский А. В. Изображение и надпись на ложке из Новгорода. — Сб.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 266—270.

му и мне по владенью прадеда моего Юрья Анцыфоровича и по деда моего владенью и отца моего и по моему владенью даю сю землю и в веки. А на то послух отец мой духовный поп Сава святых чудотворец Козьмы и Домьяна. А хто се рукописание мое преступит, и яз сужуся с ним пред богом в день страшнаго суда божия»¹.

Макарий ошибочно датировал этот документ XVI веком. После учиненных Иваном III боярских «выводов» сохранение в руках каких-либо потомков новгородских бояр земельных владений на территории Новгородской земли маловероятно. Земли, переданные Ориной по ее духовной, числятся за Колмовым монастырем уже в писцовой книге Обонежской пятины 1495—1496 гг.², что делает более вероятной датировку приведенного документа еще временем новгородской независимости.

Правнучка Юрия Онцифоровича Орина живет там, где жили ее предки, — на Козмодемьянской улице: ее духовник — поп церкви Козмы и Демьяна на этой улице, но ее отец, мать и «весь род» «живут» в Колмовом монастыре. Макарий несомненно был прав, понимая это место документа как свидетельство о погребении предков Орины в Колмове монастыре (в изложении Макария не «живет», а «лежит»).

Связь Колмова монастыря с семьей Мишиничей-Онцифоровичей запечатлена не только в духовной Орины, но и в синодике Клопского монастыря 1660 г., где записаны имена создателей Колмова монастыря: «Варфоломея, Луки, Максима, Аньсифора, Георгия, Григория»³. В приведенном списке легко опознаются уже знакомые нам по берестяным грамотам лица, в том числе и Максим, родство которого с Юрием (Георгием) Онцифоровичем получает новое подтверждение.

Единственный очерк истории Колмова монастыря, составленный Макарием, изобилует ошибками, в частности смешением сведений, касающихся в действительности двух разных новгородских пригородных монастырей —

¹ Макарий. Указ. соч., с. 588; Корецкий В. И. Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв. — «Археографический ежегодник за 1967 год». М., 1969; с. 285, № 3.

² См.: Корецкий В. И. Указ. соч., с. 280.

³ Макарий. Указ. соч., с. 588. Колмов монастырь с 1686 по 1764 г. был приписан к Архиерейскому дому, а затем его церковь стала больничной (см. там же, с. 589—590). В. И. Корецкий ошибается, считая, что Колмов монастырь в XVIII в. был приписан к Клопскому монастырю.

Успенского Колмова и Троицкого Коломецкого¹. Колмовом называется местность на левом берегу Волхова, ниже города, примыкающая к Неревскому концу. Коломцы — урочище, хорошо известное археологам по находившейся там неолитической стоянке, расположено на правом берегу Волхова, выше города, у самого истока реки.

Смешав два разных монастыря, Макарий был введен в заблуждение Новгородской Третьей летописью, в которой сообщение 1310 г. о строительстве в монастыре на Коломцах сопровождается своего рода справкой: «...другую церковь камену постави на Коломцах архимандрит Кирилл Георгиева монастыря во имя пресвятыя богородицы Успения, последи же Колмово именовася»². Составитель Новгородской Третьей летописи, в свою очередь, ошибся из-за того, что в Колмове и на Коломцах существовали одинаковые церкви (Троицкая и Успенская). Когда составлялся свод, Коломецкого монастыря уже не было: он не упоминается в росписи 1615 г.³

Древнейшее упоминание Колмова в летописях относится к 1386 г. Оно свидетельствует о том, что в 80-х годах XIV в. монастыря в Колмове, по-видимому, еще не существовало. Под 1386 г. летописи содержат рассказ о сожжении новгородцами в целях обороны от войск Дмитрия Донского загородных монастырей и церквей⁴. В той части пригородной равнины, которая примыкает к Неревскому концу, новгородцами было уничтожено пять монастырей: Духов, Борисоглебский (на Гзени), Богородицын (Зверин), Николин (Белый), Лазарев. Колмова монастыря среди них нет, и это тем более показательно,

¹ Эту ошибку вслед за Макарием повторил П. М. Строев. См.: *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, с. 97. Она же допущена в «Указателе к первым восьми томам ПСРЛ» (СПб., 1898, отдел 1), в «Указателе географическом» (СПб., 1907, отдел 2, с. 213), в указателе к изданию Новгородской Первой летописи (М. — Л., 1950, с. 608), в таких книгах, как: *Строков А., Богусевич В.* Новгород Великий. Л., 1939, с. 85; *Каргер М. К.* Новгород Великий. Л. — М., 1961, с. 283. Ясность в названии этих двух урочищ была внесена еще В. С. Передольским (см.: *Передольский В. С.* Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, 1898, с. 91—92).

² Новгородские летописи. СПб., 1879, с. 214.

³ См.: Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода, с. 81—87.

⁴ См.: ПСРЛ, т. IV, с. 94; т. V, с. 241; т. XXVI, с. 154; Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода, с. 81, 82.

что сама местность Колмово фигурирует в рассказе об истреблении загородных построек. Здесь была сожжена приходская церковь: «А церкви деревяных 6 пожгли:... Михайло святыи на Колмове...» Колмовский мирской храм как стоящий вне монастыря упоминается и в росписи 1615 г.: «Идучи на Колмово, зовется на поле храм деревянной Архангел Михаил»¹. Если бы Колмов монастырь уже существовал в 1386 г., странным было бы его сохранение в обстановке, когда была выжжена даже отдельно стоящая в той же местности неревского заполья деревянная церковь.

Очевидно, более правильным будет вывод о постройке Колмова монастыря Юрием Онцифоровичем в 1392 г., основанный на сообщении Новгородской Четвертой летописи под 1392 г.: «Юрьи Онцифорович постави церковь святыя богородица Успенье на Колмове, и монастырь устрои»². Этот вывод, вполне совпадающий с духом завещания Орины, ведущей свое родословие только от Юрия, но не от более отдаленных предков, не противоречит, как нам кажется, и показаниям Клопского синодика, хотя в нем в числе строителей названы такие предки Юрия Онцифоровича, как Варфоломей, Лука и Онцифор. В синодике созданного Юрием Колмова монастыря, откуда эти сведения были заимствованы в Клопский синодик, эти имена почитаемых Юрием Онцифоровичем предков могли быть записаны для поминания. Это тем более вероятно, что в Клопском синодике хронологическая и генеалогическая очередность «ктиторов» не выдержана: имя брата Юрия Онцифоровича Максима названо раньше имени их отца Онцифора.

Возможно, однако, предположение, что земельное владение Орины начало формироваться только при ее прадеде Юрии, а участки, унаследованные им самим, отошли в свое время в другие нисходящие линии его потомков, почему Орина и не упоминает в завещании более древних предков. Но это не так. Тайбольская земля, фигурирующая в этом завещании, была куплена еще Лукой

¹ Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода, с. 82. Новгородская Третья летопись уточняет наименование этой церкви, называя ее церковью Чуда архангела Михаила (см.: ПСРЛ, т. III, с. 237, под 1419 г.), т. е. церковью Чуда архистратига Михаила в Хонех, а перечень новгородских ружных церквей XVI в. уточняет ее местоположение: «На Колмове, что в Королеве» («Временник ОИДР», кн. 24. М., 1856, отд. III, с. 37).

² ПСРЛ, т. IV, с. 140.

Варфоломеевичем: ободная Луки на эту землю обнаружена В. И. Корецким в том же комплексе колмовских грамот¹.

Думается, что архитектурными исследованиями Успенской церкви (которая считается основанной в 1310 г.) в дальнейшем возможно будет проверить изложенный здесь вывод об ее более позднем сооружении, уточнив дату ее первоначальной постройки.

Известие Новгородской Четвертой летописи, цитированное выше, было повторено сводчиком Новгородской Третьей летописи, где оно оказалось сплавленным с другим любопытным для нас сообщением: «В лето 6903. Исак Анцифоровичь постави церковь камену Собор святого Михаила архангела в Аркаже монастыре, а брат его Юрьи Анцифоровичь поставил церковь камену Успение пресвятей Богородицы, напредь святого Михаила архангела, в лето 6900, и монастырь устроиша»². Источник первой части этого текста обнаруживается в рассказе Новгородской Первой летописи под 1395 г. (6903): «Того же лета постави Исак Онкифов церковь камену Збор святого Михаила в Аркажи монастыри»³. Превращение Исака Акинфиевича в Онцифоровича совершилось под пером сводчика, который сопровождал свою ошибку произвольным генеалогическим построением.

Забота Юрия Онцифоровича об устройении Колмова монастыря отмечена и сообщением Новгородской Третьей летописи еще об одной его монастырской постройке. В рассказе о смерти Юрия приведен список связанных с его инициативой новгородских церквей, в котором на первом месте назван Троицкий храм в Колмове монастыре⁴.

Принимая во внимание особую связь Юрия и его потомков с Колмовым монастырем, который представляется нам родовым монастырем боярской семьи, находящейся с ним в отношениях ктиторства, мы вправе ожидать, что и в дальнейшем строительстве этого монастыря руководящая роль будет принадлежать потомкам Юрия, его сыновьям и внукам, его роду, который, по свидетельству духовной Орины, «живет» на Колмове. В этой связи решающее значение имеют два летописных свидетельства.

¹ См.: *Корецкий В. И.* Указ. соч., с. 285, № 1.

² ПСРЛ, т. III, с. 233.

³ НПЛ, с. 387.

⁴ См.: Новгородские летописи, с. 256.

Новгородская Первая летопись под 1419 г. приводит сообщение, повторенное потом в Новгородских Четвертой и Третьей летописях, об очередной колмовской постройке: «А Михаила Юрьевич (постави) церковь древяну святого Михаила на Колмове»¹. Речь в этом сообщении идет о мирской церкви архангела Михаила, стоящей на Колмове вне монастырской ограды. Это свидетельство уже приводилось А. В. Арциховским в обоснование вывода о родственной связи Михаила Юрьевича и Юрия Онцифоровича, однако исследователь опирался лишь на территориальную близость Колмова к Неревскому концу, а не на материалы о семейном строительстве в этом монастыре.

Другое свидетельство более красноречиво и более важно в связи с нашими наблюдениями. Под 1423 г. летописи рассказывают еще об одной колмовской постройке: «И того лета свершиша две церкви камены: святую Богородицу на Колмове и святого Якова на Лужищи»². Новгородская Первая летопись, из которой взят цитированный текст, не называет имени строителя Успенской церкви 1423 г. Нет этого имени и в повторивших то же известие Новгородской Четвертой и Новгородской Второй летописях³. Однако это имя сохранилось в одной западнорусской летописи, до сих пор, к сожалению, не изданной. Мы имеем в виду «Сборник епископа Павла», представляющий собой выборку XV в. из новгородских летописей, ограниченную 1461 г. Исследовавший этот сборник А. А. Шахматов отметил некоторую избыточность его сведений сравнительно с Новгородскими Первой и Четвертой летописями, восходящими к тому же источнику. К числу таких избыточных мест относится сообщение 1423 г., сохранившееся в «Сборнике епископа Павла» в следующей редакции: «Поставила Настасья Михайлова церковь камену святую богородицу Успенье на Колмови у монастыри»⁴. Имя Настасьи Михайловой нам известно; оно имеется в грамоте № 307 и предположительно связано с женой Михаила Юрьевича.

¹ НПЛ, с. 412; Новгородские летописи, с. 261; ПСРЛ, т. IV, с. 119.

² НПЛ, с. 414.

³ См.: ПСРЛ, т. III, с. 140; т. IV, с. 120.

⁴ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М. — Л., 1938, с. 309, примеч. 1.

Мы видим, что в ранней истории Колмова монастыря тесно переплелись имена Юрия Онцифоровича, Михаила Юрьевича и Настасьи Михайловой. Это переплетение тождественно переплетению имен адресатов берестяных грамот, найденных при раскопках на перекрестке Великой и Козмодемьянской улиц. Если вывод о принадлежности этих лиц к одной семье мог опереться на факт совместного обнаружения полученных ими грамот, то материалы колмовского строительства полностью подтверждают этот вывод, демонстрируя их совместное участие в монастырском строительстве, которое свидетельством других источников характеризуется как деятельность одной боярской семьи.

Сведения «Сборника епископа Павла» имеют определенную ценность и для уточнения дат берестяных грамот Михаила Юрьевича и его наследников. Позднейшие (по данным стратиграфии) грамоты Михаила Юрьевича залегают в слоях 3—4-го ярусов (1422—1446). В тех же слоях обнаружены и грамоты его наследников, причем контекст грамоты № 307, адресованной сыновьям и жене Михаила, не оставляет сомнений в том, что это письмо получено Настасьей уже в период ее вдовства. Стратиграфические показания берестяных грамот давали возможность сделать лишь весьма общий вывод о смерти Михаила Юрьевича в промежуток между 1422 и 1446 гг. «Сборник епископа Павла» позволяет уточнить дату этой кончины. Михаил Юрьевич в последний раз упомянут в летописи под 1421 г., когда он был одним из представителей Новгорода на состоявшемся в январе указанного года Наровском съезде с Ливонским орденом¹. Но уже в 1423 г. монастырским строительством занимается его жена. Очевидно, смерть Михаила Юрьевича может быть отнесена к самому началу 20-х годов XV в. и датирована временем между 1421 и 1423 гг.

Любопытно отметить, что это наблюдение подтверждает и хронологический вывод, касающийся духовной Орины. Будучи правнучкой Юрия, она приходилась внучкой Михаилу Юрьевичу (если, разумеется, у Юрия не было других детей, о которых мы ничего не знаем) и дочерью какому-то из сыновей Михаила — Андреяну или Никите. А эти последние, как показывает стратиграфия

¹ См.: НПЛ, с. 413; ср. Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 99—100, № 60.

их грамот, жили во второй четверти XV в. Время деятельности их детей, таким образом, падает на третью четверть XV в.

3. ГРАМОТЫ МАКСИМА

Предположения о том, что упомянутый в летописи под 1376 г. Максим Онцифорович был родным братом Юрия Онцифоровича, подтверждаются двумя аргументами. Во-первых, Максим упомянут в Клопском синодике среди других Мишиничей. Во-вторых, грамота № 370, найденная на усадьбе «И» в слоях 8-го яруса (1369—1382), адресована Юрию и Максиму. Можно добавить еще один аргумент. В грамоте № 300, полученной Михаилом Юрьевичем, упоминается «Максимов хором», в котором естественнее всего видеть хоромы Максима Онцифоровича¹. Существование брата Юрия Онцифоровича по имени Максим, таким образом, не вызывает сомнений. Не до конца аргументированной представляется нам только принадлежность именно Максиму Онцифоровичу еще четырех берестяных грамот — № 91, 271, 272 и 279.

В пользу принадлежности этих четырех грамот Максиму Онцифоровичу говорят стратиграфические условия их находки (все они обнаружены также в 8-м ярусе) и социальная характеристика адресата, который, занимая ответственную административную должность соцкого (№ 279), распоряжался зависимыми от него людьми (№ 272). Против этого определения — оставшаяся неразъясненной концентрация грамот, адресованных Максиму, не на достоверной посадничьей усадьбе «Д», а на находящейся по другую сторону Великой улицы усадьбе «Е».

Для более полного решения этого вопроса целесообразно привлечь и другие грамоты, содержащие в своем тексте имя Максим. К их числу относятся три документа, в которых Максиму принадлежит авторство (№ 253, 177, 290).

Грамота № 253, содержащая распоряжения Максима ключнику о выдаче Емельяну зерна, каких-то вещей и процентов и о сборе старост, обнаружена на усадьбе «Е» в слоях 7—8-го ярусов (1369—1396)². Ее местонахож-

¹ См.: *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.), с. 131—132.

² См. там же, с. 80—81.

дение и стратиграфическая дата полностью соответствуют данным четырех упомянутых выше грамот, полученных Максимом. Совпадает и социальная характеристика Максима, представляющего в грамоте № 253 феодалом-землевладельцем. Нет оснований разрывать комплекс грамот Максима, найденных на усадьбе «Е», и предполагать в авторе грамоты № 253 какое-то другое лицо сравнительно с адресатом грамот № 91, 271, 279.

Грамота № 177 происходит из слоев 9-го яруса (1340—1369) и найдена на усадьбе «И», т. е. вне только что обрисованного комплекса. Она написана Максимом и содержит распоряжение попу выдать ключи Фоме, а также послать куда-то Григория Онфимова¹. А. В. Арциховский не сопоставлял грамот № 177 и 253, однако, последовательное сравнение всех букв и индивидуальных особенностей почерка обнаруживает, что оба эти документа являются автографами одного и того же лица. Автор этих грамот Максим одинаково изображает омегу, еры, добро и все другие буквы, которые часто снабжены характерными отсечками на концах линий. Интересно, что в обеих грамотах имя автора передано с ошибкой: «Маским».

Наконец, грамота № 290, написанная Максимом Юрию и содержащая следующий текст: «Поклоно от Маскима ко Гюргю. Беи чело батку...» — найдена на усадьбе «Е», но в исключительно раннем слое 10—11-го ярусов (1299—1340). По поводу этой грамоты А. В. Арциховский писал: «Надо отказаться от искушения видеть здесь братьев Юрия и Максима Онцифоровичей. Стратиграфия этого не позволяет. Да и имя «Гюрги» слишком архаично»². Однако сравнение почерка грамоты № 290 с почерком уже известного нам Максима — автора грамот № 177 и 253 — устанавливает, что и грамота № 290 написана той же рукой. Начертания всех букв в трех документах детально совпадают. И здесь, как в рассмотренных выше письмах, автор изображает свое имя с ошибкой: «Маским». Таким образом, мы имеем право не архаизировать грамоту № 290, а, напротив, связывать ее с лицом, жившим в середине и второй половине XIV в. Ведь два других документа, написанных тем же почер-

¹ См.: Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.), с. 61—62.

² Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.), с. 119.

250

Л П К Л О Н О Ѡ М А З К Н М А К О Г О Р Г Ю Б Ё Н Ш Ч Л О Б А Т К У

0 1 2 3 4 5 CM

177

Л П К А Н О Ѡ М А З К Н М А К О Л О П
У А М А Н К Л О У Н Ф О Л Л Н А Т
З П О Ш Н Г А Н Г О Р Н О Ѡ Н Ё
Ф Н М О В А У Т О Б
А О Б Н Ш Ч Л О Б
Е Ф О М А

253

М А К С И М А К О Д А С А С Ч А Н
М О Д О Т Ъ М Е Л Ё А Н У Т А
Е К Е Н И К П А Д О Н Б Е Ш Ч Н
У Т З Ч Т И П А С Т О С Б Е Р Н

Берестяные грамоты № 253, 177 и 290 — автографы Максима

ком, извлечены из слоев этого времени. Расхождение новой датировки (1340—1369) со стратиграфической датой (1299—1340) здесь минимально. Такие небольшие расхождения всегда возможны: грамоты затаптывались в грязь, попадали в небольшие, практически не прослеживаемые углубления и т. д. А если это так, то автор грамот № 177, 253 и 290 был современником Юрия Онцифоровича. Но грамота № 290 дает основания утверждать также, что написавший ее Максим был братом Юрия, своего адресата. Сама форма челобития с употреблением слова «батка» такова, что не оставляет сомнений в родственной близости автора и адресата письма.

Снова, как в грамоте № 370, мы видим сочетание в одном документе имен Юрия и Максима, совпадающее с сочетанием имен братьев Онцифоровичей. Относя три автографа Максима к Максиму Онцифоровичу, мы теперь должны вернуться к сведениям об усадебной принадлежности. Грамота № 177 найдена на усадьбе «И», уже известной нам по найденным на ее территории письмам с именами Онцифора, Юрия, Михаила и детей Михаила. Грамоты № 253 и 290 происходят с усадьбы «Е», составляя часть комплекса, в который входят и те грамоты, которые были адресованы Максиму (№ 91, 271, 279). Последним обстоятельством, как нам кажется, и решается вопрос об общей принадлежности всех перечисленных грамот с именем Максима. Они написаны или получены одним человеком — Максимом Онцифоровичем, сыном посадника Онцифора и братом посадника Юрия.

4. ПЕЧАТЬ АФАНАСИЯ ОНЦИФОРОВИЧА

Имя еще одного представителя семьи Онцифоровичей, до сих пор совершенно не известное, позволяет установить найденная еще в 1954 г. костяная матрица для воскомастичной печати. Эта матрица представляет собой низкий цилиндр диаметром 18 мм и высотой 8 мм, имеющий сквозной канал для ношения на шнуре и снабженный на плоской поверхности штампа углубленной зеркальной надписью в четыре строки: ОФА/НАСА О/НЦИ/ФО. Она была обнаружена в квадрате 972 Неревского раскопа на глубине второго пласта (20—40 см). Ее стратиграфический уровень совпадает с уровнем напластований 2-го яруса, который данными дендрохронологии датируется серединой — второй половиной XV в. (1446—1462).

Разумеется, в момент находки костяная печать вызвала определенные ассоциации с уже открытой в 1953 г. первой серией берестяных грамот Онцифоровичей, однако тогда подтвердить такую связь было невозможно. Афанасия Онцифоровича не знают другие источники, а стратиграфическая дата находки оказалась значительно моложе того периода, когда еще могли действовать возможные сыновья Онцифора Лукинича. Кроме того, место находки печати, обнаруженной на границе усадеб «Б» и «Е» в 25 м от мостовой Великой улицы, значительно отстояло от места средоточия берестяных грамот Юрия и Онцифора.

Исчерпывающая атрибуция костяной печати Афанасия Онцифоровича стала возможной лишь после находки в 1957 г. берестяной грамоты № 273. Эта грамота дошла до нас в обрывке, который сохранил полностью первые две строки письма: «Поклоно от Павла и от всих Мравгици ко Юрегу и ко Офону...»¹ А. В. Арциховский при публикации документа не связывал его с перепиской семьи Мишиничей, поскольку в своем тексте она не имеет прямых указаний на такую принадлежность. Стратиграфическое положение грамоты № 273 (из слоев 8-го или 9-го яруса) и дендрохронологическая ее дата (1340—1382) совпадают с периодом деятельности сыновей умершего в 1367 г. Онцифора Лукинича. Однако наличие в грамоте имени второго адресата — Афанасия, — вовсе не известного другим источникам, ставило под сомнение отнесение грамоты № 273 Юрию Онцифоровичу.

Сопоставление грамоты № 273 и костяной печати позволяет предпринять совместную атрибуцию обоих рассматриваемых памятников. Матрица печати засвидетельствовала существование в Новгороде лица, связанного с территорией, вскрытой Неревским раскопом и носившего имя Афанасий Онцифорович. Грамота № 273, обнаруженная на стратиграфическом уровне берестяных грамот Юрия Онцифоровича, адресована Юрию и Афанасию. Она принадлежит к числу многочисленных среди берестяных документов крестьянских писем-челобитий феодалам и написана крестьянами села Мравгицы своим господам, выступающим как равноправные адресаты. Соединение всех этих данных дает возможность говорить о том, что грамота была получена братьями Юрием и

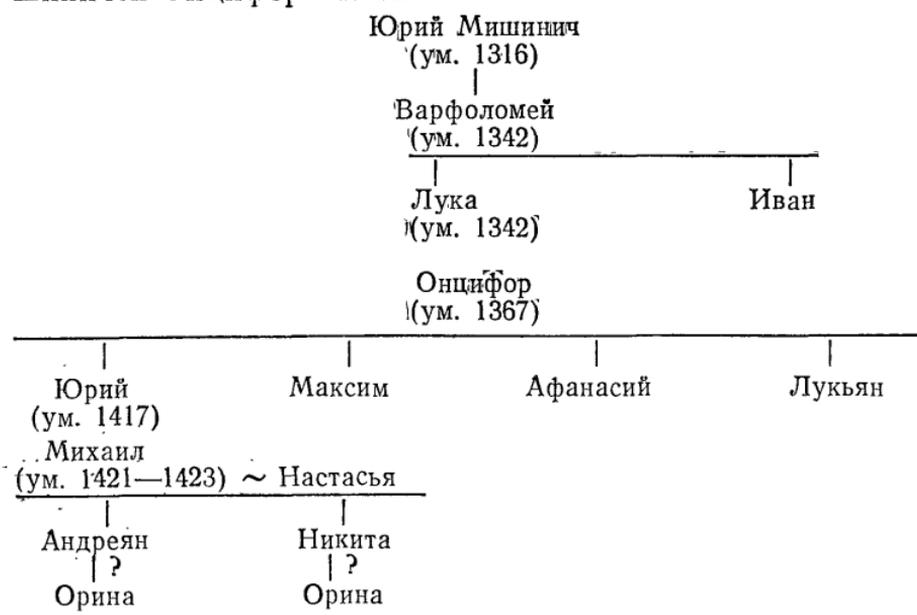
¹ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.), с. 99—100.

Афанасием Онцифоровичами, и включить ее в число документов боярской семьи Онцифоровичей.

С другой стороны, сопоставление грамоты и печати позволяет определить найденную в 1954 г. костяную матрицу принадлежащей неизвестному другим источникам сыну Онцифора и брату Юрия и Максима — Афанасию Онцифоровичу — и датировать ее второй половиной XIV в. Следует отметить, что и костяная печать, и грамота № 273 обнаружены на территории одной усадьбы («Е»).

Афанасий выступает в качестве адресата в грамоте № 178, в которой некий Ксенофонт сообщает о покупке Ещерского уезда у Максима. Этот документ найден в 7-м ярусе (1382—1396) на усадьбе «К»¹. Каким бы заманчивым ни было желание связать названных в ней Афанасия и Максима с Афанасием и Максимом Онцифоровичами, такое желание приходится решительно отвергнуть. В этой грамоте ее автор Ксенофонт называет себя братом Афанасия, а наличие у Онцифора еще одного сына Ксенофонта подтвердить независимыми источниками не представляется возможным.

Изложенные наблюдения позволяют следующим образом реконструировать генеалогическую таблицу Мишиничей-Онцифоровичей:

¹ См.: Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.), с. 62—64.

5. К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ БОЯРСКОЙ ГОРОДСКОЙ УСАДЬБЫ

Нам представляется вполне правомерной постановка следующего вопроса: существуют ли методические возможности установить принадлежность посадничьей или, во всяком случае, крупной боярской семье какой-либо из усадеб, раскопанных на Неревском конце, кроме тех очевидных возможностей, которые предоставляет анализ берестяных текстов? Смогли бы мы дать правильную социальную характеристику этим усадьбам, в том числе и усадьбе «Д», если бы берестяные грамоты не были найдены?

На этот вопрос следует ответить отрицательно. Посадничья усадьба «Д» не выделяется среди других усадеб, открытых на Неревском конце, своими размерами. Ее площадь (около 2000 м²) приблизительно равна площади любой другой здешней усадьбы. Стоящие на ней постройки своими размерами не отличаются от сотен других построек, стоящих на соседних усадьбах. Имея дело лишь с их нижними венцами, археологи лишены возможности прослеживать наличие каких-либо особенностей в декоре построек. Разумеется, каменный терем усадьбы «Д» принадлежит к числу ярчайших признаков социального характера и выделяет эту усадьбу, но указанная постройка возникла только на рубеже XIV—XV вв. Не позволяет обнаружить сколько-нибудь ярких отличительных признаков и инвентарь усадеб. Несомненно, в быту крупного феодала было больше предметов роскоши, но пока таких предметов найдено немного, и они не могут служить объектом статистического изучения.

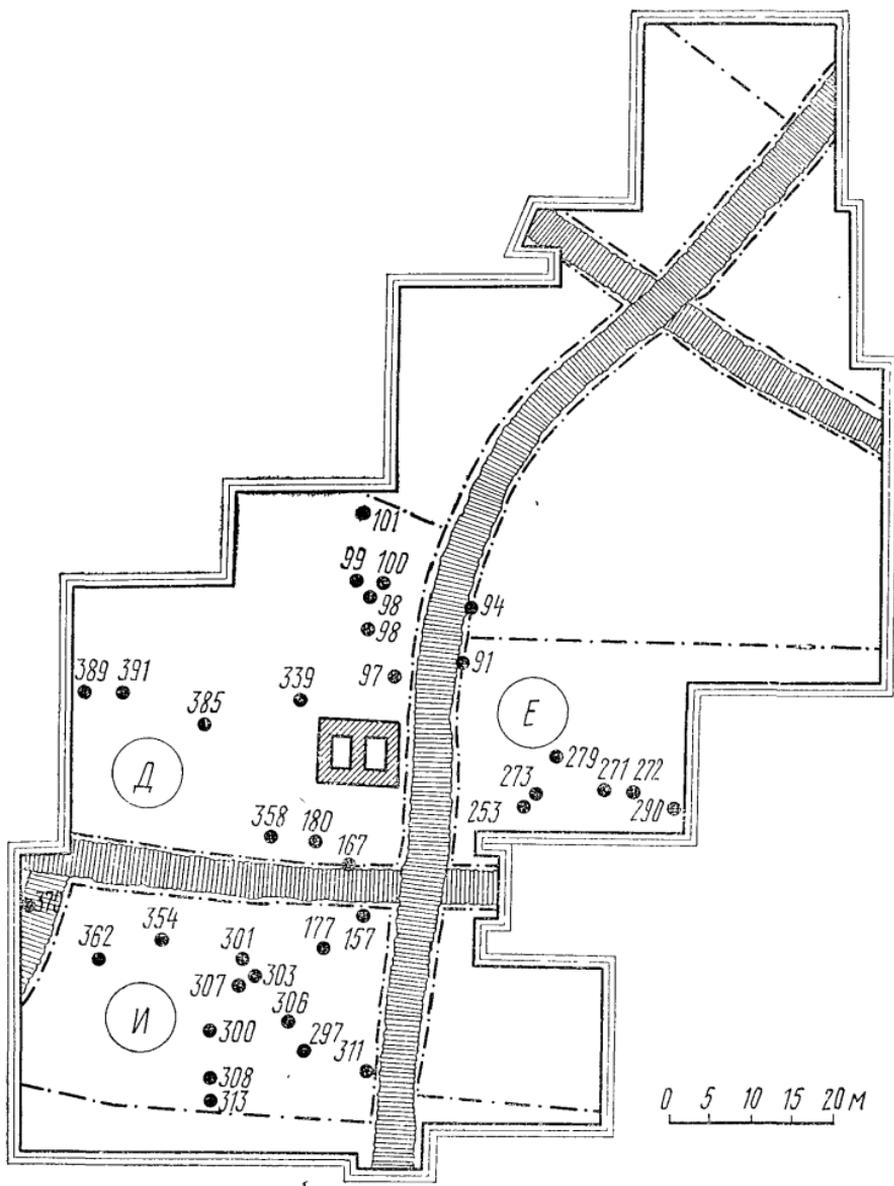
Открытие берестяных грамот и их привлечение к характеристике городской усадьбы крупного новгородского боярского рода позволяет, как нам кажется, установить, в чем состоят объективные признаки городского землевладения этой категории феодалов. Дело заключается в том, что крупный боярский род владел не одной городской усадьбой, а целым комплексом усадеб, составляющим значительную часть кончанской территории.

В самом деле, во второй половине XIV в. Онцифоровичам на исследованном участке Неревского конца принадлежали три усадьбы. На усадьбе «Д», выделяющейся своей каменной постройкой, найдено 12 грамот с имена-

ми Варфоломея (№ 391), Луки (№ 389), Онцифора (№ 98—101, 180, 358, 385), Юрия (№ 94, 97, 167) и ложка с именем Ивана Варфоломеевича. На соседней с ней усадьбе «И» найдено 15 грамот с именами Онцифора (№ 354), Юрия (№ 362), Юрия и Максима (№ 370), Максима (№ 177), Михаила Юрьевича (№ 157, 297, 300, 301, 306, 308, 311, 313), Андреяна, Никиты и Настасьи (№ 307) и Андреяна (№ 303). С усадьбы «Е», примыкающей к усадьбе «Д» с востока, происходят семь грамот с именами Максима (№ 91, 253, 271, 272, 279), Максима и Юрия (№ 290), Юрия и Афанасия (№ 273) и печать Афанасия Онцифоровича. Расположение грамот с определенными именами отличается достаточной последовательностью для того, чтобы утверждать, что Юрий Онцифорович жил на усадьбе «Д», его брат Максим — на усадьбе «Е», а дети и наследники Юрия — на усадьбе «И». Грамота № 300, упоминающая особый «Максимов хором», свидетельствует о том, что Максим жил на отдельной усадьбе.

Внимательно знакомясь с полными комплексами грамот, найденных на этих трех усадьбах в соответствующих слоях, мы обнаружим, что они отличаются несомненной чистотой. На усадьбе «Д» в слоях 5—11-го ярусов (1299—1422) нет ни одного документа с именем адресата, который был бы предназначен лицу, не входившему в число членов семьи Мишиничей-Онцифоровичей. На усадьбе «И» комплекс не так чист, однако грамоты, адресованные Онцифоровичам, и здесь резко преобладают. Наконец, на усадьбе «Е» грамоты Максима встречаются вместе с письмами, адресованными Григорию и Сидору или написанными ими. Отношение этих лиц к Максиму Онцифоровичу нам не известно, однако следует вспомнить, что имя Григория имеется в списке строителей Колмова монастыря в Клопском синодике. Иными словами, Григорий назван там среди ближайших родственников Юрия Онцифоровича.

Формирование этого комплекса усадеб теоретически можно представить двояким способом. Боярская семья могла расширять свое городское землевладение, постепенно прикупая новые и новые усадьбы по мере расширения семьи и ее богатств. Но она могла и изначально владеть обширным участком кончанской территории, многими усадьбами, часть которых была заселена зависимыми от нее людьми, и только по мере необходимости осваи-

План расположения грамот с именами
Мишиничей на усадьбах Неревского раскопа

вать эти усадьбы для личных нужд членов семьи, когда ее состав увеличивался.

Для решения этого в высшей степени интересного и важного вопроса мы не располагаем пока достаточно убедительным материалом. Однако кое-что, как нам кажется, дают наблюдения над комплексом берестяных грамот из слоев XIV в. на усадьбе «И». Здесь древнейшие грамоты с именами Мишиничей обнаружены в слоях середины XIV в. и датируются именем Онцифора Лукинича.

В более раннее время на усадьбе «И» жили духовные лица. В 12—13-м ярусах (1268—1299) найден берестяной ярлык с надписью «Марии черницы» (№ 323), а также обрывок грамоты с текстом церковно-литературного характера (№ 331)¹. Из слоев 12-го яруса (1281—1299) извлечен сосуд литургического назначения с надписью «мюро» и «масло»². В слое 11-го яруса (1299—1313) найдена грамота со словами «Еванове попове» (№ 319)³. Наконец, в слоях 9-го яруса (1340—1369) обнаружены три грамоты подобного характера. Грамота № 317 проникнута церковной фразеологией⁴. Обрывок грамоты № 368 содержит обращение к попу Максиму⁵. Грамота № 177 также адресована попу⁶. Однако эта последняя написана Максимом Онцифоровичем. В тексте ее содержатся хозяйственные распоряжения боярина попу, что, на наш взгляд, свидетельствует о существовании определенной зависимости жителям усадьбы «И» священнослужителей от семьи Онцифоровичей. Еще до водворения здесь самих членов этой семьи они уже имели возможность распоряжаться живущими на усадьбе «И» людьми.

Сознавая недостаточность привлеченного аргумента для обоснования вывода об изначальной принадлежности

¹ См.: *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.), с. 13, 18—20.

² См.: *Седова М. В.* Серебряный сосуд XIII в. из Новгорода. — «Советская археология», 1964, № 1, с. 334.

³ См.: *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.), с. 9.

⁴ См.: *Арциховский А. В.* *Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.), с. 151.

⁵ См.: *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.), с. 66—67.

⁶ См.: *Арциховский А. В.*, *Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.), с. 61—62.

усадьбы «И» предкам Онцифоровичей, мы, однако, вовсе не находим аргументов для подкрепления противоположной версии о постепенном расширении городского землевладения боярской семьи путем последовательных прикупок новых усадеб.

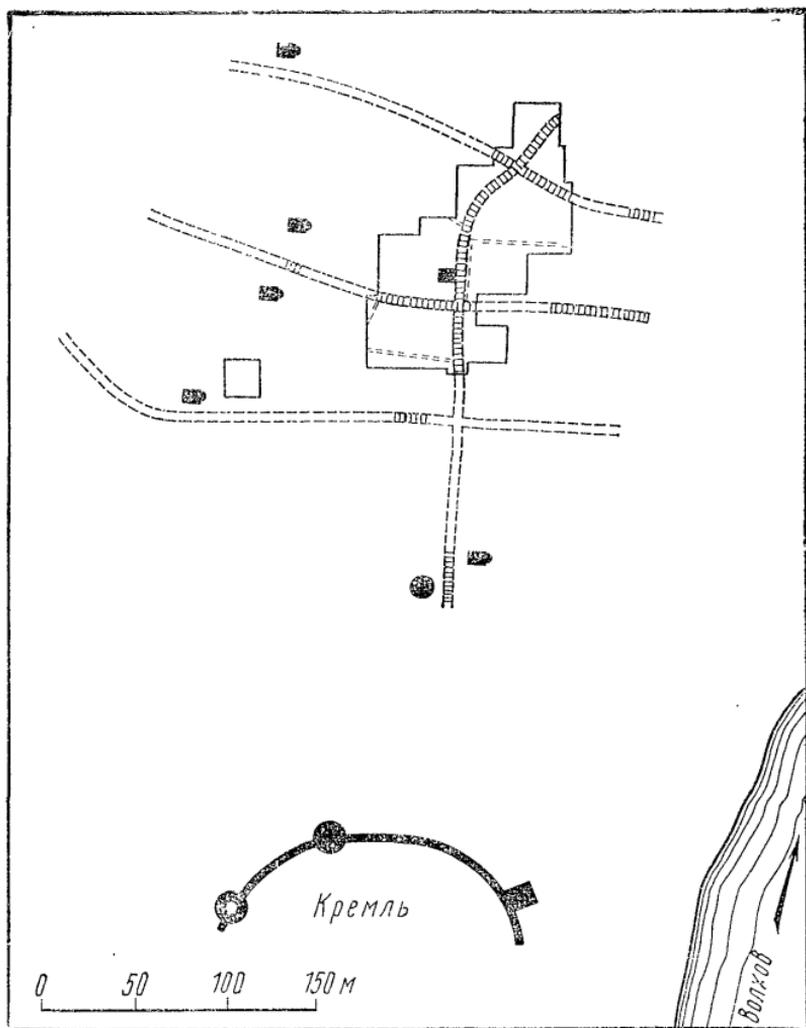
На усадьбе «Д» древнейшим документом посадничьей семьи оказывается грамота № 391, найденная в 11-м ярусе (1299—1313), написанная Варфоломеем Юрьевичем и положившая начало формированию исключительно чистого по своему составу комплекса грамот посадничьей семьи этой усадьбы. Однако в более раннее время Мишиничи на усадьбе «Д» не жили. Здесь нет ни одного документа с именем Юрия Мишинича, хотя деятельность этого посадника охватывает значительный хронологический отрезок с 1291 по 1316 г. Нет здесь грамот и отца Юрия—Миши. Напротив, в слоях второй половины XIII в. собраны грамоты, сохранившие совсем другие имена. Уже в 11-м ярусе кроме грамоты Варфоломея найдена грамота с именем Кузьмы (№ 393), то же имя читается в грамоте из слоя 11—12-го ярусов (1281—1313) — «от Петра к Кузьме» (№ 344). В слоях 11—12-го ярусов обнаружены также две грамоты с именем Никифора (№ 346¹ и 412) и грамота с именем Ксении (№ 411)².

Между тем можно решительно утверждать, что род Мишиничей не был для данной территории пришлым и водворившимся здесь только при Варфоломее. Он тесно связан с Великой улицей уже в последней четверти XIII в., на что указывает политическая деятельность Юрия Мишинича, который с 1291 г. был в новгородском посадничестве представителем Неревского конца³. На связь его с раскопанной на Неревском конце территории указывает и место его погребения в церкви Сорока мучеников, расположенной в непосредственной близости к раскопанным усадьбам. За пределами раскопа, но поблизости от него, находилась усадьба Лукьяна Онцифо-

¹ См.: *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.), с. 96, 32, 33—35.

² См.: *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1977; *Арциховский А. В.* Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг. — «Советская археология», 1965, № 3, с. 203.

³ См.: *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 169—170.

Ситуационный план раскопанных усадеб Мишиничей

ровича, грамот которого на раскопе не найдено: здесь стояла построенная им церковь Спаса. Несомненно, что тремя раскопанными в 1951—1962 гг. усадьбами не исчерпывается комплекс принадлежащих семье Мишиничей-Онцифоровичей усадеб. Он продолжался за пределы изученного участка, по-видимому, на юг от него, в район церкви Сорока мучеников, и на запад, в район церквей Спаса на Разваже и Козмы и Демьяна на Козмодемьянской улице. Более того, относительно этой предполагае-

мой территории городского землевладения Мишиничей раскопанные усадьбы занимают окраинное положение.

В этой связи необходимо еще раз вернуться к вопросу о предках Мишиничей, поскольку существующее в литературе этого вопроса решение способно породить некоторые сомнения в исконности связи Мишиничей-Онцифоровичей с Неревским концом. А. В. Арциховский в родоначальнике Онцифоровичей видит Мишу, героя Невской битвы 1240 г. «Никто больше в летописи такого имени не носит, — пишет А. В. Арциховский, — хотя новгородцев Михайлов там больше тридцати. Эта форма имени настолько связана была в XIII в. с этим человеком, что в конце века два боярина, явно его сыновья, носили отчество Мишинич, никогда больше не встречаемое. Выводить этот род от другого Миши невозможно. Остальные летописные Михайлы были, вероятно, Мишами для родных и друзей, но это уменьшительное имя на страницах летописи встречается лишь под 1228—1257 гг. Оно было для всего Новгорода связано только с одним популярным человеком и отличало его от многочисленных тезок. Своеобразие отчества Мишиничей это подчеркивает»¹.

Сведения о потомках Миши, героя Невской битвы, содержатся в родословных книгах XVI в. и в синодике новгородской Вознесенской церкви. В этих родословцах, куда внесены ссылки на подвиги Миши на Неве, указывается место его погребения в Новгороде «у Михаила Святого на Прусской улице» (Родословная книга) или в церкви Вознесения на Прусской улице (Вознесенский синодик). Если правы и родословцы, и А. В. Арциховский, придется предположить, что Мишиничи во второй половине XIII в. переселились с Прусской улицы в Неревский конец.

Оценивая достоверность сведений родословца происходящих от Миши Морозовых, А. В. Арциховский пишет: «Но оно не заслуживает никакого доверия. Подобные позднейшие родословия вообще любили связывать свои генеалогии с летописными именами, примеров чему много. Можно предположить, что Морозовы произошли от Михаила Мишинича, но и это доказать нельзя, а ветвь Юрия Мишинича бесспорна»².

Однако указанные родословцы перечисляют и потом-

¹ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.), с. 147.

² Там же.

ков Миши. Вот эти имена: «А у Михаила сын Терентий, а у Терентья сын Михайло ж, а у Михаила сын Семен, а у Семена сын Иван Мороз». Иван Морозов упоминается в летописи под 1413 г. как строитель церкви Зачатия Иоанна Предтечи на Десятине, в Людином конце, в непосредственной близости к Прусской улице¹. Вознесенский же синодик не только сообщает генеалогические сведения; он пользуется более древним источником, описывающим ктиторские фрески и надгробия перечисленных в родословии лиц, которые были похоронены на Прусской улице. Мы видим, что вся цепочка перечисленных имен прочно прикреплена обоими концами к Прусской улице, но это не те имена, которые знакомы нам по берестяным грамотам Неревского раскопа.

Отсутствие прямых указаний на действительных предков Мишиничей ведет к попытке искать их косвенным путем. В этой связи определенные возможности открывает знакомство с историей церкви Сорока мучеников, в которой Мишиничи хоронили членов своей семьи до того момента, когда с основанием Колмова монастыря в 1392 г. Юрий Онцифорович создал там новую семейную усыпальницу.

Церковь Сорока мучеников была заложена в 1200 г. Инициатором постройки летопись называет Прокшу Малышевича, а под 1213 г. она так рассказывает об окончании ее строительства: «Того же лета, волею божиею, съверши церковь камяну Вячеслав Прокшиниць, вѣнук Малышев, Святых 40; а даи бог ему в спасение молитвами святых 40». В 1227 г. церковь была расписана тем же Вячеславом, Малышевым внуком².

О Вячеславе Прокшиниче летописец знает не только как о строителе церкви Сорока мучеников. В 1224 г. он был членом новгородского посольства к князю Юрию Всеволодовичу. В 1228 г. летопись титулует его тысяцким, а под 1243 г. сообщает о его смерти 4 мая в монашеском чине под именем Варлаам в Хутынском монастыре³.

Летописцу известен и большой круг его родственников. В 1247 г. в том же Хутынском монастыре и тоже в монашеском чине под именем Анкюдин умер сын Вячеслава Константин Вячеславич. В 1219 г. во время очеред-

¹ См.: НПЛ, с. 404.

² См. там же, с. 44, 52, 65, 238, 249—250, 270.

³ См. там же, с. 64, 66—67, 79, 268, 271, 273, 297.

ного столкновения в Новгороде был убит брат Вячеслава Константин Прошкинич, которого летопись называет жителем Неревского конца. Под 1228 г. упоминается другой брат Вячеслава — Богуслав. Хорошо известен и отец Вячеслава — Прокша Малышев, судьба которого стала образцом для его сына и внука. Летопись под 1207 г. сообщает о Прокше следующее: «В то же лето преставися раб божии Парфурий, а мирьскы Прокша Малышевиць, постригся у святого Спаса на Хутине, при игумене Варламе; а покои, господи, душу его»¹.

У нас нет возможности сомкнуть Малышевичей и Мишиничей в одну цепь генеалогических связей: в середине — второй половине XIII в. сведения о том и другом роде прерываются на полвека. Но мы уверенно можем утверждать, что на рубеже XII—XIII вв. комплекс усадеб, хозяевами которого спустя сто лет были Мишиничи, принадлежал Малышевичам. Еще в 1954 г. во время раскопок усадеб «А» и «Г», расположенных к северу от Холопьевой улицы, были найдены две грамоты — № 114 и 115². Первая обнаружена в слоях 16-го яруса (1197—1224), вторая — в слоях 17-го яруса (1177—1197). Автором первой грамоты был Богош, т. е. Богуслав, автором второй — Прокош, т. е. Прокша.

Если идентификация Прокши и Богши соответственно с Прокшей Малышевичем и Богуславом Прокшиничем верна, то, даже не решая вопроса о связи Малышевичей и Мишиничей, мы имеем основание утверждать, что Малышевичи на рубеже XII—XIII вв. распространяли свое влияние на значительный район Новгорода, от церкви Сорока мучеников до усадеб на Холопьевой улице, тогда как в XIV—XV вв. этот же участок принадлежал Мишиничам. Иными словами, картина городского землевладения новгородских бояр, установленная для XIV—XV вв., обретает характер традиционности.

Резюмируя изложенные наблюдения, мы приходим к выводу, что при любом решении вопроса о путях сложения такого порядка городское землевладение крупного боярства в Новгороде осуществлялось в специфических формах, при которых в руках одного боярского рода находилось много усадеб. Крупные боярские семьи владели не мелкой ячейкой городской территории — усадьбой, а

¹ НПЛ, с. 50, 59, 67, 79, 247, 259, 273, 304.

² См.: *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.), с. 47—48.

целыми районами в своих концах. Эти районы составляли основу объединения под властью или влиянием владевших ими боярских семей тех отрядов зависимого от бояр населения, которое поддерживало их в политической борьбе. Устойчивость внутрикончанских связей, столь характерная для Новгорода на всем протяжении его независимости, уходит корнями в эту особенность кончанской организации. И, как нам кажется, сама традиционность таких связей могла бы служить существенным аргументом в пользу изначальности прослеженных форм боярского землевладения.

В этой связи большой интерес представляют наблюдения П. И. Засурцева, который, анализируя особенности застройки исследованной Неревским раскопом территории, приходит к выводу, что усадьбы южной части раскопа, т. е. как раз те усадьбы, где в XIV в. жила посадничья семья, во второй половине X в. составляли часть уходящего в основном за южную границу раскопа первоначального поселка. Противопоставляя этот поселок остальной раскопанной площади, исследователь пишет: «Поселение, открытое в южной части раскопа (и датированное серединой X в. — 953 г.), по-видимому, было уже городом»¹.

Наши наблюдения не расходятся с выводами Б. Д. Грекова, который собрал интереснейшие материалы, свидетельствующие о том, что концы Новгорода были не только формой членения города на районы, не только частями городской территории, но и формой объединения ее более мелких элементов. Предполагая, что кончанское деление могло быть не только исконным, но и догородским, Б. Д. Греков сопоставлял его с кончанским делением новгородских волостей, в системе которых концами обозначались административные совокупности деревень². Эта мысль теперь находит подтверждение. По-видимому, концы в Новгороде возникли как объединение нескольких боярских поселков, сохранивших свою зависимость от боярских семей вплоть до последнего этапа существования Новгородской боярской республики.

¹ Засурцев П. И. Указ. соч., с. 86.

² См.: Греков Б. Д. Новгородский дом Святой Софии. СПб., 1914, с. 291.

ПАТРОНАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ И АТРИБУЦИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Одной из заметных особенностей древнерусского иконописания было включение в композиции многих икон личного элемента, связанного с именем заказчика. Чаще всего этот личный элемент выражен мотивом предстательства перед небесными силами тех святых, которые имеют прямое отношение к семейному патронату. Об имени заказчика или же его имени и отчестве можно судить по изображенным на иконе патрональным святым. Такой прием обозначения имени был популярен в древней Руси. Он лег, например, в основу широко распространенного типа княжеской вислой печати, на которой в XII—XIV вв. крестильные имя и отчество князя показаны изображениями святых патронов самого владельца печати и его отца¹. Патрональные изображения присущи и другим русским сфрагистическим типам вплоть до XV в.

Указанный прием прочно утвердился и в области мелкой пластики, особенно в XII в. Назовем такие широко известные памятники, как переяславский потир, на котором фигура св. Георгия, патрона заказчика чаши князя Юрия Долгорукого, включена в деисусную композицию², или верхняя часть большого новгородского софийского сиона, где частью деисусной композиции является изображение св. Василия Великого — патрона заказчика предмета князя Владимира Мономаха³, или же, наконец, шлем, приписываемый князю Ярославу Всеволодовичу, но в действительности заказанный его дядей Мстиславом Юрьевичем, которого в крещении звали Феодором Георгиевичем: изображения соответствующих святых, а также св. Василия (патрона деда заказчика князя Владимира Мономаха) украшают подвершие шлема⁴.

¹ См.: Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. I, с. 87—132; т. 2, с. 6—14.

² См.: Орешников А. В. Заметка о потире Переяславль-Залесского собора. — «Археологические известия и заметки», 1897, № 11, с. 338 и сл.

³ См.: Янин В. Л. Из истории русской художественной и политической жизни XII в. — «Советская археология», 1957, № 1, с. 113—131.

⁴ См.: Янин В. Л. О первоначальной принадлежности так назы-

В тех случаях, когда художественный предмет заказан представителем княжеской семьи, его атрибуция, будучи достаточно сложна, все же не вызывает особых трудностей: состав княжеской семьи в большей части известен не только по светским, но и по крестильным именам ее членов. Труднее определить заказчика в тех случаях, когда предмет изготовлен по инициативе феодала менее значительного ранга. Уровень генеалогических знаний о средневековом боярстве зависит от состояния источников, донесших до нас лишь крупницы нужных сведений.

Именно поэтому искусствоведы в своей работе по определению времени и обстоятельств создания памятников мало пользуются возможностями, открывающимися при исследовании включенных в композицию патрональных сюжетов. Эти сюжеты многое обещают, но, как правило, не приводят к цели. Попытки исследования такого рода напоминают поиски клада по старинной памятной записке «в лесу под пятой сосной», когда лес вырублен и его пни сгнили.

В лучшем случае возникает вероятное, но в общем недоказуемое решение. Приведем достаточно характерный пример. В 1914 г. В. К. Мясоедов впервые опубликовал упоминавшуюся и более ранними авторами каменную иконку с изображением святых Иоанна и Захарии, происходящую из ризницы новгородской Никитинской церкви. Палеографические признаки иконки, по мнению публикатора, тяготеют к XII в., тогда как художественные особенности указывают скорее на XIII в.¹ Приняв за исходный пункт рассуждений патрональный характер изображений, возможно предположительно назвать заказчика и владельца этого предмета. Таковым мог быть известный деятель второй половины XII в. боярин Иванко Захарынич, дважды посадничавший в Новгороде в 1171 г. и в 1172—1175 гг. и умерший в 1175 г. Однако такой вывод в высшей степени гипотетичен: подобное сочетание патрональных сюжетов могло встретиться и в име-

ваемого шлема Ярослава Всеволодовича. — «Советская археология». 1958, № 3, с. 54—60, *его же*. Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. 1, с. 99—102, 120—121; *его же*. Еще раз об атрибуции шлема Ярослава Всеволодовича. — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972, с. 235—244.

¹ См.: Мясоедов В. Каменный образок Новгородского епархиального древлекранилища. — Труды Новгородского церковно-археологического общества, т. 1. Новгород, 1914, с. 189—191.

ни другого человека близкой поры. Кроме того, мы не можем указать связей посадника Иванка Захарьинича с той территорией, которая впоследствии вошла в приход церкви св. Никиты. Предположения, высказанные ранее, позволяют помещать посадника Иванка Захарьинича скорее на Софийскую, нежели на Торговую сторону Новгорода¹.

Особые трудности возникают порой потому, что мотив предстательства бывает выражен и не столь обычными средствами. В качестве примера можно использовать знаменитую икону «Молящиеся новгородцы». Написанная в 1467 г. по заказу Антипа Кузьмина, икона изображает в верхнем ярусе деисусный чин, а в нижнем — поклоняющуюся ему боярскую семью с обозначением имен ее членов. Кажалось бы, полнота информации о заказчике создает благоприятные условия для исследователя: ведь бояре последнего этапа новгородской независимости практически поименно известны по материалам первых московских переписей, отраженных в писцовых книгах конца XV в. Кроме того, наиболее именитые бояре числом в несколько десятков фигурируют в рассказе летописи о встрече Ивана III новгородцами во время мирного похода 1475 г.

И тем не менее сумма надписей на иконе кажется сборником загадок, до сегодняшнего дня не решенных. Не ставя цели исчерпать все недоумения, мы остановимся лишь на определенном аспекте исследования сложного комплекса проблем, порождаемых особенностями иконы «Молящиеся новгородцы».

Первая из этих проблем касается существенной детали центральной надписи иконы: «Молятся рабы божии Григорий, Марья, Яков, Стефан, Евсей, Тимофей, Олфим и чады Спаса и Пречистой Богородицы о гресех своих»². Нам представляется неверным обычное понимание этой надписи, трактуемой в качестве прямой связи между обоими ярусами иконы: полагают, что упоминание Спаса и Богородицы является указанием непосредственных адресатов молитв. Разумеется, именно Спасу и Богородице в первую очередь молятся изображенные на иконе бояре. Однако грамматическая форма надписи ясна и определена. Она может быть объяснена только как указание

¹ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 106.

² Лазарев В. Н. Новгородская иконопись. М., 1969, табл. 49, 50.

Икона «Молящиеся новгородцы»

на церковный приход. Изображенная на иконе боярская семья жила на территории прихода церковью Спаса и Богородицы. Просмотр всех материалов по наименованию новгородских церквей (в том числе, разумеется, и приделных) обнаруживает, что в Новгороде существовал только один такой приход — на Ильиной улице с церквями Спаса Преображения и Знамения Богородицы¹. Обе церкви образовывали организационное единство, поскольку церковь Спаса на Ильине была владелицей чудотворной иконы «Богоматерь Знамение», а Знаменский храм был сооружен как достойное хранилище этого главного палладиума Новгорода.

Если изложенные соображения верны, то мы получаем возможность точной территориальной локализации изображенной на иконе боярской семьи. Однако такой вывод не облегчает поиски имен членов этой семьи в других источниках. Писцовые книги не знают Григория, Якова, Стефана, Евсея, Тимофея, Олфима и Марью, владения которых принадлежали бы к семейному комплексу единого происхождения. В них нет боярской семьи, составленной из перечисленных на иконе лиц. Но главная загадка иконы не в этом: среди изображенных на иконе бояр нет самого заказчика — Антипа. Можно было бы предположить, что причиной этому была скромность заказчика. Однако на иконе нет и еще одного лица — Кузьмы, отца Антипа. Логика подсказывает единственное объяснение этой особенности: представленная на иконе семья, по замыслу заказчика, в действительности не группа живших в 1467 г. родственников, а сонм умерших, которые уже стоят у престола божества. Обращает на себя внимание, что детским фигуркам на иконе не присвоено имен. Если это младенцы, умершие до крещения, они и не носили христианских имен в своей короткой жизни.

Отсюда вытекает вывод. И Антип, и Кузьма не изображены в кругу своей семьи, поскольку они в 1467 г. были живы². Что касается изображенных бояр, то они жи-

¹ См.: *Никольский А.* Описание семи новгородских соборов по списку XVI в. С. Петербургской библиотеки св. Синода. — «Вестник археологии и истории», вып. 10. СПб., 1898, с. 76—81.

² Проверим этот вывод по материалам боярской встречи Ивана III в 1475 г. Летопись называет трех бояр по имени Кузьма. Из их числа Кузьма Феофилактов и Кузьма Остафьевич Грузов жили на Софийской, а Кузьма Овин — на Торговой стороне (см.: *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 311—317). Между тем посадник Кузьма Овин, как и его брат Захарья, был сыном Григория, в котором воз-

ли не в 60-е годы XV в., а в более раннее время, очень глухо отраженное в источниках, и потому не запечатлены в известных нам документах.

Как видим, приемы внесения личного элемента в художественное произведение сложны и многообразны, что еще больше усугубляет трудности использования таких элементов для датирования явлений искусства. Предположения, которые удастся высказать, вероятны, но не больше. И все же над методикой освоения патрональных сюжетов необходимо работать. Стремительное накопление новых источников, ставшее нормой в последние годы, открывает перспективу резкого увеличения материалов по конкретному составу имен древних новгородцев в разные эпохи истории Новгорода. Имеются в виду прежде всего берестяные грамоты, количество которых с каждым годом неизменно растет, а также находимые в раскопках различные помеченные именами владельцев бытовые предметы.

Частный случай использования таких вновь открываемых материалов является главным предметом настоящего очерка.

Со времени издания А. И. Анисимовым в 1928 г. древнейших русских икон в труды по русскому искусствоведению прочно вошла икона из Русского музея со святыми Иоанном, Георгием и Власием¹. А. И. Анисимов датировал икону первой половиной XIII в.², а В. Н. Лазарев считает, что наиболее вероятной датой следует признать последнюю треть XIII в.³ На иконе по сторонам стоящего во весь рост св. Иоанна расположены маленькие (в треть роста Иоанна) фигуры святых Георгия и Власия. Патрональный характер этих последних фигур очевиден: самый набор святых не подчинен каким-либо другим логическим связям, говорящим о едином смысловом замысле композиции. Подходя к ней как к патрональному сюжету, можно предполагать, что главное изображение иконы олицетворяет патронат владельца, а дополнительные маленькие фигуры передают имя его отца и деда

можно предполагать посадника Григория Кирилловича Посахно. Не исключено, что именно этот Григорий и изображен на иконе.

¹ См.: Лазарев В. Н. Новгородская иконопись, с. 14 и табл. 15.

² См.: Анисимов А. Домонгольский период древнерусской живописи. — «Вопросы реставрации» сб. 2. М., 1928, с. 149—151; Некрасов А. И. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, с. 91.

³ См.: Лазарев В. Н. Новгородская иконопись, с. 14 и табл. 15.

Икона из Русского музея
с изображением святых Иоанна, Георгия и Власия

(точнее имя и отчество отца); отец в таком случае мог быть заказчиком семейного образа.

Оставаясь в кругу материалов, которые предоставлены самой иконой, невозможно пойти дальше такого предположения, которое практически не может претендовать даже на то, чтобы называться научной гипотезой. Однако правильность высказанной мысли была подтверждена в 1969 г. в процессе новгородских раскопок чрезвычайно любопытной находкой.

Во время работ на участке, примыкавшем с юга к Тихвинской улице (район древней Разважи), в слое первой половины XIV в. была обнаружена небольшая двусторонняя костяная иконка размером 27×33 мм, с фигурой св. Георгия на одной стороне и св. Власия — на другой. Обращает на себя внимание не только совпадение имен на костяной иконке и на иконе из Русского музея, но и полное соответствие деталей в изображениях святых, хотя на костяной иконке они представлены в поясном варианте. Георгий в обоих случаях дан в редкой разновидности иконографического типа: он держит в руке мученический крест, тогда как в большинстве дошедших до нас изображений св. Георгия ему присвоены атрибуты воина, хотя оба варианта канонически правомерны. Поразительное сходство обнаруживают и оба изображения св. Власия.

Это бросающееся в глаза сходство не оставляет сомнений в том, что оба памятника — и знаменитая икона, и вновь найденный костяной образок — связаны единством первоначальной принадлежности. Иными словами, костяная иконка является предметом, некогда изготовленным для того самого человека, имя которого отражено на иконе из Русского музея.

Кто же был этот человек? Участок раскопок на Тихвинской улице почти непосредственно примыкает к Неревскому раскопу, касаясь усадьбы церкви Спаса на Разваже и находясь вблизи от других усадеб («И», «Д» и «Е»), на протяжении XIII—XV вв. принадлежавших боярскому роду Мишиничей-Онцифоровичей. Каменное здание церкви Спаса было построено в 1421 г. одним из представителей того же рода — Лукьяном Онцифоровичем. Исследование различного рода сведений о боярах Онцифоровичах позволило нам еще в 1965 г. высказать предположение о том, что указанной боярской семье принадлежал значительный район Неревского конца Новго-

Костяная иконка с изображением святых Власия и Георгия

рода, включая церкви Сорока мучеников, Спаса на Разваже и Козмы и Демьяна на Козмодемьянской улице¹. Одной из важнейших задач раскопок 1969 г. и была проверка этого предположения, коль скоро раскопки велись внутри обозначенной выше территории. Эта проверка подтвердила правильность предположения: на раскапываемом участке в слое конца XIV — начала XV в. была обнаружена берестяная грамота № 446, адресованная «господину Юрию»; стратиграфический уровень этой находки соответствует времени деятельности Юрия Онцифоровича².

Следовательно, и иконка, происходящая с той же усадьбы, должна иметь прямое отношение к роду Мишиничей. Теперь мы достаточно хорошо знаем генеалогию этой семьи. В пределах последней трети XIII — первой половины XIV в. сменилось четыре поколения Мишиничей. К первому принадлежал Юрий Мишинич, известный с 1291 г. и погибший в 1316 г.; ко второму — его сын Варфоломей, умерший в 1342 г.; к третьему — дети Варфо-

¹ См.: Янин В. Л. Заметки о новгородских берестяных грамотах. — «Советская археология», 1965, № 4, с. 104—123.

² См.: Янин В. Л. Я послал тебе бересту..., с. 172.

ломея Лука и Иван; к четвертому — сын Луки Онцифор, умерший в 1367 г. Почти все перечисленные здесь бояре хорошо известны по летописи, актам и берестяным грамотам: они занимали важнейшие посты в управлении Новгородской республикой. Только имя Ивана сделалось известно недавно, после обнаружения при раскопках на Неревском конце в 1961 г. принадлежавшей ему деревянной ложки с надписью «Еванова Ольфоромеевича»¹.

Прямого совпадения между именами святых на иконе из Русского музея и именами Мишиничей конца XIII — первой половины XIV в. нет, однако обращает на себя внимание соответствие имени Георгия на иконе Юрию Мишиничу, а имени Ивана на иконе — внуку Георгия Ивану. Если бы на иконе из Русского музея и на иконке из Тихвинского раскопа было изображение не Власия, а Варфоломея, вопрос об атрибуции этих предметов не потребовал бы дальнейших сопоставлений. Между тем единственное противоречие в имени (Власий, а не Варфоломей) может не иметь принципиального характера. На такую мысль наталкивает совпадение инициала обоих имен, бывшее почти обязательным условием выбора нового имени при пострижении. Если нам удастся выяснить, что Варфоломей в последние годы своей жизни принял схиму, разница в именах Власий и Варфоломей перестанет казаться противоречивой.

Деятельность Варфоломея Юрьевича обозрима с 1323 г., когда он принимал участие в составлении договора Новгорода с Ливонским орденом², до 10 ноября 1331 г., когда он в качестве посадника последний раз упоминается в донесении новгородского Немецкого двора Рижскому магистрату³. Остаток своей жизни (умер он 25 октября 1342 г.) Варфоломей остается в тени. Между тем обстоятельства его погребения необычны: владыка Василий хоронит его с «игумены и с попы»⁴. Сплошной просмотр соответствующих летописных показаний за XIII—XV вв. обнаруживает, что игумены принимали участие в погребении только схимников, появляясь на похо-

¹ См.: *Арциховский А. В.* Изображение и надпись на ложке из Новгорода. — *Сб.: Новое в советской археологии.* М., 1965, с. 266—270.

² См.: *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, с. 65, № 37.

³ См.: *Памятники истории Великого Новгорода.* Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909, с. 78.

⁴ *НПЛ*, с. 355.

ронах владык и архимандритов. Во всех остальных случаях они не упоминаются как участники погребальных церемоний. Отметим, что позднее, в конце XIV и в XV в., принятие схимы престарелыми или больными посадниками становится нормой.

Опираясь на приведенные сопоставления, мы можем лишь догадываться, что костяная иконка, найденная в слое первой половины XIV в., была изготовлена в 30-х годах XIV в. для Варфоломея Юрьевича, принявшего в схиме имя Власия. Если такой вывод справедлив, то и икону из Русского музея возможно также связывать с заказом Варфоломея-Власия Юрьевича, относя ее замысел к какому-то важному факту в жизни его сына Ивана. Не исключено, что таким фактом была тяжелая болезнь Ивана Варфоломеевича, который, судя по отсутствию его имени в многочисленных берестяных грамотах семьи Мишиничей и в других письменных источниках, не дожил до зрелости. Датой иконы из Русского музея в таком случае следует признать также 30-е годы XIV в. Наличие архаизирующих признаков не может служить существенным противопоказанием предложенной дате, поскольку наряду с этими признаками она несет и отмеченные всеми исследователями элементы нового стиля, вполне характерного для XIV в. Мы знаем слишком мало иконописных памятников этой поры, чтобы быть до конца уверенными в выводах, основанных исключительно на стилистических наблюдениях.

Отдавая себе отчет в гипотетичности высказанных предположений, следует высказать уверенность в том, что как специфические трудности затронутого аспекта проблемы, так и обнадеживающая перспективность ее дальнейшей разработки очевидны.

ДАТА ШЕМЯКИНОЙ ПЛАЩАНИЦЫ

Историкам хорошо известна введенная в научную литературу еще в начале прошлого века плащаница (воздух), хранящаяся ныне в Новгородском историко-архитектурном музее-заповеднике под № 2133¹. Этот воздух с изображением Христа во гробе, оплакиваемого четырьмя ангелами, шитый шелками, серебряной и золотной нитью, происходит из ризницы Юрьева монастыря и является вкладом в монастырь князя Дмитрия Юрьевича Шемяки, его жены Софьи Дмитриевны и сына Ивана, о чем свидетельствует надпись на краю плащаницы:

«В лето 6957 индикта 7 как был великий князь Дмитрию Юриевичу в Великом Новгороде и повелением великого князя наряжен бысть сии воздух в храм святого великомученика Георгия того же лета месяца августа в 23 день благоверною и его великою княгинею Софьею и при сну благоверном князе Иване и положен бысть в церкви святого великомученика Христова Георгия в Великом Новгороде в Юриеве монастыре при архиепископе Великого Новгорода Евфимии при архимандрите Мисаиле за оставление грехов и спасения ради душ наших и нашим детям и внучатом и правнучатам в сем веце и в будущем аминь».

Приведенная надпись вышита почерком XIX в.², по-

¹ См.: Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. — Свод археологических источников, вып. Е1-49. М., 1971, с. 43, № 16.

² М. Толстой в 1862 г. писал о «недавнем возобновлении плащаницы» (Толстой М. Святыни и древности Великого Новгорода. М., 1862, с. 172). К XIX в. несомненно относится и кайма черного шелка, вшитая между средником и краевой надписью, с изображением символов евангелистов и святых: Фотинии, евангелистов Луки и Иоанна Богослова, апостолов Павла и Петра, евангелистов Матфея и Марка, мученика Георгия, Ульянии, мученика Дмитрия, апостолов Якова и Филиппа, преподобной Анны, мученика Фотия, Матфея, Якова, Клеопы, Фаддея, Тимофея, Софьи (с Верой, Надеждой и Любовью), Варфоломея, Андря, Фомы, Симона. Шитье фигур не отличается особенностями и фактурой нитей от шитья возобновленной надписи, а трогательное соседство изображений святых Анны и Фотия прямо указывает на время возобновления плащаницы или в архимандритство Фотия, т. е. между 1822 и 1838 гг., или на период его смерти, но до кончины А. А. Орловой-Чесменской (1848).

Плащаница из Юрьева монастыря с именем Дмитрия Шемяки

вторя содержание утраченной древней вкладной «летописи». Исследователи не анализировали ее с точки зрения достоверности передачи утраченного текста и руководствуются ее указаниями при датировке самого вклада, относя его к 23 августа 1449 г.

Между тем по крайней мере две особенности этой надписи должны были бы с самого начала привлечь к себе внимание исследователей. Во-первых, 6957 году соответствует не седьмой, а двенадцатый индикт. Во-вторых, общий смысл надписи несет на себе отпечаток припоминания («Как был великий князь Дмитрий Юриевич в Великом Новгороде...»), а следовательно, и относительно более позднего времени, нежели прямо обозначенное в надписи. Опираясь только на первую особенность, нужно было бы в датировке предмета исходить из альтернативы: плащаница могла быть изготовлена в 6957 г., но она может датироваться и седьмым индиктом, который не соответствует 6957 г.

Попытаемся рассмотреть обе эти возможности, соотнеся их прежде всего с событиями той эпохи. Известно, что после решительного поражения под Галичем Дмитрий Шемяка последние годы своей жизни провел в Новгороде и Новгородской земле. Однако галичское сражение произошло 27 января 1450 г. После взятия Галича Василий Темный «прииде на Москву на Масленой неделе, а Шемяка убежа к Новугороду Великому»¹. Иными словами, 23 августа 1449 г. Шемяка в Новгороде еще не был, как не было в нем тогда и его семьи. Чтобы убедиться в этом, обратимся к более развернутому, нежели в Никоновской летописи, рассказу летописи Авраамки: «Князь великий Василии Васильевич послал шурина своего князя Василья Ярославича изгонной ратью на Галичь, на великого князя Дмитрия Юрьевича; и то слышав князь великий Дмитрии и выеха из города из Галица, и с княгинею и со своими бояри, и поеха к Новугороду, и приехавше на Вешеру, ту стал, и к архиепископу владыце Еуфимею и в Новгород от себе послал Ивана Яковлича, чтобы княгиню приняли и сына Ивана в честь, и въеха в осенине в Юрьев монастырь, и сам князь великий Дмитрии Юрьевич в Великом Новегороде не быв, пошед Галицю. А князь великий Василии Васильевич, с своей си-

¹ ПСРЛ, т. XII. СПб., 1901, с. 75.

люю и с тотары, пошел в Галиць противу брату своему князи Дмитрею Юрьевичю, и сошлись под городом под Галицем, и начаша соступатися и битися. И бог пособи князю великому Василью Васильевичю, а князь великий Дмитръи побежал к Великому Новгороду. И приеха в Новъгород месяца априля в 2 день, в среду на Вербной недели, и челова крест к Великому Новгороду»¹. Никоновская летопись, не располагающая подробностями, касающимися новгородских переговоров Шемяки, описывает военные маршруты Василия Темного, непосредственно предшествующие галицкой битве: «Ходил князь великий на князя Дмитрия, хотя ити к Галичю, и бысть ему весть, что пошел к Вологде; и князь великий поиде на Иледам да на Обнору, и прииде к нему весть, что опять воротился к Галичю, и князь великий воротился Обнорою на низ, да и Костромую вверх»². Эти передвижения подтверждают, что после возвращения с Вишеры и до галицкого поражения Шемяка в Новгороде не был.

В этот период он отправил в Новгород семью, которая пришла в Юрьев монастырь позднее 23 августа 1449 г.: «в осенине», т. е. не ранее сентября. П. Л. Гусев обратил внимание на это противоречие, но вышел из затруднения простейшим образом, предположив, что плащаница была заготовлена заранее в расчете на более ранний приезд. Вряд ли такое предположение можно признать убедительным.

Существует возможность заподозрить неправильность общепризнанной даты галицкого сражения и попытаться перенести ее на 27 января 1449 г., что примирило бы летописные показания со свидетельством плащаницы. Подобные ошибки достаточно часто возникают из-за того, что разные летописные своды пользуются разными системами отсчета лет или разными календарными циклами, например, если в одном случае употреблялся мартовский, то в другом случае сентябрьский год. Однако здесь такая попытка окажется несостоятельной, вступив в противоречие со всем календарем событий, последовательно описанных в Никоновской летописи под 6956—6957 гг.

Под 6956 г. летопись рассказывает о костромском

¹ ПСРЛ, т. XVI, СПб., 1889, с. 192.

² ПСРЛ, т. XII, с. 75.

примирении Василия Темного и Шемяки, после которого Василий на Великий день пришел в Ростов, а «назавтрее празднова Благовещение в Ростове»¹. Поскольку Благовещение бывает 25 марта, Пасха в этом году пала на 24 марта, а это соответствует 1448 г. Далее следует рассказ о поставлении в 6957 г. митрополитом Ионы 15 декабря, что можно отнести только к 15 декабря 1448 г., а вслед за этим рассказывается о нападении Шемяки на Кострому в Великий день, т. е. 13 апреля 1449 г., о рождении у Василия Васильевича сына Бориса в июле и, наконец, об осенних событиях, предшествующих галичскому сражению, которое, таким образом, не могло состояться в январе 1449 г. и действительно произошло годом позже.

Хронологический анализ событий 1449 — начала 1450 г. ведет к бесспорному выводу: дата Шемякиной плащаницы неверна в той ее части, которая обозначена годовым числом. Плащаницу невозможно датировать 1449 годом.

Обратимся теперь к индиктному числу. Седьмой индикт в середине XV в. соответствовал 6937, 6952 и 6967 гг. Первая дата отпадает: она приходится на 1429 г., а Дмитрий тогда еще не был женат; лишь к 1436 г. относится сообщение летописи о его в тот раз несостоявшейся свадьбе с Софьей Дмитриевной². Отпадает и самая поздняя из этих трех дат, приходящаяся на 1459 г., когда Шемяки уже не было в живых (он умер в 1453 г.). Если в первоначальной легенде плащаницы присутствовала единственно возможная дата 6952 г., ее превращение в 6957 объяснить крайне просто: последняя цифра даты «В» легко могла превратиться в «3» при утрате нитей, составляющих вертикальную линию цифры «В». С другой стороны, если первоначально стояла известная нам дата 6957, ошибка в индиктном числе необъяснима. Никакие утраты шитья не могут превратить 12 (ВІ) в 7 (З) так, чтобы это осталось незамеченным. Возможны ли изготовление и вклад плащаницы в Юрьев монастырь перечисленными в ее надписи лицами в 6952 (1444) г.?

Рассмотрим события этого времени. Осенью 6950 (1441) г. Василий Васильевич «възверже нелюбие на князя Дмитрея Юрьевича Шемяку и поиде на него ко

¹ ПСРЛ, т. XII, с. 74.

² См. там же, с. 21.

Угличю, и он побеже в Бежецкий Верх Новгородский... и потом же князь Дмитрий Юрьевич Шемяка, а с ним князь Александр Черторижский, часа того пришли мало не к Москве; и помири их игумен Зиновей Троецкий и любовь меж их сотвори... Той же зимы бояся князь Дмитри Юрьевич Шемяка великого князя Василья Васильевича и присла в Великий Новгород, чтобы их приняли на своей их воли; и Новгородцы отвеща: «аще хочещи, княже, к нам ехати, и ты поеди, а мы тебе ради»¹. Переговоры Шемяки с Новгородом, таким образом, относятся к началу 1442 г. После этого сообщения Дмитрий исчезает из поля зрения летописцев вплоть до 1445 г., когда он участвует в походе русских князей на Улу-Мухаммеда². Где все эти годы находился Шемяка?

Н. М. Карамзин считал, что Дмитрий Юрьевич был на своем уделе «или потому, что ему не понравился ответ новгородцев, или потому, что тогдашние обстоятельства Новгорода отвратили его от намерения искать там убежища»³. Показанием юрьевской плащаницы это мнение отвергается. В действительности 23 августа 1444 г. Шемяка с женой и сыном был в Новгороде. Существует возможность максимально уточнить дату его первого приезда туда.

Выше уже обращалось внимание на спорное показание летописи Авраамки о приходе Дмитрия в Новгород после поражения 1450 г. День этого прихода — 2 апреля — сопровождается ссылкой на церковную дату и не соответствует 1450 г. Между тем эта дата без проекции на церковный календарь названа и в некоторых других летописях, которые дополняют связанный с ней рассказ еще одной подробностью: «Прииде князь Дмитри Юрьевич с княгинею в Новгород априля 2»⁴. Новгородская Вторая летопись говорит о 2 апреля не под 6957 г. (как в Новгородской Четвертой летописи), а под 6954 г. и в несколько иной редакции: «И сел на княжение великий князь Дмитри Юрьевич и со княгинею в Новгород априль 2»⁵.

Сомнительность отнесения событий 2 апреля к 1450 г.

¹ ПСРЛ, т. XII, с. 42; НПЛ, с. 422.

² См.: ПСРЛ, т. XII, с. 63.

³ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. V, с. 174.

⁴ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2. Л., 1925, с. 490 (список Дубровского); вып. 3. Л., 1929, с. 608 (список Никольского).

⁵ ПСРЛ, т. 30. М., 1965, с. 171.

подтверждается не только противоречием с церковной датой. После галичского сражения 27 января 1450 г. Василий Темный вернулся в Москву на Масленой неделе, т. е. между 9 и 15 февраля, а Шемяка скакал до Новгорода более двух месяцев. Объяснить столь медлительное бегство затруднительно. Известно также, что его жена и сын находились в Новгороде уже с осени 1449 г., между тем как цитированными летописными показаниями утверждается приход Шемяки в Новгород 2 апреля вместе с княгиней. Очевидно, в рассказ летописи Авраамки дата 2 апреля проникла из повествования о событиях какого-то иного года.

В поисках истинного места этой даты можно рассмотреть два варианта возможного решения. Если опереться на сообщение Новгородской Второй летописи, где говорится о вокняжении Шемяки в Новгороде 2 апреля 6954 г., после ослепления Василия Васильевича, такой датой будет 1446 г. Но это предположение принять невозможно, поскольку в 1446 г. Шемяка и его жена в Новгороде не были. Его суверенитет над Новгородом, возникший в результате захвата великокняжеского стола, был оформлен в Москве: «Присла поклонщики в Новъгород, Новгородци же послаша к нему послы Федора посадника Яковлича, посадника Василья Степановича, и князь Дмитрии целова крест на всех старинах. А Борис Тферьскои князь на опасе держав новгородчьких послов 4 месяца, и отпусти их, тоже поежша к князю Дмитрию»¹. Поскольку великое княжение было захвачено Дмитрием в феврале 1446 г., его крестоцелование с новгородцами могло бы относиться к апрелю, однако в 1446 г. среда Вербной недели приходилась не на 2, а на 6 апреля.

Другой вариант исходит из доверия к проекции даты 2 апреля на церковный календарь. 2 апреля совпадало со средой Вербной недели в 1444 г. (до этого в 1438 г., после этого впервые лишь в 1506 г.). Таким образом, получаем второе свидетельство пребывания Шемяки с семьей в Новгороде в 1444 г.

Нам остается рассмотреть вопрос о том, как поздно сравнительно с датой вклада была вышита оригинальная легенда плащаницы, в которой очевиден элемент припоминания («Как был великий князь Дмитрии Юрьевич в Великом Новегороде...»). Само титулование Дмитрия

¹ ПСРЛ, т. IV, вып. 2. Л., 1925, с. 443; т. XVI, с. 189.

великим князем дает нужную опору для ответа на этот вопрос. Великокняжеский титул Шемяка получил после ослепления Василия Васильевича и занятия Москвы, т. е. в конце февраля 1446 г. Вскоре им был совершен и ряд с Новгородом, как это видно из только что цитированного летописного показания. Известна, правда, печать Шемяки с великокняжеским титулом при грамоте, датированной Л. В. Черепниным 1445 г.¹ Однако А. А. Зимин обосновал передатировку этого документа более поздним временем, отнеся его к периоду, последовавшему за потерей Дмитрием Москвы².

В 1444 г. Шемяка находился в Новгороде как гость, просивший и получивший временное убежище, но не в качестве новгородского князя (обладание новгородским столом давало бы ему формальное право на пользование великокняжеским титулом)³. Нужно думать, что именно юридическая неясность отношения Новгорода к Москве в 1444 г. вызвала не увенчавшуюся успехом попытку литовского великого князя Казимира добиваться новгородского стола⁴, что вряд ли могло случиться, если бы на этот стол уже был принят Шемяка.

Таким образом, возможность титулования Дмитрия великим князем возникла не ранее весны 1446 г. Как долго этот титул и это имя в Новгороде были неразделимы?

Еще в декабре 1447 г. новгородцы безоговорочно признают Шемяку своим законным князем, что следует из прямого указания известного послания русского духовенства Дмитрию Юрьевичу: «И ты в целовании с Великим Новгородом, да и Новгород Великий целования не сложил, да еще посылал еси к Великому Новгороду да и посла своего, а зоучи себе князем великим, да просил еси у них себе помощи»⁵. Однако уже в начале следующего года, как можно догадываться, неудачи Дмитрия вызывают колебания новгородцев: «Князь великий Василей

¹ См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., с. 119—121, № 40.

² См.: *Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв.* — Сб.: *Проблемы источниковедения*, вып. VI. М., 1958, с. 304—306.

³ Великим князем, в частности, титуловался Константин Дмитриевич в 1420 г., когда он был принят новгородцами на стол во время его размирья с Василием Дмитриевичем (см.: *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. М.—Л., 1949, с. 97, № 59).

⁴ См.: *НПЛ*, с. 424.

⁵ *Акты исторические*, т. I, с. 76—77, № 40.

выбеже во Тверь и приехаша к нему князи и бояри и татары. И слышав князь Дмитриий и князь Иван Можайски и выехаша на Волгу в Галич и на Кострому..., а новгородци не вступишася ни по одном»¹.

В период пребывания Шемяки в Новгороде после галичского поражения вопрос об официальном титуловании Дмитрия Юрьевича великим князем как будто не возникает. Послание митрополита Ионы архиепископу Евфимию 29 сентября 1452 г. содержит общие упреки по поводу того, что новгородцы, проявляя гостеприимство, воздают Дмитрию «честь по силе», как «преже того русским князьям», и что они дали Шемяке возможность «княгиню свою и весь свои кош оставить в Новгороде» (сам Шемяка воевал в это время против Москвы в Заволочье), но прямой упрек о сохранении новгородского целования Дмитрию в этом послании отсутствует². И тем не менее имеется достаточно оснований догадываться, что в период последнего пребывания Шемяки в Новгороде новгородцы считали себя свободными от обязательств перед Василием Темным. Попытаемся суммировать имеющиеся факты.

На протяжении всего периода возвышения и падения Шемяки в Новгороде действует московский великокняжеский наместник князь Александр Васильевич Черторыйский. Отправленный еще в 1443 г. великим князем Василием Васильевичем наместничать в Псков, он в 1447 г. переходит на наместничество в Новгород, «занеже к Новгороду уреклься». В 1448 г. князь Черторыйский во главе новгородцев вступает в успешную борьбу с Ливонским орденом и заключает с ним мир³. В 1455 г., уже после смерти Шемяки, он снова приглашен в Псков посольством, нашедшим его в Русе, а в следующем году возвращается в Псков⁴.

Политические взаимоотношения Александра Черторыйского и Шемяки достаточно определены. Старый союзник Шемяки, участвовавший с ним в борьбе с Москвой еще в 1441 г., он перешел на новгородское наместни-

¹ ПСРЛ, т. IV, вып. 2, с. 444.

² См.: Акты Археологической экспедиции, т. 1. СПб., 1836, с. 404—405.

³ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 117—122, № 72, 73.

⁴ См.: Псковские летописи, т. 1, с. 46—48, 52, 54; т. 2, с. 135, 141, 143.

чество в тот момент, когда великим князем Московским был Дмитрий Шемяка, и, следовательно, вступил в Новгород как наместник Шемяки. В 1452 г., когда Шемяка воевал с Москвой в Заволочье, «новгородци с князем Александром Васильевичем много волостей великого князя воеваше и пожгоша, и полону много приведоша». В том же году Александр породнился с Шемякой, женившись на его дочери, а по возвращении Дмитрия Юрьевича с Волока в 1453 г. водворил его на Городище, т. е. в официальной великокняжеской резиденции¹.

Если не находится ни одного официального документа титулования Шемяки великим князем, то новгородская летописная версия, уцелевшая наиболее полно в летописи Авраамки, отражает иной взгляд на пребывание Шемяки в Новгороде в 50-х годах XV в. Мы уже цитировали из нее рассказ 1450 г., в котором и Шемяка, и Василий Темный называются великими князьями. Под следующими годами этот принцип пунктуально выдержан.

В 1451 г. «поеха князь великий Дмитрией Юрьевич из Новагорода за Волок, месяца марта в 21 день, в неделю по Зборе, а княгиню свою оставив в Великом Новегороде и сына Ивана».

В 1452 г. «князь Олександр Васильевич женился в Великом Новегороде у княгине великой у Дмитриевы у Софьи, а князь великий Дмитрией Юрьевич тогда был за Волоком».

В 1453 г. «той зимы приеха в Великий Новьгород из Заволочья князь великий Дмитрией Юрьевич, и стал на Городище... того же лета преставися князь великий Дмитрией Юрьевич в Великом Новегороде, на Городище, месяца июля в 17 день, в вторник, и положен бысть в монастыре святого Егоргия в церкви»².

И даже в 1456 г. вдова Шемяки сохраняет в летописном рассказе титулование великой княгиней: «А княгиня великая Софья Дмитриева виде ту скорбь Великому Новугороду, и убояся князя великого, и побеже из Новагорода в Литву, к сыну своему, князю Ивану, февраля в 7 день, в субботу сыропустную»³.

Антимосковской акцией Новгорода было, следовательно

¹ См.: ПСРЛ, т. XVI, с. 193.

² Там же.

³ Там же, с. 196. Иван Дмитриевич отъехал из Новгорода в Литву еще весной 1454 г.; 9 апреля он был уже в Пскове (см.: Псковские летописи, т. 1, с. 52; т. 2, с. 49, 140—141).

но, не предоставление убежища политическому противнику Василия Темного, а фактическое отложение от Москвы великокняжеской администрации Новгорода, признавшей суверенитет над Новгородом Дмитрия Шемяки. Закономерным поэтому стало требование Яжелбицкого договора 1456 г.: «А Великому Новугороду князя Ивана Андреевича Можайского и его дети, и князя Ивана Дмитриевича Шемякина и его дети, и его матери княгини Софьи и ее дети и зятьи Новугороду не примати»¹. Под «зятьей» Софьи подразумевается Александр Васильевич Черторыйский.

Резюмируя сказанное, мы склонны датировать средник Шемякиной плащаницы 1444 годом, а оригинальную шитую легенду этого воздуха — периодом титулования Шемяки великим князем, т. е. временем с весны 1446 г. до бегства из Новгорода Софьи Дмитриевны в феврале 1456 г. Вряд ли подобное титулование осталось возможным в более позднее время.

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 43, № 23. Запрет принимать в Новгород Ивана Дмитриевича Шемякина и его детей подтверждается и в Коростынском договоре 1471 г. (см. там же, с. 46, № 26).

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МОРОЗОВЫХ

Проблема происхождения боярского рода Морозовых не имеет узкогенеалогического характера, будучи прямо связана с вопросом о судьбе новгородских аристократических фамилий. Хорошо известно, что участие новгородского боярства в формировании позднейшей русской аристократии было минимальным, причиной чему послужили мероприятия Ивана III, проведенные сразу по ликвидации новгородской независимости. Массовое переселение новгородских землевладельцев в Низовские земли, замена их широким контингентом новых для Новгорода и его земли лиц, по существу, деклассировали древнюю аристократию Новгорода. Мы не знаем потомков гордых боярских родов Берденевых и Грузовых, Борецких и Лошинских, Казимера и Короба. Находившиеся на вершине власти, правившие огромным государством, распространявшие свое могущество на весь русский северо-запад, они оказались низвергнутыми и если не были уничтожены физически, то во всяком случае бесследно растворились в городах и городках центральной Руси.

Позднейшие родословцы не отрицают связь некоторых известных фамилий с Новгородом, однако догадываются, что переход таких фамилий на службу к великому князю совершился задолго до 1478 г. и последовавших за ним боярских «выводов». К числу подобных родов относится потомство предка А. С. Пушкина Гаврилы Алексича, сын которого Акинф Великий еще в начале XIV в. «и с чады своими и прочие боляры идоша во Тверь ко князю Михаилу Ярославичю, братаничю Александрову»¹.

Таким же выходцем из Новгорода принято считать род Морозовых, а также происходящие от Морозовых роды Шеиных, Салтыковых, Скрябиных, Тучковых и родственный им род Вешняковых.

Основанием для такого мнения служит показание «Родословной книги», использованное всеми позднейшими генеалогическими росписями. Согласно этому показа-

¹ ПСРЛ, т. XXI. СПб., 1908, с. 307. Впрочем, очевидно, Гаврила Алексич происходил не из собственно новгородского боярства, а из княжеских бояр,

нию, общим предком Морозовых и Вешняковых был «Немец из Прусские земли» Михаил (Миша) Прушанин, приехавший вместе с сыном Терентием на службу к Александру Невскому в Новгород. Терентий (а по другой версии — сам Миша) был одним из наиболее отличившихся в Невской битве 1240 г. воинов, за что и был Александром Ярославичем пожалован в бояре. У сына Терентия Михаила были сыновья Семен и Елизар. От Елизара пошли Вешняковы, от сына Семена Ивана Мороза — Морозовы, Шеины, Салтыковы, Скрябины, Тучковы и некоторые другие менее известные фамилии¹.

С. В. Веселовский, исследовавший показания родословца Морозовых, собрал многочисленные акты и нарративные материалы, позволяющие достаточно точно датировать деятельность последовательных поколений этой семьи². Его наблюдения делают очевидным, что начало службы Морозовых в Москве восходит ко времени не позднее первой половины XIV в., на что, в частности, указывает тарханно-несудимая грамота 1435 г. великого князя Василия Васильевича Михаилу Яковлевичу Русалке Морозову, данная по грамотам великих князей Ивана Даниловича, Семена Ивановича, Ивана Ивановича, Дмитрия Ивановича и Василия Дмитриевича³.

Время деятельности Ивана Мороза определяется примерно второй третью XIV в., основанием чему служит несколько показаний. Жена Ивана Анна была современницей князя Василия Дмитриевича⁴. Однако это свидетельство застаёт ее в преклонном возрасте, поскольку сыновья Ивана Мороза еще при Дмитрии Донском были взрослыми людьми: Михаил в 1382 г. был отправлен послом в Тверь за митрополитом Киприаном⁵, Лев Иванович Морозов за два года до того погиб на Куликовом поле⁶. Там же погибли Юрий и Федор, сыновья Елизара, следовательно, двоюродные братья Ивана Мороза⁷.

¹ См.: «Временник ОИДР», кн. X. Материалы. М., 1851, с. 107, 108, 180.

² См.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 196—210 («Морозовы и Вешняковы»).

³ См.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в., т. I. М., 1952, № 117.

⁴ См.: ГИМ, Собр. Уварова, кн. 157, л. 157; *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 197.

⁵ См.: ПСРЛ, т. XI, с. 81.

⁶ См.: *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 198.

⁷ См.: «Временник ОИДР», кн. X. Материалы, с. 183.

Приведенные данные относят деятельность сыновей Ивана Мороза к последней четверти XIV в. Что касается поколения его внуков, которые происходят от старшего сына Ивана Мороза Михаила, их время замыкается в рамки-первой половины — середины XV в. Один из этих внуков Василий Михайлович Шея упоминается под 1446 г.¹ Все правнуки Ивана Мороза начинают упоминаться как дееспособные лица с 60-х годов XV в. Время праправнуков Ивана Мороза начинается с последних лет XV в.², но они нас уже не интересуют.

Сходную хронологическую картину мы наблюдаем, знакомясь с временем деятельности поколений потомства брата Ивана Мороза Василия Туши³. Внуки Василия синхронны внукам Ивана: они упоминаются в первой половине XV в. Впрочем, смена поколений здесь оказывается более быстрой. Правнуки Василия известны как самостоятельные деятели уже под 1433 г. (Яков Жест), 1445 г. (Роман Семенович) и 1446 г. (другие сыновья Семена Филимоновича), а один из его праправнуков (Михаил Яковлевич Русалка) фигурирует в документах с 1435 по 1500 г.⁴

Рассмотрение собранных С. Б. Веселовским материалов не оставляет сомнений, во-первых, в том, что Иван Мороз и Василий Туша действительно тяготеют к середине XIV в.; во-вторых, в том, что сами эти лица и их многочисленные потомки не имели отношения в эпоху своей деятельности к новгородскому боярству и вообще к Новгороду. Уже в эпоху подчинения Новгорода Москве видные представители Морозовых выступают в документах как носители московской политики. Михаил Яковлевич Русалка в 1475 и 1478 гг. был воеводой в походах Ивана III на Новгород, Григорий Васильевич Поплева (правнук Ивана Мороза) наместничал в Новгороде в 1481 г.⁵ Великокняжескими наместниками в Новгороде в XVI в. были сыновья Григория Поплевы Иван (1514; 1515; 1516; 1538; 1548; 1550) и Василий (1541), а также

¹ См.: ПСРЛ, т. XXIII, с. 152.

² См.: *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 200—208.

³ По частным родословцам Василий Туша считается сыном Ивана Мороза, однако С. Б. Веселовский игнорирует это известие, основываясь на показаниях Бархатной книги и общих соображениях хронологического порядка (см.: Указ. соч., с. 197—198).

⁴ См.: *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 208—209.

⁵ См. там же, с. 200, 209.

его внучатый племянник Михаил Васильевич (1517; 1522) ¹.

В свете этих наблюдений не подлежит сомнению решительный вывод С. Б. Веселовского: «О времени выезда Морозовых нет никаких указаний, но несомненно, что они были исконным московским родом, который служил уже вел. кн. Ивану Даниловичу» ².

В особом анализе нуждается однако тезис о выезде Морозовых из Новгорода, основанный на показаниях родословных книг. Достоверность таких показаний подтверждается только со времени деятельности Ивана Мороза в середине XIV в., тогда как первые четыре поколения этого рода (Миша — Терентий — Михаил — Семен) окутаны генеалогическим туманом, составляя всего лишь предание. С другой стороны, именно эти четыре первых звена тем же преданием связаны с Новгородом, а автор замечательного исследования о Морозовых был склонен признавать истинность этого предания. «Мне кажется, — писал Веселовский, — что в этом предании есть элементы правды — весьма вероятное происхождение Морозовых, как и Акинфовичей, из Великого Новгорода» ³.

В этой связи обращает на себя внимание один новгородский документ, известный в литературе еще со времен ученой деятельности архимандрита Макария. Имеется в виду синодик новгородской церкви Вознесения на Прусской улице, сохранившийся в рукописи конца XVII — первой четверти XVIII в. и воспроизводимый ниже:

«В лето 6693 года, месяца мая в 1 день, на память святого пророка Еремиа, а четверток шестыя недели по пасце, в самый праздник Вознесения господня, на вечерне против пятка, бысть знамение в солнце и во звездах. И того ради страшливо видения заложыша тысецкие Великаго Новаграда и создаша церковь каменную во имя Вознесения господа нашего Иисуса Христа, по образу святыя Троицы, троеглавы, близ стены грацкой. И в той святыя церкви устроиша два предела на полатях; от южныя убо страны предел во имя пресвятыя богородицы честнаго ея Покрова, от северныя страны предел архиерея Христова Николая чудотворца; и освятиша и подписаша настенным подписанием греческими изуграфы пречюдно вельми, елико очи зрящих удивлятися могут, и божественными иконами и всякою церковною утварию украсиша, якоже лепо бе, и села со

¹ См.: *Пронштейн А. П.* Великий Новгород в XVI в. Харьков, 1957, с. 262—267.

² *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 196.

³ *Там же*, с. 196.

многими именем даша на подтверждение той святей церкви, иже бы непоколебимо пребывати на веки, тако же и на пропитание служителям той святыя церкви. Создатели святыя церкви суть вси: Михаил, Терентий, Михаил, Симеон, Иоанн иже прозванием Морозовых, такожде иныя: Михаил, Феодор, Василий, Игнатий и иные мнози; еще же и жене: Улиания, Ксения, Агриппина; иже преставишася кой-жедо в свое время и погребены быша при той созданной церкви на южной и северной странах в настенных гробех. И образы подобие их одежды, яковы носяху, написаны суть и внутрь на церковной стране, по стране южных церковных дверей, в написании том 17 лиц. Бяху бо создатели града владители быша по древнему грацкому обычаю убо тысяцкие, по иных летописцех посадники именованых. Пришествие же их в Великий Новъград быше от Пруския земли во время княжения великаго Александра Ярославича, нарицаемого Невскаго»¹.

Как и большинство подобного рода документов, Вознесенский синодик соединяет в себе черты достоверности и безусловного вымысла, изобилуя анахронизмами. Его достоверность зрима в той части, которая основана на подлинном источнике, каким был сам храм с его погребениями и ктиторскими фресками. Неясно только является ли эта зарисовка храма авторской, принадлежащей составителю окончательного текста, или она заимствована из более древнего синодика. Синодик безусловно был основан на таком раннем варианте, сохранившем хронологическую последовательность ктиторских имен и содержащем, вероятно, летописную заметку об обстоятельствах создания церкви. Существует, однако, и еще одна группа источников, освоенная автором дошедшего до нас документа: книги, с которыми он сверялся, желая дать посильный комментарий своим главным источникам. Достоверно, что одной из таких книг был родословец, поскольку только в нем имеется повторенная автором синодика версия о приходе Морозовых «от Прусские земли». Менее достоверно, чтобы он обращался к летописям, хотя и ссылается на «иные летописцы», так как ни в одном из летописцев он не смог бы найти фантастических сведений о посадничестве или тысяцком кого-либо из Морозовых. Впрочем, к вопро-

¹ Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник, № 11035, лл. 4—6; см. также: *Макарий*. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. I. М., 1860, с. 187; *Азбелев С. Н.* Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в. — Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛ, т. XV, 1958, с. 261; *его же*. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960, с. 98—99; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962, с. 113—114.

су о возможных летописных заимствованиях нам еще придется вернуться.

Попытка ответить на вопрос о времени «зарисовки» внутренности храма приводит к выводу о датировке основы синодика самое раннее XVI веком. Еще в конце XV в. Вознесенская церковь, просуществовавшая до начала XIX в., располагала иным набором приделов, что отмечено в «Описании семи новгородских соборов»: «А на той же улице (на Прусской. — В. Я.) Възнесение, да на полатех Аврамей святыи да Семеон святыи Богоприимецъ»¹. Возникшие вместо них Покровский и Николаевский приделы фиксированы источниками XVI в.

Однако в этой части имеется явная несообразность — включение в число ктиторов, чьи могилы и изображения якобы имеются в храме: Михаила, Феодора, Василия и Игнатия; эти имена образуют как бы отдельный список, отделенный от основного словами: «также иныя». Самый контекст, очередность и состав этих имен достаточно ясны. Речь идет о старших сыновьях Ивана Мороза — Михаиле и Федоре и старших сыновьях Михаила Ивановича — Василии Слепом и Игнатии, т. е. о лицах, к Новгороду отношения не имеющих и погребенных где угодно, только не на Прусской улице Новгорода. Наличие слов «также иныя» представляется поэтому швом между сообщениями, заимствованными в Вознесенском синодике из разных источников.

Рассмотрим теперь вопрос о фигурирующей в синодике дате. На первый взгляд, она в высшей степени противоречива. Автор синодика называет первоначальным ктитorem церкви Михаила, относя его «пришествие» в Новгород ко времени Александра Невского, и тут же сообщает, что церковь была заложена и создана в 6693 (1185) г. Какая из названных дат истинна?

По первому впечатлению, предпочтительной оказывается более ранняя дата. Действительно, Новгородская Первая летопись именно под 6693 г. сообщает о закладке церкви Вознесения Милонегом (который к тому же был тысяцким) на месте спорившей за десять лет до того деревянной церкви². В том же рассказе 6693 г. имеются подтверждаемые расчетом по таблицам сведе-

¹ Никольский А. Описание семи новгородских соборов по списку XVI в. С.-Петербургской библиотеки св. Синода. — Вестник археологии и истории, вып. 10. СПб., 1898, с. 79.

² См.: НПЛ, с. 34, 223 (под 6683 г.).

ния о солнечном затмении 1 мая. Приведем летописное сообщение целиком: «В лето 6693. Маия в 1 день, в час 10 дня, яко в звонение вечернее, солнце помърче, яко на часу и боле, и звезды быша, и паки просветися, и ради быхом. Месяца того же в 6 заложиша Лукиници церковь камяну святых апостол Петра и Павла на Сильнищи. В то же лето Милонег заложи церковь камяну святого Възнесения при архиепископе Илии, а князи Мыстиславе Давыдовици. А на зиму поиде Давыд к Полотьску с новгородьци и с смольняны, и, умиривъшися, воротишася на Еменьци»¹.

Контекст цитированного сообщения отнюдь не предполагает причинно-следственной связи между затмением 1 мая 1185 г. и закладкой церкви Вознесения в том же году. Напротив, в синодике эта связь максимально подчеркнута указанием на то, что солнечное затмение случилось в день Вознесения. Эти сведения синодика можно было бы игнорировать как недостоверные, поскольку в 1185 г. Пасха была 21 апреля, а Вознесение, следовательно, не 1 мая, а 30 мая. Однако вопрос оказывается не столь простым.

Расчет по таблицам обнаруживает, что на 1 мая Вознесение приходилось в 1231 г., и именно в этот день на Руси наблюдалось полное солнечное затмение. Такое совпадение календарных признаков настолько редкостно, что заставляет внимательно присмотреться к полученной дате, тем более что она совпадает с начальным периодом деятельности Александра Невского. Хотя началом самостоятельного княжения Александра Ярославича в Новгороде был 1238 год, а к 1231 г. относится еще княжение его отца, однако в летописном рассказе о январских событиях именно 1231 г. имеется следующее сообщение о действиях Ярослава Всеволодовича: «И седев 2 недели, иде опять в Переяславль, поя с собою мужи новгородьския моложьшая, а сына своя 2 посади Новегороде, Феодора и Ольксандра»².

Нам представляется, что случившееся 1 мая 1231 г. солнечное затмение, которое пришлось к тому же на церковный праздник Вознесения, могло побудить жителей Прусской улицы к созданию новой церкви. Летопись трактует любое затмение как знамение, и летописный рассказ о закладке Вознесенской церкви в год солнеч-

¹ НПЛ, с. 37—38.

² Там же, с. 70.

ного затмения естественно порождал ассоциацию, когда спустя 46 лет такое затмение повторилось в тот же день 1 мая. Повторное знамение привело к перестройке Вознесенской церкви, но составитель синодика «исправил» дату, опершись на летописный рассказ 1185 г.

Вполне реальным фактом синодика является связь погребения Михаила Прушанина с храмом, стоящим на Прусской улице Новгорода. О месте погребения Михаила на Прусской улице знают родословцы, однако они ошибочно связывают эту могилу с другой церковью той же улицы — Михайловской¹. Вознесенский синодик, автор которого ссылается на надписи надгробий и ктиторские фрески, исправляет эту ошибку. Еще со времен И. В. Аничкова не вызывает сомнений, что выезжее «из Прусской земли» происхождение боярских фамилий — синоним их изначальной связи с Прусской улицей Новгорода, а Миша Прушанин поэтому не заезжий с берегов Балтики гость, а уроженец одной из древних боярских усадеб Прусской улицы Новгорода².

Известно, что новгородские боярские семьи были прочнейшим образом связаны со своими родовыми усадьбами. Из поколения в поколение они жили на одних и тех же концах города, наследуя древние участки городской территории, находившиеся в их владении³. Поэтому небезынтересно выяснить, владели ли ближайшие потомки Михаила Прушанина усадьбами в том же районе Новгорода. Эти сведения иногда возможно извлечь из рассказов летописи о строительной деятельности новгородцев, создававших церкви, естественно, в непосредственной близости от своих усадеб, в пределах своих родовых владений.

Терентий, Михаил и Семен — ближайшие потомки Миши — в летописи не упоминаются. Зато новгородское летописание хорошо знает Ивана Морозова, жившего на Прусской улице и, по расчету времени, относящегося к периоду деятельности праправнуков Миши Прушанина. Первая Новгородская летопись содержит следующее сообщение о нем: «А Иван Морозов постави церковь камену на Десятине Зачатье святого Иоанна Предтечи»⁴.

¹ См.: *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 196.

² См.: *Аничков И. В.* Историческое значение названия Прусской улицы для Великого Новгорода. Новгород, 1916.

³ См.: *Янин В. Л.* Заметки о новгородских берестяных грамотах. — «Советская археология», 1965, № 4.

⁴ НПЛ, с. 404.

Десятинный монастырь находился на участке, соседнем с Прусской улицей.

Для нас несомненна достоверность той части Вознесенского синодика, которая сообщает о погребении на Прусской улице «Михаила, Терентия, Михаила, Симеона, Иоанна иже прозванием Морозовых». Однако не менее достоверным представляется нам то обстоятельство, что погребенный здесь Иван Морозов не идентичен Ивану Морозу, бывшему родоначальником позднейших боярских родов Москвы. Московский Иван Мороз действовал в середине XIV в., а цитированное выше сообщение о строительной деятельности новгородского Ивана Морозова относится к 1413 г., т. е. к эпохе внуков московского Ивана Мороза.

Эти наблюдения позволяют заключить, что в родословных книгах было предпринято неправомерное соединение сведений, относящихся к древнему новгородскому роду, и сведений, относящихся к совершенно иному, московскому боярскому роду, причиной чему послужило отождествление двух разных лиц, носивших одинаковые имена и прозвища. Обращает на себя внимание, что включение в Вознесенский синодик всех мужских имен после слов «Иоани иже прозванием Морозовых», начинаясь оборотом «такожде иныя», имеет характер вставки, интерполированной в более ранний текст. Об исторической несообразности этой вставки говорилось выше.

Мы склонны думать, что создание первоначальной версии о связи московских Морозовых с Новгородом, легшей затем в основу родословцев, возникло по инициативе одного из наместничавших в Новгороде в конце XV или начале XVI в. Морозовых. И Поплевины, и их отец Григорий Поплева были непосредственными потомками тех лиц, имена которых фигурируют во вставке в синодик. Допустимо, что эти имена были включены в него для поминовений, а затем уже были восприняты как ктиторские.

Во всяком случае мы не видим оснований предполагать новгородское происхождение для московских Морозовых и их связь с Мишей Прушанином и Терентием. Достоверные предки Морозовых, Шеиных, Салтыковых, Скрябиных и Тучковых отыскиваются лишь в середине XIV в. в Москве, а истинное происхождение Ивана Мороза не известно.

ВОЗМОЖНОСТИ АРХЕОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА

Прошло около пятидесяти лет с того дня, когда А. В. Арциховский сформировал первую экспедицию в Новгород. Автору этого очерка довелось впервые стать участником Новгородской экспедиции в ее девятый полевой сезон, в 1947 г., и ему хорошо памятно владевшее тогда многими археологами ощущение того, что научная программа изучения Новгорода близка к завершению. К тому времени уже были составлены значительные коллекции городских древностей, обоснована их хронологическая группировка по периодам с точностью до двух веков, получены убедительные доказательства высокого технологического уровня средневекового ремесленного производства. В 1948 г. были закончены раскопки на Ярославовом дворище. Предполагалось, что в Новгороде сделано все, что нужно было сделать, и после двухлетнего перерыва, в 1951 г., был заложен как думали тогда, последний, контрольный раскоп.

Жизнь распорядилась так, что этот раскоп положил начало непрерывным исследованиям Новгорода. И сейчас, когда нас спрашивают о перспективах исчерпания научной программы, мы вынуждены осторожно говорить о XXI или XXII столетии. Дело здесь не только в том, что новые открытия продемонстрировали невероятную насыщенность культурного слоя Новгорода великолепно сохранившимися древними предметами, которые в коллекциях экспедиции исчисляются уже сотнями тысяч. Не в том, что в 1951 г. были впервые открыты берестяные грамоты. Разумеется, мы обязаны активно пополнять эти фонды источников. Ведь по отношению к ним единственной альтернативой к их сохранению путем археологических раскопок является их разрушение в ходе текущего строительства. Главное заключается в том, что изменились задачи средневековой археологии, превратив ее из дисциплины, замкнутой в кругу первоначальных прикладных исследований, в дисциплину историческую, способную ставить и решать проблемы первостепенного значения. А следовательно, и научная програм-

ма экспедиции выглядит иначе, чем четверть века тому назад.

Развивается и сама методика исследований. Если раньше мы удовлетворялись уточнением датировок до одного столетия, то теперь с помощью дендрохронологического анализа точность датировок приравняется во многих случаях к одному году. Если прежде о развитии производственной технологии судили по внешним признакам вещей, то теперь проникновение в их структуру средствами спектрографии и металлографии позволило различить внешне неразличимые предметы. Если раньше, начиная работу на новом участке, мы не знали его основных археологических характеристик, то теперь, с применением геологического бурения, мы можем давать такому участку предварительную оценку. Разработка новой методики не стала самоцелью; она дала археологам лишь новый, совершенный инструмент для исторического анализа.

Какие же задачи стоят сейчас перед экспедицией? Постараемся охарактеризовать наиболее существенные.

Около двухсот лет тому назад в историографии начало формироваться представление о не вполне обычном процессе возникновения Новгорода. Опираясь на наименование этого города (Новый город), исследователи настаивали на переселении новгородцев из какого-то более древнего, «Старого» города¹. Предполагали при этом, что с момента своего возникновения Новгород был очень большим городом: ведь сюда была перенесена уже сложившаяся на стороне структура городской жизни. Земляные фортификации Новгорода, образующие вокруг него кольцо протяженностью около 9 км и хорошо сохранившиеся, признавались изначальными рубежами территории, освоенной первопоселенцами. Поиски «Старого» города составили целый этап в развитии новгородской археологии. На роль возможных предшественников Новгорода предлагались Ладога (Б. Д. Греков), Русса (С. Ф. Платонов), Городище близ Новгорода (М. К. Каргер)². Эти поиски в конечном счете оказа-

¹ См.: Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода, с. 5—10.

² Обзор литературы см. в работах: *Порфиридов Н. Г.* Древний Новгород. М. — Л., 1947, с. 11—12; *Арциховский А. В.* Археологическое изучение Новгорода. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 55, 1956, с. 42—43.

лись безуспешными. В Руссе слоев, более древних, чем новгородские, нет. В Ладоге и на Городище они есть, но не обнаруживают генетических связей с древнейшими новгородскими комплексами.

В 1972 г. отряд Новгородской экспедиции под руководством М. Х. Алешковского произвел раскопки земляного вала, получив полный его поперечный разрез в двух далеко отстоящих друг от друга местах, на обеих сторонах Волхова. Извлеченные из подошвы вала первоначальные деревянные конструкции были подвергнуты дендрохронологическому анализу и точно датированы концом XIV — началом XV в.¹ Новгородские летописи подробно рассказывают о работах по сооружению городского вала в это время, однако, под гипнозом навязчивых представлений об исконности фортификаций на этом месте историки воспринимали этот летописный рассказ как свидетельство лишь позднейшей перестройки или капитального ремонта внешних укреплений города. Значит, в действительности в более раннее время фортификации города проходили по иным местам, ограничивая меньшую площадь².

В этой связи стал понятен смысл открытой еще в довоенное время каменной стены, которая свидетельством летописи датировалась 1335 годом³. Будучи несомненной внешней стеной города, она тем не менее стояла в окружении городской застройки, а земляной вал по отношению к ней составлял как бы внешнее, значительно отстоящее от нее кольцо. Теперь стало ясно, что за несколько десятилетий в середине и второй половине XIV в. город увеличился, превратив только что построенную каменную стену во внутреннее сооружение.

Наблюдения, сделанные на валу, подтвердились раскопками в самом Новгороде. Ведь если правильно традиционное представление об изначально громадном Новгороде, значит, на любом участке его территории, дойдя до древнейших слоев, мы должны встретить одинаково

¹ См.: Янин В. Л., Жолчин Б. А., Ершевский Б. Д., Алешковский М. Х. Новгородская экспедиция. — Сб.: Археологические открытия 1972 года. М., 1973, с. 48.

² См.: Алешковский М. Х., Красноречьев Л. Е. О датировке вала и рва новгородского острога (в связи с вопросом о формировании городской территории). — «Советская археология», 1970, № 4.

³ См.: Арциховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 11, 1949.

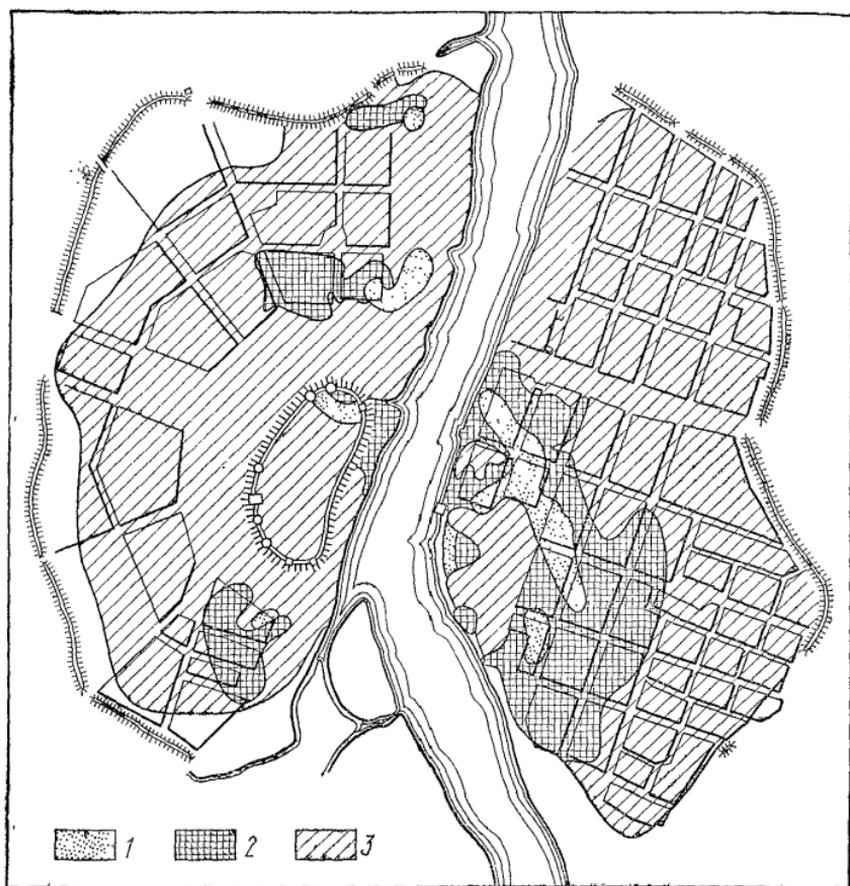
древние прослойки эпохи первоначального возникновения города. Так ли это в действительности?

Прежде чем ответить на этот вопрос, следует сказать несколько слов о новом порядке археологических работ в Новгороде, утвердившемся в последние годы. Изобилие в нем древностей и их прекрасная сохранность сделали очевидными значение новгородского культурного слоя как первостепенного источника новой информации о прошлом. Поэтому вполне закономерным было принятие в 1969 г. Новгородским горисполкомом постановления «Об охране культурного слоя». Согласно этому постановлению, любым земляным работам в городе, идет ли речь о строительстве новых зданий или о сооружении подземных коммуникаций, должны предшествовать археологические раскопки. С тех пор экспедиция подчинила свою деятельность графикам текущего строительства и избирает участки новых раскопок только в пределах будущих строительных котлованов. Однако именно такой порядок создает максимум мобильности в исследованиях, позволяя собирать сведения о характеристике многочисленных, далеко друг от друга отстоящих городских территорий.

На протяжении последних лет раскопки были проведены на четырнадцати участках, расположенных как в центре, так и на периферии Новгорода (в пределах его валов), и только на трех из них были обнаружены древнейшие прослойки X в. На остальных, часть которых находится даже в центральных районах, жизнь началась не ранее XI, XII, XIII, а порой и в XIV в.

Следовательно, древнейший Новгород вовсе не был таким большим, каким его привыкли представлять историки. Начав с освоения очень незначительной территории, город рос с течением веков, занимая все новые участки, пока не уперся на рубеже XIV—XV вв. в естественные рубежи окружающих его заливных лугов и болот; по этим рубежам и были проведены сохранившиеся до сегодняшнего дня земляные фортификации.

Очевидно, постепенное накопление новых материалов из раскопов и шурфов, работа на которых еще предстоит, даст возможность изучать территорию Новгорода в динамике ее развития. В будущем археологи смогут провести точные рубежи, ограничивавшие Новгород в XIII, XII, XI и X вв. Интенсивность развития города в разные столетия станет важным источником на-

Мощность культурного слоя в Новгороде по данным бурения:

1 — свыше 6 м; 2 — свыше 5 м; 3 — до 5 м

ших представлений о меняющемся уровне его экономической жизни, о степени воздействия на нее внутренних и внешних политических факторов, об изменении его демографической картины. Однако уже сегодня мы получили возможность строить достаточно обоснованные предположения о границах древнейшего Новгорода. Основой таких предположений стала обобщенная карта геологического бурения, которое производится в массовых масштабах для расчета несущих конструкций новых построек.

Карта геологического бурения позволяет реконструировать первоначальный рельеф местности, с которой как бы снят покров, образованный многими поколениями живших на ней людей, и измерить самый этот покров, выделив те территории, на которых культурный

слой сравнительно тонок, и те, на которых он отличается большей мощностью¹. На плане Новгорода четко обозначились территории, располагающие культурным слоем толщиной свыше 6 м; местами в этих линзах отмечаются участки культурных напластований мощностью в 9 м. Именно в пределах таких линз и только в их районе при раскопках были обнаружены слои X в.

Но самое любопытное заключается в том, что перспективные в отношении X в. участки расположены не в одном месте, которое можно было бы признать древнейшим центром Новгорода. Они расположены в трех местах и локализуются на Софийской стороне (в Неревском и Людином концах) и на Торговой стороне (в Славенском конце).

Письменные источники, повествуя о Новгороде XIV—XV вв., сообщают, что этот город делился на пять самоуправляющихся районов — «концов»: Неревский, Загородский и Людин на Софийской стороне, Славенский и Плотницкий на Торговой стороне. Однако подробный анализ этих известий позволяет установить, что Плотницкий конец образовался лишь во второй половине XII в., а Загородский — в конце XIII в.² Три остальных конца были древнейшими.

Таким образом, наблюдения над толщиной культурного слоя приводят к предположительной реконструкции первоначальной структуры Новгорода, который не был монолитным, а состоял из трех отделенных один от другого пустопорожними пространствами поселков-городков. Что эти поселки были именно городками, т. е. укрепленными населенными пунктами, можно догадываться исходя из показаний скандинавских саг. В Скандинавии Новгород на протяжении всего средневековья называли Холмгардом, т. е. Холмом-городом³. Но термин «Холм», хорошо известный в Новгороде, означал не весь город, а лишь Славенский конец. По-видимому,

¹ См.: Кушнин И. И. О культурном слое Новгорода. — «Советская археология», 1960, № 3; *его же*. О культурном слое Новгорода. — «Советская археология», 1964, № 4; *его же*. К топографии древнего Новгорода. — «Советская археология», 1975, № 3.

² См.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства, с. 109—110; Янин В. Л., *Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). — «История СССР», 1971, № 2, с. 40.

³ См.: Рыздзевская Е. В. Холм в Новгороде и древнесеверное Holmgardr. — Известия Российской академии истории материальной культуры, т. 2. Пб., 1922, с. 105—112.

только этот поселок первоначально назывался и по-русски «Холмом-городом», и его самоназвание скандинавы перенесли на весь Новгород. Но если в его название входит понятие «город», значит, поселок был укреплен: городами на Руси называли только огороженные фортификациями поселения.

В 1974 г. раскопки были произведены на самой границе той мощной линзы культурного слоя, которая находится в Неревском конце. Здесь были обнаружены толстые напластования почти стерильной глины, в которых можно предполагать остатки разрушенного еще в древности первоначального вала Неревского поселка-городка.

Поскольку в ранний период своего существования Новгород состоял из трех самостоятельных городков, каждый из которых имел особое название, по-новому может быть решена проблема происхождения его современного названия. Создав политическое объединение, три древнейших, до той поры независимых один от другого городков возвели совместными усилиями общее укрепление Детинец (кремль), и эту новую крепость и называли Новгородом по отношению к своим старым городкам. На протяжении длительного времени летопись применяет термин «Новгород» в первую очередь по отношению к Детинцу.

Проблема раннего Новгорода не ограничивается историко-топографическим аспектом. Обратим внимание на древние наименования первоначальных концов: Славенский, Неревский, Людин. Славенский — значит славянский. Название Неревского конца связано с племенным наименованием одного из чудских племен (в летописи: Нерева, Норома или Морова). В названии двух концов видна этническая основа. Но исследователям давно хорошо известно, что новгородский летописец в начале XIII в., говоря о древних новгородцах, написал: «Новгородстии людие, рекомии Словени, и Кривици, и Меря: Словени свою волость имели, а Кривици свою, а Мере свою; кождо своим родом владаше; а Чюдь своим родом»¹. Не следует ли из этого, что и первоначальные поселки, из которых составилась Новгород, были разнотничны? Славянский поселок, или Холм-город, был го-

¹ НПЛ, с. 106. Слова «а Чюдь своим родом», следующие после логической концовки предшествующего грамматического периода, представляются вставкой, преодолевающей двусмысленность упоми-

родком новгородских словен, Неревский — финно-угорских, чудских племен, а Людин — кривичей. В названии последнего нет этнической основы, но главная улица этого конца называлась Прусской, а ведь кривичи были племенем западнославянского происхождения и пришли на территорию Восточной Европы из Пруссии.

Продолжим цитирование летописи: «... и дань даяху Варягом от мужа по белеи веверици; а иже бяху у них, то ти насилье деяху Словеном, Кривичем и Мерям, и Чюди. И въсташа Словене и Кривици и Меряи Чюдь на Варягы, и изгнаша я за море; и начаша владети сами себе и города ставити. И въсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и въсташа град на град, и не беше в них правды. И реша к себе: «князя поищем»¹. В этом рассказе, действие которого возможно относить к IX в., наиболее интересным местом оказывается сообщение о городах, которые ставят словене, кривичи и чудь после изгнания варягов за море. Опираясь на то, что на протяжении всего обозримого письменными источниками периода вся феодальная верхушка Новгородской земли концентрируется в самом Новгороде, можно догадываться, что речь идет об аристократических, боярских городах кривичей и чуди, т. е. о тех же самых Неревском и Людином поселках. Если это так, то Новгород на заре своей истории возник не как центр только племенного союза новгородских словен, а как столица громадной разноэтничной федерации нашего Северо-Запада, состоящей из племен западных и восточных славян и аборигенных племен финно-угорского происхождения. Лишь активная и быстрая взаимная ассимиляция, начавшаяся несомненно еще до возникновения Новгорода, привела к нивелировке этого разноликого этноса на основе преобладающего славянского элемента.

Вместе с тем такая постановка вопроса вносит уточнения и в проблему хронологического взаимоотношения трех новгородских поселков. Скандинавское Холмгард, арабская Славия, русские летописные предания о Славянске, предшествующем Новгороду, выдвигают Славенский поселок как древнейший. Это не противоречит намеку летописи на возникновение других двух городков

вания мери, которая в этом рассказе возникла в результате искажения этнонима «морова» или «норрома».

¹ НПЛ, с. 106.

только в момент создания указанной раннегосударственной федерации. В таком случае возникновение Неревского и Людина поселков должно непосредственно предшествовать строительству Новгорода-Детинца, а термин «Новый город» противостоит, в первую очередь, Холмгороду, Славну. Это мнение впервые высказано П. Л. Гусевым.

Рассмотрим теперь другую важную историческую проблему, решение которой зависит, в первую очередь, от археологических раскопок, частично уже проведенных в Новгороде. Хорошо известно своеобразие политического строя Новгорода, который в эпоху своего расцвета в XII—XV вв. был боярской республикой, а не княжеством, хотя князь и входил в число главных руководителей этой республики. В Новгороде не было наследственной монархии. Народное собрание, вече, имело право пригласить или изгнать любого князя и постоянно контролировать его, противодействуя любым акциям, направленным в ущерб республиканскому строю. К какому времени относится возникновение этого порядка? Предполагалось, что первоначальную историю Новгорода составляет так называемый княжеский период, когда политический строй Новгорода не отличался от политического строя, например, Киева, и только постепенное укрепление местного новгородского боярства породило его взаимодействие с князем, приведшее к восстанию против князя в 1136 г. В ходе этого восстания якобы и были созданы впервые все республиканские органы боярской власти, а князь низведен до положения второстепенного чиновника.

Для правильного понимания этой проблемы важно, в частности, установить местоположение княжеской резиденции в начальный период существования Новгорода. Центральная власть обычно локализуется в пределах городских цитаделей, которые и создаются для ее защиты. Историкам хорошо известны загородные резиденции новгородских князей на Городище в 3 км от Новгорода и в селе Ракома в 6 км от Новгорода. Известно также Ярославово дворище, находящееся в самом городе, на берегу Волхова, напротив Детинца. Как теперь очевидно, эта резиденция возникла за пределами городских фортификаций; она находилась вне древнего Славенского поселка, располагавшегося восточнее. Поэтому исследователи предполагали, что самая ранняя княжеская резиденция Новгорода находилась в самом Детинце. Такому пред-

ставлению как будто соответствует и топография Новгородского детинца, который четко делится на две половины. В северной размещается двор епископа, в южной в позднеейшее, московское, время сосредоточивались постройки княжеских наместников и воевод.

Однако в ходе археологических исследований Детинца было установлено, что вся южная половина Детинца была впервые обнесена фортификациями только в 1116 г., когда кремль был расширен примерно вдвое¹. До этого здесь существовали улицы и кварталы обычной городской жилой застройки. Вплоть до присоединения Новгорода к Москве в 1478 г. эта часть Детинца находилась в административном подчинении Людина и Загородского концов; от первоначального Людина поселка она и была отрезана в 1116 г. Следовательно, для локализации здесь древнейшей княжеской резиденции не остается возможностей. Исконной резиденцией князя можно признавать только Ярославово дворище. Иными словами, князь и его дружина с самого начала были экстерриториальны по отношению к Новгороду, значит, его власть была вторичным явлением сравнительно с теми общественными институтами, местопребыванием которых был Детинец. И коль скоро в нем локализуется культовый центр и народное собрание, можно полагать, что вечевые институты обладают большей древностью, чем власть князя.

Именно поэтому историки наблюдают в политическом строе Новгорода времен расцвета боярской республики множество признаков, позволяющих выводить главные его институты из древних, еще общинных порядков. Княжеская власть временами могла усиливаться за счет вечевых органов, как это случилось в X—XI вв., но сами эти органы существовали еще до установления княжеской власти, противоборствуя ей в 1016 г., в 1036 г., в 1095 г. и в 1102 г., окончательно победив в 1136 г.

Проблема новгородского вечевого строя тесным образом связана с проблемой боярства, поскольку вечевой строй в эпоху расцвета Новгорода стал синонимом республики бояр. Споры ученых XIX в. об экономической природе боярской власти давно стали достоянием прошлого. Если историки минувшего столетия склонны были

¹ См.: *Алешковский М. Х.* Новгородский детинец 1044—1430 гг. (по материалам новых исследований). — «Архитектурное наследство», 1963, № 14.

в боярах видеть разбогатевших на международных торговых операциях купцов, то в советской историографии еще в довоенное время утвердилось представление о том, что бояре — представители аристократии, потомки древнейших старейшин — были феодалами-землевладельцами, обладавшими громадными латифундиями в Новгородской земле. Это представление блестящим образом было подкреплено показаниями многочисленных берестяных грамот, найденных на городских усадьбах бояр. В них отражены заботы о состоянии земельной собственности и об ее приращении.

Представить себе специфику городского боярского владения можно было бы, сравнив структуру городской застройки Новгорода в эпоху его самостоятельности и в московское время. Однако прямое археологическое сравнение здесь затруднено невозможностью нормального исследования новгородских прослоек XVI—XVII вв. В этих горизонтах культурного слоя, относительно сухих, не сохраняются органические остатки; кроме того, они сильно нарушены позднейшими земляными работами. И тем не менее общую картину застройки Новгорода в XVI в. возможно представить по дошедшим до нас кадастровым описям¹. В них подробно указаны размеры дворов, принадлежавших лицам из разных сословий и расположенных чересполосно. Крупные городские владения соседствовали с мельчайшими усадьбами небогатых ремесленников, торговцев и клириков.

Иная картина открывается взору археологов, вторгающихся в слои эпохи новгородской независимости. Воспользуемся в качестве примера материалами промадного Неревского раскопа, на котором в 1951—1962 гг. был вскрыт участок древнего города общей площадью около 10 000 м². Участок пересекался тремя древними улицами: Великой и перпендикулярными к ней Холопьею и Козмодемьянской. Расположенные по сторонам этих улиц кварталы делились частоколами на громадные усадьбы площадью в 1200—2000 м² каждая. Центром усадьбы во всех случаях является большой господский дом, окруженный хозяйственными постройками, домами челяди, ремес-

¹ См.: Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI века. СПб., 1911; Греков Б. Д. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому XVI в. СПб., 1912; Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. Предисловие и редакция С. В. Бахрушина. М., 1930.

ленными мастерскими. Подобные микроячейки города открывались и при раскопках на других участках, создавая картину единообразия городской застройки и нивелировки быта владельцев усадеб. Эта картина, характерная, скажем, для первой половины XV в., оставалась всякий раз неизменной и при углублении в слой более раннего времени¹. Поразительно, что линии частоколов, рубежи усадебных участков, проведенные в X в., оставались неизменными вплоть до присоединения Новгорода к Москве во второй половине XV в. Несомненно, что стабильность городского боярского землевладения отражает его исключительную экономическую устойчивость.

И в то же время единообразие этой картины не лишено загадочности. Возможно ли в средневековом городе представить себе столь последовательную нивелировку экономического быта даже в пределах одного боярского сословия? Ведь роль различных боярских семейств в Новгороде не была одинаковой. Представители одних семей из поколения в поколение избирались в посадники, были главами одного из самых крупных во всей Европе государств; другие семьи никогда не достигали таких политических высот. Одни бояре владели латифундиями размером в иное европейское королевство; землевладение и экономическая мощь других были в десятки раз менее значительными. Такая разница не могла не проявляться и в городском быту. Между тем в пределах Неревского раскопа были обнаружены десятки берестяных грамот, позволивших установить, что среди раскапываемых усадеб было и городское землевладение бояр Мишиничей-Онцифоровичей, которым почти полтора столетия, с конца XIII в. и до начала XV в., принадлежала полнота боярской власти в Новгородском государстве. На соседних же внешне неотличимых усадьбах владельцами господских хором были лица, даже не упомянутые на страницах летописи.

Недоумения рассеялись, когда на план вскрытых на Неревском раскопе усадеб были положены все берестяные грамоты, адресованные Мишиничам. Их топография оказалась чрезвычайно четкой. Все они расположились внутри границ владений этой семьи, но в состав этих владений входила не одна усадьба (в пределах раско-

¹ См.: Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 123, 1963.

панного участка было обнаружено три таких усадьбы). Более того, анализ различного рода письменных источников, содержащих сведения об окрестной территории, позволил установить, что раскопками был затронут лишь край большого участка, принадлежащего Мишиничам. В 80 м к западу от Неревского раскопа в древности стояла церковь Спаса, построенная Лукьяном Онцифоровичем. В 50 м от раскопа в том же направлении была расположена церковь Козмы и Демьяна, в которую Юрий Онцифорович сделал ценный вклад. В 100 м к югу от Неревского раскопа располагалась церковь Сорока мучеников, где до конца XIV в. находилась родовая усыпальница Мишиничей. Полагая, что перечисленные церкви стояли на границе принадлежащих Мишиничам земель, можно реконструировать их владения в городе в виде компактного массива из 10—15 усадеб.

Изложенное предположение было проверено в 1969 г. раскопками. Был исследован участок, расположенный на удалении от Неревского раскопа, но в пределах теоретически реконструированного массива усадеб Мишиничей-Онцифоровичей. Первая же обнаруженная здесь берестяная грамота происходила из слоев рубежа XIV—XV вв. и была адресована Юрию Онцифоровичу.

Боярское городское землевладение в Новгороде, таким образом, было клановым. Такие родовые участки городской территории существовали на том же месте уже в эпоху возникновения Новгорода. Показательно, что, опустившись в слой X в., мы на том месте, где в XIV в. проходила граница владений Мишиничей, обнаружили границу жилой застройки вообще. Далее к северу шел пустырь, отделявший эту родовую ячейку от расположенной на некотором расстоянии от нее другой подобной же боярской ячейки. На карте средневекового Новгорода участки некоторых боярских кланов хорошо различимы по скоплениям окружающих их церквей. Соединительная ткань в виде новых усадеб возникала между боярскими участками лишь с XI—XII вв.

Но если все это так, то, установив существование в новгородских концах подобных боярских гнезд, мы получаем возможность как бы присутствовать при возникновении исходной структуры городского конца. Из свидетельств письменных источников XV в. известно, что термин «конец» в Новгородской земле применялся не только в городском административном делении, но и в

сельской местности. Еще в 1914 г. Б. Д. Греков описал по показаниям писцовых книг устройство Жабенской волости в районе озера Селигер. Погост-селение Жабна объединял всю волость. Непосредственно к погосту тянуло 14 деревень, которые вместе с погостом-селением составляли ядро волости, вокруг которого были расположены семь «концов», объединявших каждый по нескольку десятков деревень. «Не был ли когда-нибудь и сам Новгород в подобном же положении?»¹, — спрашивал Б. Д. Греков. Привлекая археологические наблюдения над городскими древностями Новгорода, мы можем в предположительной форме утвердительно ответить на этот вопрос. Новгород образовался объединением концов, но концы образовались объединением боярских гнезд, имевших поначалу деревенский облик. Боярская семейная собственность на эти волостки сохранилась на весь период новгородской независимости, когда прежние сельские волостки давно уже стали городскими кварталами.

Говоря о клановом городском землевладении бояр, мы имеем в виду и вытекающую из него систему общественных взаимоотношений бояр и остального населения таких участков. Ведь бояре составляли лишь верхушку такого населения, а его основная масса состояла из челяди, ремесленников, мелких торговцев, клира боярских родовых церквей и прочего зависимого люда, который не имел собственных дворов и вынужден был жить на чужой земле, впадая в прямую зависимость от ее владельцев. В Новгороде открыты многие десятки ремесленных мастерских и собраны многочисленные свидетельства высокого развития всех отраслей ремесла, но все эти остатки найдены на боярских усадьбах, характеризуя состояние вотчинного ремесла и зависимых непосредственно от вотчинника мастеров.

Пытаясь выразить социальную сущность такого комплекса в современных научных терминах, мы можем обозначить его только как патронимию — родовое земельное владение, организующее в пределах своей компактной территории разнообразное по сословной принадлежности население. Население патронимии делится на собственно семью, находящуюся в привилегированном положении, и зависимых от нее людей. Патронимия воз-

¹ Греков Б. Д. Избранные труды, т. IV. М., 1960, с. 185.

никает в древности на основе большой семьи, что лишний раз свидетельствует о традиционности этого института для Новгорода, но может и не быть в дальнейшем чисто реликтовым явлением. Процессы классовообразования и классовой борьбы трансформируют ее, сохраняя лишь форму, наполненную иным содержанием. В частности, в Новгороде этот социальный институт заботливо культивировался боярами, поскольку он организовывал зависимое население разной сословной принадлежности в подчиненный боярам, владельцам усадеб, политический отряд и препятствовал процессам классовой консолидации ремесленников, мелких торговцев, усадебных холопов. Пока между боярами шла активная борьба за власть, пока пост посадника служил яблоком раздора между разными территориальными боярскими группировками, домогающиеся этого поста бояре всегда имели возможность средствами демагогии и принуждения использовать классовое недовольство плебса в своих сословных целях. Лишь когда в начале XV в. создаются органы боярской олигархии, включающие представителей всех боярских родов Новгорода, активизируется процесс классовой консолидации зависимого населения, впервые противопоставляющего себя боярству в целом.

Значит ли это, что все население Новгорода жило только на боярской земле? Отнюдь, нет. Наличие в Новгороде значительного массива непривилегированного, но свободного населения не может вызывать сомнений. Из числа свободных ремесленников и торговцев на протяжении всей истории Новгорода формировалась не только закабаляемая феодалами беднота, но и целое сословие феодалов неаристократического происхождения, получивших наименование «житьи люди». Из той же среды вырастало крупное купечество. Вечевая формула государственного представительства «от всего Новгорода» в древних актах выглядит следующим образом: «...от бояр, от житых людей, от купцов, от черных людей, от всего Новгорода». В республиканском правительстве Новгорода представитель бояр, посадник, выступал рука юб руку с тысяцким, а последний, хотя зачастую и сам был боярином, квалифицируется источниками как представитель купцов, житых и черных людей, т. е. всех непривилегированных сословий свободного населения Новгорода. Именно свободного населения, поскольку невозможно представить себе в лице тысяцкого предста-

вителя тех ремесленников и холопов, которые жили на усадьбах бояр и полностью подчинялись их воле. Где же находились дворы этой части населения? Нет сомнения в том, что они не были столь обширны, как хорошо известные теперь усадьбы бояр.

В Новгороде рядом с кончанской администрацией на всем протяжении его истории существовала другая административная система — сотенная. Десять новгородских соцких возглавлялись тысяцким, который, как мы уже говорили, представлял купцов, житых и черных людей. Но эти категории свободного населения жили как раз не в концах, а в сотнях. «А купец потянет в сто, а смерд потянет в свой потуг» — эта административная формула характерна и для XIII, и для XV вв. Иными словами, проблема социальной структуры Новгорода имеет также и историко-топографический, археологический аспект. Можно полагать, что сотенное население города наряду с боярами осваивало те городские территории, которые находились вне первоначальных родовых боярских поселков, на тех местах, которые поначалу были пустопорожними и где больших раскопок еще не проводилось. Боярские «концы» и небоярские «сотни» располагались в Новгороде чересполосно. Поэтому давнее стремление историков обозначить границы новгородских концов пересекающими город на пять частей прямыми линиями кажется сейчас несколько наивным.

И в то же время, вчитываясь в летопись и в другие документы, можно наблюдать, как в XIV и XV вв. быстро прогрессировал процесс поглощения сотен боярскими концами. Если еще в XIII в. тысяцкий почти всегда избирался из среды непривилегированного населения, то уже в XIV в. на этот пост выбирали только боярина. Если соцкие в XIII в. еще не имеют отчеств, что само по себе служит им и классовой характеристикой, то в XIV в. их пост также становится достоянием бояр. Напомним, что одним из таких соцких был, например, брат знаменитого посадника Юрия Онцифоровича Максим. Немалую роль в процессе боярского поглощения «сотен» сыграло церковное строительство бояр. Мы видели, например, что на границах своих городских владений Онцифоровичи построили несколько церквей. Но эти церкви предназначались не только для населения собственно боярских усадеб Онцифоровичей (для этого, наверное, хватило бы и одной церкви), их прихожанами

были и жители соседних «сотен», духовниками которых становились находящиеся на жаловании у Онцифоровичей священники.

Во все века своей истории Новгород был бурлящим котлом, в котором кипели страсти классовых и политических схваток. И до тех пор, пока вечевой строй, будучи в своей основе инструментом боярского самовластия, оставлял для непривилегированных сословий хотя бы видимость их участия в управлении государством, вечевые порядки оставались и знаменем независимости для всего Новгорода. Когда же в последний период новгородской самостоятельности боярство узурпировало все представительные должности и превратило Новгородскую республику в олигархию, такое государство уже некому, кроме самих бояр, стало защищать, и оно, как гнилой плод, упало под ноги Москвы. Присоединение Новгорода к Москве не было завоеванием, а стало классовой антибоярской акцией и самих новгородцев — плотников и сапожников, кузнецов и горшечников.

В этом очерке при характеристике археологических материалов не упоминается более ранней даты, нежели X век. Однако известно, что возникновение Новгорода летопись относит ко времени, на целое столетие более раннему. Обнаружены ли при раскопках слои IX в.? И да и нет. Самые ранние слои больших городов — наиболее деликатная часть культурных напластований. Пока, на самых ранних этапах своего существования, город еще не был замощен, люди, жившие в нем в X в. и бывшие ближайшими потомками первопоселенцев, безжалостно топтали их, перемешивая древнейшие остатки с более поздними. В коллекциях Неревского раскопа удастся выделить некоторое количество предметов IX в. Все они происходят из самых ранних прослоек, но в этих прослойках их находили рядом с вещами середины X в.

Этот краткий обзор исторических проблем, занимающих Новгородскую экспедицию, является и кратким изложением тех результатов, к которым пришла новгородская археология в последние годы. Одни из этих решений могут быть признаны окончательными, другие нуждаются в тщательной проверке новыми раскопками, третьи едва намечены и потребуют многолетних полевых и лабораторных работ. Эти работы уточнят многое в наших современных представлениях, но они вызовут к жизни и постановку новых проблем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История Новгорода, как она видна сегодня, пережила несколько этапов. Поначалу на его территории возникли небольшие поселки. Один из них был основан пришельцами с Днепра, получившими на новом месте имя ильменских словен. Словене заняли восточный берег Волхова и назвали свой городок Холмом или Славном. В IX в., когда на северо-западе возникла раннегосударственная федерация словен, кривичей и некоторых чудских племен, на западном берегу Волхова, напротив Славна, возникают поселки аристократии этих племен — Людин, основанный выходцами с территории современной Польши кривичами, и Неревский, принадлежавший местным финно-угорским племенам. Политическое объединение поселков приводит к созданию общего административного центра Детинца — он и стал Новым городом по отношению к основавшим его городкам-концам. Каждый из этих городков был центром принадлежавшей ему округи, а Детинец стал столицей громадного межэтнического объединения всего русского Северо-Запада. Как полагается административному центру, он включал в себя языческое капище и вечевую площадь¹. Жили новгородцы не в нем, а на территории своих постепенно увеличивающихся поселков-концов. Когда в том же IX в. новгородцы приглашают к себе князя, он не становится хозяином Детинца, уже принадлежащего жрецам и вечевому собранию. Резиденция князя возникает на противоположном берегу Волхова — за границей первоначальных городков, как бы вонне Новгорода.

С начала X в. новгородским князем становится представитель династии, правящей в Киеве. Оттуда в 980 г. исходит первая культовая — еще языческая — реформа Владимира, установившая иерархию богов во главе с Перуном. Противостояние князя и Новгорода, начавшееся за сто лет до того, ведет к созданию нового княжеского языческого центра в роще Перынь у истока Вол-

¹ См.: Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода. (К постановке проблемы.) — «История СССР», 1971, № 2.

хова. Там раскопками 1948—1952 гг. были обнаружены остатки капища Перуна и основание идола этого главного языческого божества¹. Иностранность этой реформы для Новгорода очевидна из летописного рассказа о том, как после свержения Перуна некий новгородец, увидев его статую прибитой к берегу, оттолкнул ее ногой со словами: «Перунице! Досыти еси ел и пил, а ныне прочь плови»².

Такой же иностранной для Новгорода должна была стать начавшаяся спустя восемь лет — и тоже по киевской инициативе — христианизация. Однако этого не случилось. В средневековье христианская религия — наиболее удобная для господствующего класса идеологическая система, освящающая авторитетом религии общественное неравенство. Для Новгорода принятие христианства имело и дополнительный смысл: пестрые местные культы, противопоставляющие друг другу разнородные территории города и государства, сменились единым культом верховного божества. Сразу после христианизации в Новгороде началось возведение церквей на месте языческих требищ, в том числе главного собора города — деревянной Софии в Детинце. Эта акция вместе с тем превращала главный собор в городской — епископский и вечевой, а не княжеский храм. Князь по-прежнему оставался вне Детинца.

XI век порождает новую расстановку политических сил. После того как мощная поддержка новгородцев способствовала утверждению Ярослава на киевском столе, этот князь предоставил Новгороду важные льготы. Видимо, главное в них состоит в том, что были установлены четкие границы государственной деятельности князя и боярской верхушки города. Боярство было провозглашено неподсудным князю, была признана власть бояр над концами города. Князь же оставался судьей над прочими категориями свободных горожан, объединенных в сотни³. В эту пору как символ единства князя

¹ См.: *Седов В. В.* Древнерусское языческое святилище в Перыни. — Краткие сообщения ИИМК АН СССР, вып. 50. М., 1953; *его же.* Новые данные о языческом святилище Перуна. — Краткие сообщения ИИМК АН СССР, вып. 53. М., 1954.

² НПЛ, с. 160.

³ См.: *Алешковский М. Х.* Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV веков. — «Советская археология», 1974, № 3.

и бояр возникает совместная постройка города и князя — каменный Софийский собор.

Однако борьба против князя вскоре разгорается с новой силой. Новгородский князь на всем протяжении X и XI вв. оставался, по существу, киевским наместником. Новгородский стол киевский князь традиционно предоставлял своему старшему сыну, а тот был также традиционно и претендентом на Киев. Новгород казался этим наместникам местом временной остановки, не заслуживающим особого внимания. Новгородские князья и их дружинники в самой малой степени обзаводились там земельными участками, предпочитая получать дань. Но внутри новгородского общества продолжался процесс классового расслоения, и в ходе этого процесса с каждым десятилетием все заметнее становилось экономическое могущество древней родо-племенной аристократии — местного боярства, которое было готово само управлять городом и всем государством.

Эта борьба приносит ощутимые результаты в конце XI в., когда боярство добивается новых ограничений княжеской власти и создает собственный орган государственного управления — посадничество¹. Именно в это время возникают монументальные памятники великого противостояния князя и бояр. Детинцу — центру городского управления — князь противопоставляет храмы-крепости, которые оседлали Волхов и поставили под княжеский контроль все торговое движение по реке. В верхнем течении Волхова, на правом его берегу, возникает новая мощная резиденция князя — Городище с Благовещенской каменной церковью на вершине высокого холма. А напротив, через Волхов, встает княжеский Юрьев монастырь с его крепостью — каменным Георгиевским собором.

Противостояние князя и боярства ощутимо и в самом Новгороде. Возле городской резиденции князя, Ярослава двора, в начале XII в. строится княжеский Никольский собор. А рядом с ним как попытка опереться против боярства на подчиненное князю ремесленное и торговое население города возникают каменные княжеские постройки Торга — церкви Ивана на Опоках, Успения на Козьей бородке и деревянная церковь Георгия на Торгу. Но это последние княжеские сооружения в городе.

¹ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.

В 1136 г., после знаменитого новгородского восстания, происходит новое размежевание власти между боярами и князем. Впервые провозглашен приоритет боярской власти, установившей свое право приглашать угодных и изгонять неугодных князей. Главной функцией князя остается судебная, но уже в рамках организованного в результате восстания смешанного с посадником суда¹. Сохранение в Новгороде княжеского стола диктовалось необходимостью поддерживать союз с наиболее сильными русскими землями, откуда и появляются в дальнейшем кандидаты на новгородский стол. Однако пределы их деятельности в Новгороде все больше сжимаются, пока, наконец, не замыкаются в границы загородной гродищенской резиденции, где в конце XII в. сооружается последний выдающийся княжеский храм — церковь Спаса на Нередице.

В конце XII в. из-под контроля князя уходят административные сотни с их торговым и ремесленным населением. В Новгороде создается новый государственный пост выборного на вече тысяцкого, который становится представителем всех свободных горожан Новгорода, исключая бояр и непосредственно зависимых от них людей. Представителем бояр остается посадник. Впрочем, и пост тысяцкого достаточно скоро узурпируется боярством. Власть сосредоточивается в руках феодальной аристократии, а Новгородское государство окончательно превращается в боярскую республику.

Новгород, как уже сказано, вырос из предшествовавших ему городков-поселков. Этот союз до конца новгородской независимости оставался принципиальной основой организации в нем боярской власти. Общеновгородское вече, посадничество, тысяцкое — главные республиканские органы — организовывались как представительные от концов города. Поначалу таких концов было три. Потом, с ростом города, в XII в. к ним прибавился четвертый — Плотницкий, а в XIII в. пятый — Загородский. Концы, точнее — кончанские группировки бояр, постоянно боролись между собой за право занимать ключевые должности в государстве. Эти столкновения — на вечевой площади и на Волховском мосту — неотъемлемая часть летописного рассказа. Всякий раз политическая

¹ См.: Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. I, с. 159.

борьба бояр за власть захватывает весь город и дополняется классовыми схватками. Это требует от бояр совершенствования своего классового государства, внутренней консолидации. Сплочение боярства против непривилегированных сословий Новгорода достигается все на той же корпоративной, представительной основе. Уже в XIII в. создается боярский Совет господ, равное представительство имеют все концы города. В середине XIV в. в Новгороде одновременно правят шесть посадников — по одному от каждого конца и еще один главный, степенный. В XV в. таких посадников избирают уже несколько десятков — поровну от каждого конца. В это время практически все боярские семьи представлены в высшем правительственном органе, возникает боярская олигархическая власть. Однако Новгород был населен не только боярами. И само развитие боярского правительства — это ответ на усиление недовольства черного люда: ремесленников и торговцев. Одной из самых важных задач бояр, стоявших у власти, было подчинить себе свободный черный люд, использовать его классовое брожение в своих целях и прежде всего укрепить личное влияние в пределах своего конца: ведь, лишившись народной поддержки, трудно было рассчитывать на победу в политическом столкновении с другими концами. Одним из наиболее совершенных инструментов классового влияния бояр становится церковь.

Многолетние раскопки в Новгороде позволили выяснить примерный план жилой застройки города. Поначалу каждый его конец складывался из комплексов боярских усадеб, разделенных пустыми пространствами. Каждый из этих комплексов принадлежал отдельному боярскому роду и был заселен членами этого рода и зависимыми от них людьми, холопами и ремесленниками. Пустые пространства постепенно заселяли другие свободные горожане, не связанные с боярами. С точки зрения градостроительной эта новая застройка была как бы соединительной тканью между боярскими комплексами, с точки зрения административно-юридической — иным миром, миром сотенного населения, подчиненного тысяцкому, тогда как боярские комплексы составляли кончанскую систему, находящуюся под рукой посадника. Иными словами, внутри конца существовало классовое противостояние разных территорий. Преодолеть это противостояние в интересах бояр возможно было только средствами со-

циальной демагогии. Внушить всему населению конца и соседних сотен мысль, что все беды и несчастья происходят от того, что у власти в данный момент стоит не тот боярин, который живет здесь же, рядом, а его противник из другого конца, добиться от этого населения поддержки в борьбе за власть — этой задаче служили уличные и кончанские вечевые собрания, но еще более значительная роль отводилась церкви.

Поэтому уже в XII в. бояре начинают активное строительство приходских церквей на принадлежащих им городских землях.

Население сотен, до поры до времени не располагавшее такими же экономическими возможностями, как бояре, вынуждено было посещать боярские приходские церкви. И мы видим, как боярские комплексы обрастают гнездами церквей, способных вместить кроме боярской семьи и ее челяди множество живущих поблизости людей из разных сословий. Бояре Онцифоровичи, например, комплекс усадеб которых был частично раскопан в 1951—1962 гг., воздвигли на краю своих владений четыре каменные церкви. Не отставали от них и другие боярские роды. Именно поэтому на плане древнего Новгорода можно обнаружить немало таких мест, где, как говорили в старину, церкви «кустом стоят».

Но церковное строительство таило в себе и немалую опасность для самих бояр. Создавая все новые и новые храмы, передавая церквям земельные владения, бояре тем самым усиливали церковную организацию города, в целом подчиненную епископу. И принцип классового общества — «в чьих руках богатство, тому принадлежит и власть» — неизбежно должен был принести свои плоды и поставить церковного владыку на первое место в республике.

Боярству было необходимо найти какой-то способ ограничить влияние главы церкви, сдержать его движение к власти.

Уже в XII в. в Новгороде начинается оживленное создание боярами пригородных монастырей. Члены боярской семьи, основавшей монастырь, строили в нем церкви, иногда постригались в монахи, помещали в монастыре свои родовые усыпальницы. Аркажский монастырь был, например, теснейшим образом связан с династией живших на Прусской улице Новгорода бояр-посадников Михалки Степановича, Твердислава Михалкинича,

Степана Твердиславича¹. Колмов монастырь был основан в конце XIV в. боярином и посадником Юрием Онцифоровичем, жившим на Козмодемьянской улице в Неревском конце. В этом монастыре вслед за построенной Юрием соборной церковью быстро появляются постройки его детей. А правнучка Юрия Орина завещает монастырю все свои владения потому, что на Колмове похоронен весь ее род, начиная с Юрия Онцифоровича. В XIV в. возникают десятки подобных монастырей. Казалось бы, активное боярское монастырское строительство должно еще больше укрепить главу церкви — епископа. Однако в действительности оно его ослабляло. Еще в первой половине XIII в. в Новгороде монастыри, основанные боярами одного конца, были поставлены в подчинение главному кончанскому монастырю, возглавляемому кончанским игуменом. А всех кончанских игуменов объединял новгородский архимандрит. Его избирали на общегородском вече. Глава черного духовенства Новгорода становился подотчетным вечу, боярству, но не епископу.

Монастырское имущество было, по существу, нераздельной собственностью всего боярского сословия, резервом, который можно было использовать в случае острой нужды — во время войны или против народного движения. Смысл существования разветвленной системы монастырей был хорошо понятен новгородцам. Во время восстания Степанки в 1418 г. черные люди пришли к стенам Никольского на Поле монастыря — кончанского монастыря Загородского конца — со словами: «Здесь житницы боярские. Разграбим супостатов наших!»² Не был скрыт этот смысл и от соседей Новгорода. В 1478 г., когда новгородская политическая самостоятельность была ликвидирована Москвой, великий князь Иван III, желая прежде всего подорвать экономическую основу боярского могущества, потребовал конфискации именно монастырских владений.

В XIV и особенно в XV в. новгородское боярское государство быстро двигалось к олигархической форме правления и политическому краху. Узурпация сотенной системы, приобщение к власти всего сословия бояр, по-

¹ См.: *Хорошев А. С.* Боярское строительство в новгородском Аркаже монастыре. — «Вестник Московского университета», серия IX «История», 1966, № 2, с. 77—82.

² НПЛ, с. 409.

следовательное внедрение в церковную и монастырскую систему — все это разные проявления одного процесса практической ликвидации древних вечевых порядков, которые (особенно в низших звеньях вечевой системы) создавали поначалу хотя бы видимость представительного участия других сословий в политической жизни государства. Боярская олигархия явилась результатом углубления классовых антагонизмов в новгородском обществе, и поражением от Москвы в 1478 г. был уничтожен уже не вечевой строй, а самовластие бояр.

* *
*

Изучение истории Новгорода, как, впрочем, и любой другой большой проблемы, немислимо вне постоянно возникающей в ходе исследования перекрестной проверки показаний разных источников. Разумеется, главным из них остаются летописи. Но, как мы уже неоднократно убеждались, летописи далеко не всегда способны ответить на все встающие перед историком вопросы. Круг интересов летописца всегда избирателен. Летописец тяготеет к необычному. Он пунктуально отмечает, например, поражающие его явления комет, но вовсе не склонен фиксировать то, что кажется ему обыденным. Между тем в понятие этой «обыденности» входит и сам исторический процесс общественного развития, медленный поступательный ход которого отчетливо виден на удалении, но не всегда заметен современнику.

Умолчания летописи успешно преодолеваются средствами археологии, которая, благодаря великолепной сохранности в новгородском слое предметов, сделанных из материалов органического происхождения, знакомит исследователя с многообразием бытовых вещей, меняющихся с течением времени. То, что было обыденным для летописца, в классификационных схемах археологии оказывается наполненным движением, отражая важнейшие ступени прогресса. Развитие производственной технологии ремесла, совершенствование систем землепользования и состава сельскохозяйственных культур, изменение торговых путей и целых направлений международных связей, движение моды — все это находится за границей интересов летописца, но становится известным по археологическим материалам.

Археология открывает комплексы древностей, лока-

лизуемые во времени и пространстве. Давая им социальную характеристику, невозможно получить ее без помощи комплексного подхода ко всем без исключения древним предметам, составляющим усадьбу. В их число входят остатки строений и бытовой инвентарь, производственное сырье и орудия ремесленников, женские украшения и остатки пищи. Совместное изучение всех этих предметов не открывает только имени владельца усадьбы и других людей, живших на ней, выдвигая на первый план социологический принцип характеристики усадьбы.

Открытие берестяных грамот, позволившее определять многие усадьбы по имени владельцев, перебрало надежный мост от материальных комплексов средневекового города к летописи и другим письменным источникам. Это открытие в сильнейшей степени способствовало ликвидации разрыва между археологическим и письменным источниками, интегрируя их, создавая единый прочный фундамент исторического исследования.

Однако любой археологический комплекс не замкнут в усадебные частокотлы. Усадьба является ячейкой города, и взаимоотношение этих ячеек порождает линии многочисленных связей — экономических, политических, административных, проявляющихся в особенностях формирования городской топографии. Изменчивая картина градообразовательного процесса доступна исследовательскому анализу, который открывает в ней традиции, уходящие в древность. Эти традиции проявляются и в устойчивости усадебных границ, и в кончанской системе городской организации, и в противоположности кончанской системы сотенной. Однако топографический анализ бесплоден вне единого изучения данных городского плана, материалов археологии и показаний письменных источников, в первую очередь летописей.

То же самое очевидно и для других категорий источников и направления их исследования. Можно, разумеется, изучать древние памятники искусства, ограничиваясь выяснением их места среди замкнутого круга художественных явлений, сосредоточивая внимание исключительно на развитии стиля. Но интеграция их показаний с материалами письменных источников способна открывать принципиально новые грани их информационных возможностей, сталкивая исследователя с заказчиками этих художественных произведений и идеями, породившими этот заказ.

В равной степени это очевидно и для таких давно уже определившихся в специальные дисциплины отраслей исторического знания, как сфрагистика, нумизматика или метрология. Задачи, которые они решают в пределах сферы своих внутренних интересов, ограничиваются их вспомогательной, источниковедческой функцией, однако, их интеграция друг с другом и со всем комплексом прочих источников — вещественных и письменных — порождает выводы, которые никак не могут быть получены вне такой интеграции.

Только совместным исследованием разных категорий исторического источника вызван к жизни успех ретроспективного подхода к показаниям позднего документа. Соединение историко-топографического, нумизматического методов с традиционным методом анализа письменного источника дает возможность в позднем документе конца XVI в. разглядеть на столетие более ранний пласт. Только объединение в общем анализе данных топографии, археологии, летописи создает условия, при которых, не располагая материальными документами IX в., мы все же проникаем в обстоятельства исторического процесса этого столетия и приближаемся к решению столь трудных вопросов, как проблема происхождения Новгорода и этнические основы его возникновения, проблема истоков его своеобразных политических институтов и их взаимоотношения с княжеской властью.

Интеграция успехов разных исторических дисциплин сделалась возможной на основе их длительной дифференциации, породившей в каждой дисциплине методическую специфику. И в дальнейшем оба процесса будут развиваться рука об руку. Углубление специфики дисциплин тождественно совершенствованию их методики. Однако наиболее значительные успехи в этом процессе будут достигнуты путем взаимной связи специальных дисциплин, их интеграции. Лучше всего об этом сказал известный советский философ П. В. Копнин: под интеграцией научного знания следует понимать «не своеобразное суммирование знания, достигнутого различными науками, о некотором объекте... а стремление в процессе взаимосвязи позаимствовать друг у друга и сами методы, и язык; чтобы применить их для исследования своего объекта»¹.

¹ Копнин П. В. Диалектика, логика, наука. М., 1973, с. 101.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
К проблеме интеграции письменных и вещественных источников	5
Памятники сфрагистики и этапы развития Новгородской республики	22
Грамоты Антония Римлянина и их датирование	40
Из истории землевладения в Новгороде XII в.	60
Грамота князя Святослава Ольговича 1137 г.	80
Устав князя Ярослава о мостех	91
Церковь Бориса и Глеба в новгородском Детинце (о новгородском источнике «Жития Александра Невского»)	123
Из истории высших государственных должностей в Новгороде	136
Берестяные грамоты и городское боярское землевладение	150
Патрональные сюжеты и атрибуция древнерусских художественных произведений	182
Дата Шемякиной плащаницы	193
К вопросу о происхождении Морозовых	204
Возможности археологии в изучении средневекового Новгорода	213
Заключение	230

Валентин Лаврентьевич Янин

Очерки комплексного источниковедения Средневековый Новгород

Редактор А. С. Янкова
Художник А. Е. Коленков
Художественный редактор Т. А. Коленкова
Технический редактор С. П. Передерий
Корректор М. М. Сапожникова

ИБ № 604

А-13506 Сдано в набор 7/II 1977 г. Подп. к печати 27/VII 1977 г. Формат 84×108^{1/32}. Бум. тип. № 2. Объем 7,5 печ. л. 12,6 усл. п. л. 13,36 уч.-изд. л.
Изд. № Ист-174 Тираж 13 000 экз. Цена 50 коп. Зак. 2245
План выпуска литературы издательства
«Высшая школа» (вузы и техникумы) на 1977 г. Позиция № 16

Издательство «Высшая школа»,
Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Хохловский пер., 7.